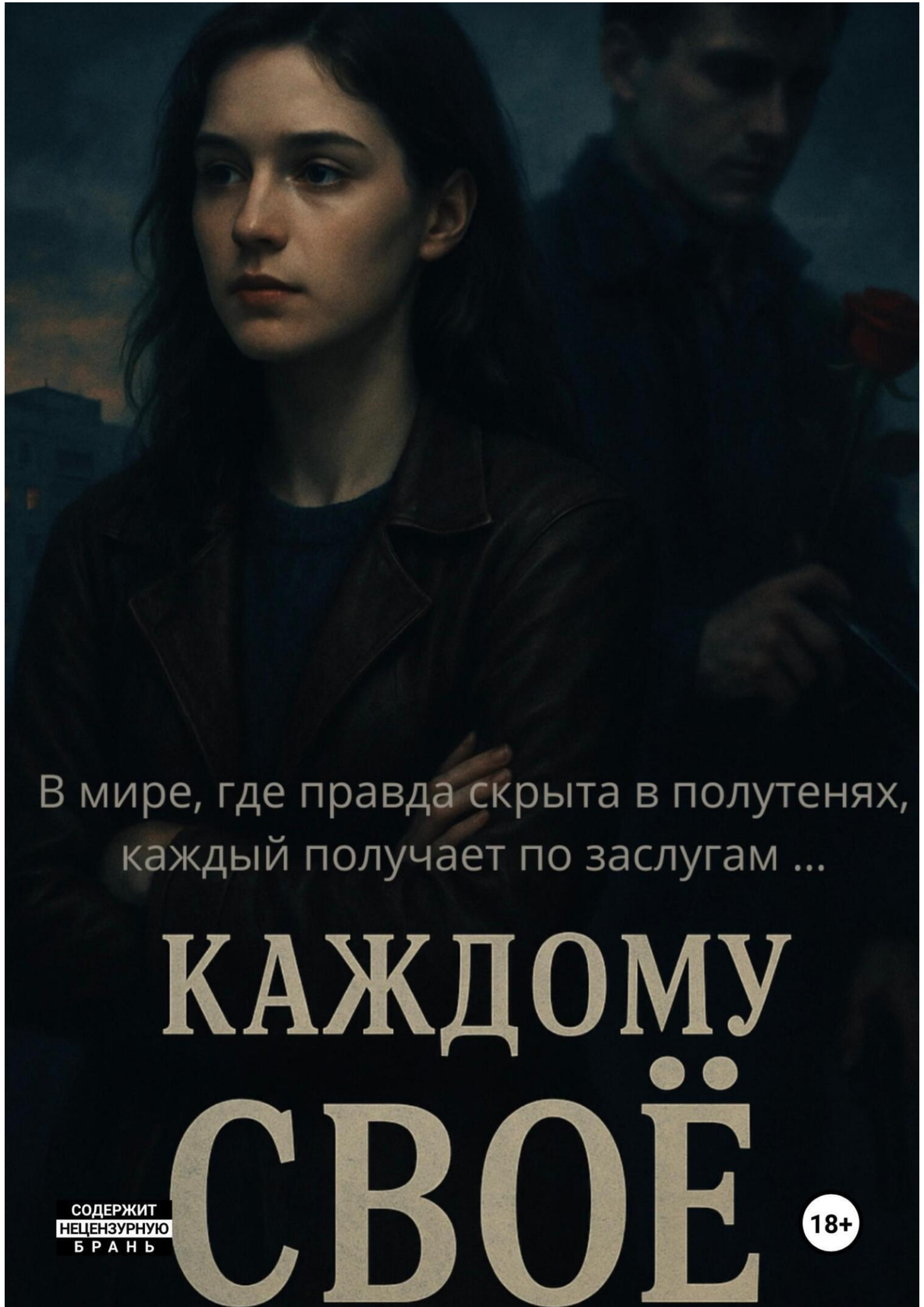

В мире, где правда скрыта в полутенях,
каждый получает по заслугам ...

КАЖДОМУ СВОЁ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Бородина

Каждому своё

«Автор»

2025

Бородина В.

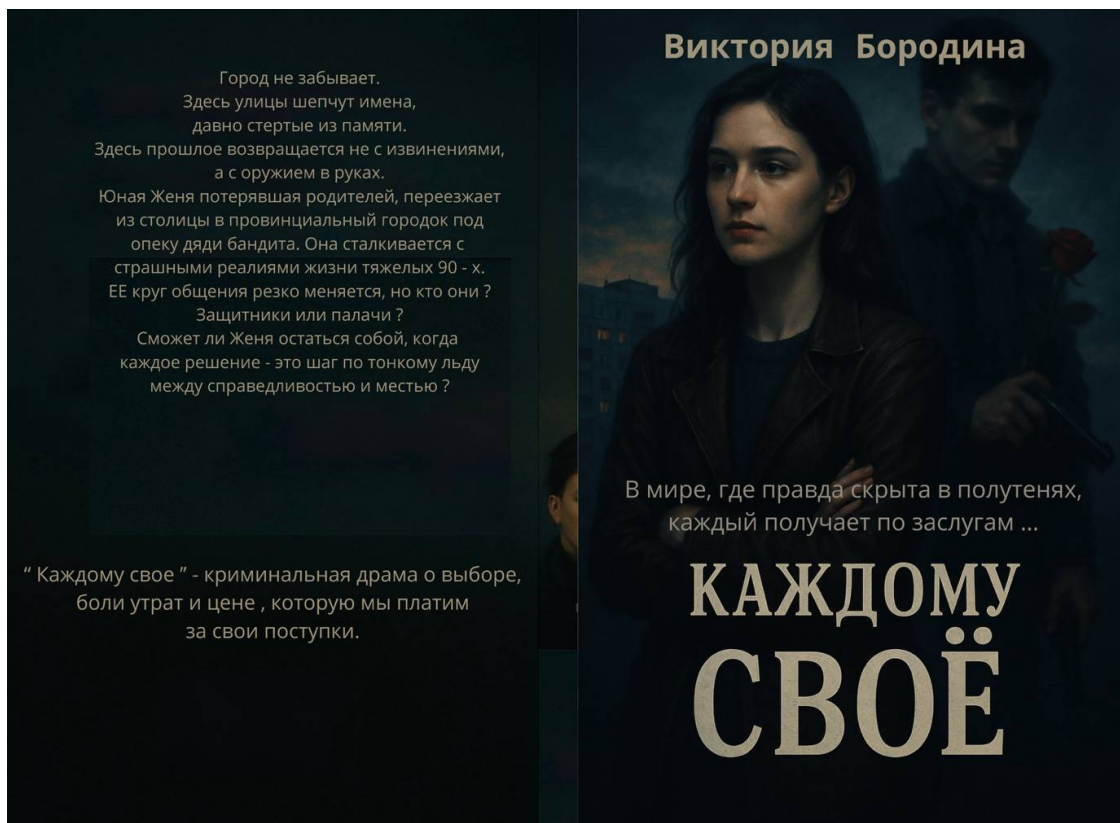
Каждому своё / В. Бородина — «Автор», 2025

Город не забывает. Здесь улицы шепчут имена, давно стертые из памяти. Здесь прошлое возвращается не с извинениями, а с оружием в руках. Юная Женя потерявшая родителей, переезжает из столицы в провинциальный городок под опеку дяди бандита. Она сталкивается с страшными реалиями жизни тяжелых 90 - х. ЕЕ круг общения резко меняется, но кто они? Защитники или палачи ? Сможет ли Женя остаться собой, когда каждое решение - это шаг по тонкому льду между справедливостью и местью ? " Каждому свое" - криминальная драма о выборе, боли утрат и цене, которую мы платим за свои поступки.

© Бородина В., 2025

© Автор, 2025

Виктория Бородина Каждому своё

Вы хотите услышать правду?

Сядьте. Закурите.

А теперь слушайте, как умирает детство.

Это история не о банде.

Это история о девочке, которая слишком рано поняла, что добро не всегда побеждает.

Зеленодольск, наше время.

– Потеря родных людей, пожалуй самое худшее что могло произойти со мной. Один телефонный звонок разбил моё сердце вдребезги... Уже сколько лет прошло, а я до сих пор не могу забыть тот злополучный день, который разделил мою жизнь на до и после...

– Расскажите, поделитесь, снимите с себя этот груз...

– Хахахаха....груз...– тихий смех разошелся по маленькому кабинету – у тебя есть сигарета?

Недолго думая, молодой парень 29 лет достал с кармана пачку сигарет и зажигалку, положив их посреди стола улыбнулся уставшей и нервной улыбкой.

В кабинете их сидело двое, и лишь тусклый свет настольной лампы разрывал тьму.

Женщина средних лет, с красиво ярко-красным маникюром вальяжно протянула руку к пачке.

Для Андрея Велетенского было большим удивлением видеть ее здесь. Ведь когда ему позвонил его друг, капитан полиции Илья Волков, и предложил масштабное дело длиной в 34 года, в котором замешаны самые беспощадные участники ОПГ «Вкладыши». Отказаться от этого было сверх сложным для парня, ведь он как никто другой интересовался «темой лихих 90-х».

Ничего удивительного, у каждого из нас есть своё хобби. Прийдя на встречу, Андрей ожидал увидеть кого угодно: мэра города, депутата, учителя, дворника, бездомного...но никак, красивую и хрупкую женщину. Да и выглядела она скорее как голливудская актриса нежели участница преступной ОПГ.

Статная, среднего роста женщина в бежевом вечернем платье, которое так прекрасно подчеркивало её точеную фигуру. Острые черты лица, скулы, пухлые губы, маленький изящный нос с горбинкой задавал невероятную харизму её внешности. Вьющиеся каштановые волосы красиво свисали ниже плеч. И только её миндалевидные, тёмно-карие глаза излучали жуткую боль и пустоту. Закурив сигарету, выпустив серый дым из лёгких, она сказала:

— Для журналиста ты слишком робкий. Ты напуган? Удивлен? Твоя дрожь в голосе и пот выступающий по всему лицу, весьма не располагает на «разговор по душам».

— Я скорее в смятении... я не думал что...— женщина резко перебила Андрея.

— Не думал что? Что встретишь женщину? Ахахах.... А ты думал что головорезами в 90 были только мужчины? Или как сейчас показывают в «поучительных» говно-фильмах «и сгнили они все в тюрьме, или в холодной могиле, от жизни такой проклятушей» - затувив окурок, грустно улыбнувшись женщина продолжила- ты даже и представить себе не можешь сколько богатых, знаменитых людей родом из 90-х. Зачем ты здесь?

Уперевшись локтями на стол, подперев ладонями щеки женщина пристально смотрела на парня. Его глаза излучали невероятную растерянность и неуверенность.

Закурив сигарету, парень ответил:

— За 5 лет работы в журналистике, признаюсь честно я видел многое. И точно так же встречал самых разных людей. Я всегда считал себя весьма устойчивым человеком, который здраво смотрит и оценивает любые ситуации... Черт, дерьмо...— подавившись сигаретным дымом, Андрей закашлялся. Улыбнувшись, затувив окурок продолжил.

— Я не знаю как это объяснить. Первый раз за всю карьеру я чувствую не присущие мне волнение, и дикуую уверенность в том, что я должен услышать вашу историю, я обязан

быть здесь.

Тепло улыбнувшись, закрыв на три секунды глаза женщина промолвила :

– Ты напомнил мне одного человека из моего прошлого. Светлые люди всегда чувствуют и видят больше чем нужно. Они были рождены с самым большим даром, видеть сердцем.

Глаза женщины моментально заблестели, а со щёки скатилась одинокая слеза.

Пристально, неотрывно смотря в глаза Андрею, она сказала:

– А знаешь, я тебе расскажу. Только расскажу все с самого начала... Мои дети родились в Штатах, они и знать не знают даже русского языка, что уж там и говорить о страшилках 90-х. Точнее не знали... Я думаю с ними уже связались, или свяжутся в скором времени. А я не хочу чтобы мы, остались ужасным серым пятном в их памяти. Я хочу чтобы они знали правду! Настоящую правду...

Андрей включил диктофон. Женщина взяла сигарету, затянув в себя дым, оперевшись спиной о стул, выпуская дым начала свой рассказ :

– Редкосная дрянь, 34 года не курила... До сих пор сигареты напоминают мне о том дне... Одним из самых страшных дней в моей жизни. В этот день я закурила в первый РАЗ...

ГЛАВА 1 .

Когда Зима забрала.

Это было начало декабря 1990.

Боже, как же я обожала зиму. Атмосфера новогодних праздников просто сводила меня с ума. Был обычный морозный, зимний вечер. На улице уже смеркалось, а в окошках квартир многоэтажек потихоньку включались огоньки.

Как же мне нравилось гулять морозным вечером по заснеженным улицам столицы. Смотря на светящиеся окна квартир, мне нравилось представлять различные истории об их жителях.

Сегодняшний вечер был особенным для меня.

Ведь во время завтрака, папа говорил мне о том, что сегодня после работы он купит ёлку, и вечером всей семьей мы будем её наряжать.

Как же я обожала своих родителей. Мы не были богатой или даже зажиточной семьей, но мы с мамой никогда ни в чем не нуждались.

Папа делал для нас все возможное и невозможное. Он работал бухгалтером на автомобильной базе. Все свое свободное время он посвящал нам.

Для него я была его маленькой принцессой. Он никогда не позволял себе повысить на меня голос, не говоря уже о том, чтобы дать кому-то меня обидеть.

Я помню, как в третьем классе школьный хулиган Витька Соболев насыпал мне мела в школьный ранец. Я тогда пришла с истерикой и слезами домой. Так папа в тот же день оттащил Витьку за ухо, а после еще втащил его отцу. Больше Витька не трогал меня, он даже посмотреть в мою сторону боялся.

Моя милая и нежная мамочка. Она укутала наш дом и семью максимальным уютом.

Мама закончила педагогический, но решила посвятить себя семье. Дома всегда было убрано, еда приготовлена ею, была произведением искусства. Она была умна, красива, грациозна. Я могла рассказать ей все что угодно, и она всегда могла меня поддержать. Любовь к литературе передавалась мне от нее. Я наверно никогда не смогу забыть силуэт сидящей мамы у окна читая книгу. У нас дома, была огромная библиотека, с зачитанными до дыр книгами. Когда я была маленькая она любила рассказывать мне придуманные ею истории перед сном.

Мои родители, были примером для всех. Как же они любили друг друга. О такой любви писали романы, сочиняли поэмы. Так как смотрел папа на маму никто и никогда ни на кого не смотрел.

Они начали встречаться еще со школьной скамьи, но трепет, нежность, уважение, любовь смогли пронести сквозь года семейной жизни.

Каждую пятницу папа приносил маме букет цветов, вечером они открывали бутылочку вина, садились в гостиной и болтали обо всем на свете. А когда папа слышал музыку он приглашал маму на танец, а мама заливалась громким и звонким смехом. Смотря на них так и, витала в голове фраза – 'Это любовь...'

Этот вечер не должен бы быть исключением. Я с нетерпением дождалась, когда закончится последний школьный урок, попрощалась с подружками, и радостная шла домой.

Снежок скрипел под ногами, морозный лёгкий ветерок обдувал мое лицо.

Совсем скоро Новогодние праздники, на каникулы мы поедem на дачу. А сегодня самый уютный вечер в мире. Наряжать ёлку всей семьей для нас было традицией.

Лохматая снежинка, упавшая на мои волосы, заставила меня остановиться. Я подняла глаза к небу – и замерла. Над головой тихо кружились снежинки, лёгкие, как дыхание зимы.

Они падали медленно, не спеша, будто ласково касались мира. И в этот момент мне вдруг захотелось быть частью этого танца. Я закружилась – легко, как ребёнок, раскинув руки, ловя снежинки ладонями и лицом.

Они таяли на щеках, оставляя прохладные поцелуи, а сердце наполнялось чистой, прозрачной радостью.

Я смеялась, не скрываясь, – просто оттого, что жива, что зима, что небо над головой.

Даже когда из-за угла раздалось недовольное:

– Тьфу ты, лучше бы делом занялась! Тунеядка! —и я увидела соседку-бабку с её вечным прищуром, я лишь махнула ей рукой и рассмеялась ещё громче.

Сегодня ничто не могло испортить мне настроение. Ни её ворчание, ни холод, ни даже суматошный мир вокруг.

Потому что судьба подарила мне лучшую жизнь, зима – минуту волшебства, и я выбрала – быть счастливой.

Подойдя к двери своей квартиры и открыв её, я сразу почувствовала странную тишину. Никого. Ни маминых шагов, ни звуков с кухни, ни привычного запаха ужина. Это показалось мне странным – мама ведь точно должна быть дома.

Я переобулась, повесила куртку и, немного растерянная, прошла на кухню. Сделала себе перекус – что-то быстрое, без настроения.

Потом села за уроки, и незаметно пролетело время.

Когда я, немного уставшая, посмотрела на часы, стрелки показывали уже семь вечера. А дома всё так же было пусто.

Лёгкая тревога начала расползаться внутри, будто тонкая паутина. Я взяла книгу, надеясь отвлечься, но глаза всё время возвращались к дверному проёму. Читать не получалось – мысли путались, сердце сжималось.

Я включила телевизор – для фона, чтобы тишина не пугала так сильно. Мягкий свет экрана размывал комнату, убаюкивал. Я так и не заметила, как уснула – прямо на диване, в одежде, с книгой, с тревогой внутри.

...Тусклый свет телевизора переливался тенями по стенам. Комната дышала тишиной.

Где-то в глубине сна я почувствовала, как кто-то мягко касается моей щеки. Я медленно открыла глаза – надо мной склонились мама, а папа стоял чуть дальше.

Они были такими, как всегда... но в них было что-то иное. Как будто светились изнутри – мягко, тепло, почти нереально.

– Вы... вы дома? – прошептала я, садясь на диване. – Где вы были? Я так переживала...

Мама села рядом, её пальцы погладили мои волосы. Глаза её были нежные, но печальные.

– Солнышко... – тихо сказала она. – Мы пришли попрощаться. Тебе теперь придётся быть сильной. Повзрослеть чуть раньше, чем ты хотела.

Я не поняла сразу, о чём она говорит. Сердце замерло.

– Но... вы же здесь? Всё же хорошо? – я старалась удержать голос, но он дрожал.

Папа стоял чуть позади, опершись на дверной косяк. В его глазах был свет, как от далёкой звезды, и что-то глубокое, невыразимое словами. Он подошёл, опустился на колени передо мной и взял мои ладони в свои.

– Красивая моя, – тихо сказал он, как называл меня в детстве. – Жизнь бывает разной. В ней есть свет и тень, радость и боль. Но ты не одна. Ты справишься. В тебе есть сила, о которой ты даже не подозреваешь.

– Но как? – я всхлипнула. – Без вас... как я справлюсь?

– Он будет рядом, – прошептала мама, и её взгляд стал чуть глубже, почти неземным. – Ты ещё не знаешь, кто, но Он уже рядом. Он поможет тебе пройти путь, когда станет темно. Ты почувствуешь это.

Папа кивнул, улыбнулся своей тёплой, немножко уставшей улыбкой.

– Не унывай. Не сдавайся. Борись. И помни – мы всегда в тебе. В каждом шаге, в каждом решении, в каждом дыхании.

Они оба посмотрели на меня – так, как смотрят только родители, когда любят без остатка.

– А теперь, – сказала мама, – тебе пора вставать...

Я хотела крикнуть, удержать их, спросить ещё хоть что-нибудь... но вдруг резкий звук – стук в дверь – прорезал тишину сна, и я проснулась.

Сердце колотилось в груди. Комната снова была обычной. Экран телевизора погас.

Сумерки сменились бледным светом рассвета.

За окном медленно светало. Было раннее утро.

Я сидела на диване, покрытая холодным потом.

В дверь продолжали стучать. Мир стал реальнее.

Стук повторился. Гулко, настойчиво, в утренней тишине, которая ещё держалась в квартире, как остаток сна. Я вскочила с дивана – босыми ногами по полу, сердце отбивало тревожный ритм.

Какая-то дрожь прокатилась по спине, едва заметная, как предчувствие, которое пока не имеет формы, но уже пульсирует внутри.

Я подошла к двери, заглянув в глазок. На пороге стоял мужчина в форме — милицмейская фуражка, строгий ворот, тёмное пальто поверх формы. Он выглядел уставшим, сдержанным. Его лицо было напряжённым, словно он продумывал каждое слово заранее.

Я приоткрыла дверь, цепляясь за дверную ручку, как за спасательный круг.

– Доброе утро, – произнёс он, – капитан Кожевников Антон Сергеевич.

Он выпрямился и посмотрел на меня внимательно.

– Вы – Дегтярева Евгения Александровна?

Я кивнула.

– Да... это я. А что случилось?

Он сделал короткую паузу. Его глаза на мгновение скользнули в сторону, как будто он собирался с духом. Мне стало нехорошо. Прямо физически – в груди появилось ощущение, будто невидимая тяжесть медленно оседала внутрь. Всё замедлилось.

– Можно войти? – тихо спросил он.

Я шагнула назад, машинально открывая дверь шире. Он прошёл внутрь, снял перчатки, задержался в прихожей. Я не сводила с него взгляда. Его присутствие в квартире казалось чем-то неправильным – как будто два мира наложились друг на друга, и один из них сейчас собирался разрушить другой.

– Простите за ранний визит, – начал он. – Мне нужно задать вам несколько вопросов. Скажите, ваши родители – Дегтярёв Александр Викторович и Дегтярёва Лилия Архиповна?

– Да... – прошептала я. Голос дрогнул. – А что с ними? Где они?

Он сделал полшага ближе. Лицо его было сдержанным, но в глазах – та самая незащитная человеческая боль, которую не скрыть за званиями и погонами.

– Я сожалею... – начал он мягко, почти шепотом. – Ваши родители... сегодня утром... погибли в результате дорожно-транспортного происшествия. Столкновение с грузовым транспортом на трассе. Мы получили подтверждение личности. Всё произошло мгновенно... они не успели почувствовать боли.

Мир застыл. Всё исчезло: стены, мебель, свет за окном. Осталась только тишина.

Бездонная, холодная, звенящая. Мои ноги ослабли, дыхание сорвалось. Я стояла в пустоте.

«Нет», – подумала я. Этого не может быть. Не должно быть. Только что... только что они были здесь. Я видела их. Говорила с ними. Папа назвал меня «Красивая»... мама

гладила по волосам... Как?..

Я не почувствовала, как рухнула на пол. Всё исчезло. Последнее, что я уловила, прежде чем провалиться в темноту – это резкий вдох капитана и его движение ко мне, будто он хотел успеть подхватить... Но я уже ничего не слышала.

Сознание возвращалось, как сквозь плотную вуаль.

Сначала – запах. Резкий, пронизывающий, холодный – нашатырный спирт. Я закашлялась, отпрянула, моргнула, пытаюсь понять, где я. Голова гудела, будто внутри кто-то бил молотком по металлу. Рот пересох, язык словно прилип к нёбу, в груди – пустота и страх.

Передо мной сидела молодая женщина. Тонкие черты лица, собранные волосы, строгий, но не холодный взгляд. Она внимательно смотрела на меня, не приближаясь слишком близко, давая пространство для осознания.

– Доброе утро, Евгения, – мягко сказала она – Меня зовут Добровольская Ангелина Валерьевна. Я из подразделения по делам несовершеннолетних. Всё в порядке. Вы в безопасности.

Я попыталась сесть. Простынь соскользнула с плеч. Комната казалось словно чужая — бледные стены, тусклый свет, стул у стены, форма капитана мелькнула сбоку. Мне хотелось спрятаться, исчезнуть, вернуться в тот сон, где всё ещё было по-другому.

– Я... что?.. – пробормотала я.

– Вы потеряли сознание, – пояснила женщина. – Это нормально. У вас шок. Сейчас вам будет тяжело, но я помогу. Вы не одна, слышите?

Слова будто проходили мимо. Не доходили. Я только смотрела в пол, будто пытаюсь собрать по осколкам разбитую реальность.

Мама. Папа. Сон. Капитан. Стена. Стук в дверь. Они ушли навсегда.

Когда сознание стало яснее, а её голос звучал уже чётко, как из настоящего мира, я подняла глаза и спросила:

– Значит... теперь я... в детдом?

Комната замерла. Я почувствовала, как её взгляд стал тяжелее. Она хотела ответить, но кто-то шагнул в комнату.

Я повернулась.

На пороге стоял мужчина. Лет тридцати трех, крепкий, уверенный. В нём было что-то знакомое. Черты лица, глаза, особенно – глаза.

Мои.

Он подошёл ближе, и, улыбнувшись чуть неловко, но с теплотой, сказал:

– Пока я жив, моя родная кровь никогда не останется одна.

Он остановился, присел передо мной, посмотрел в упавшие плечи и дрожащие пальцы.

– Ну здравствуй, Евгения Александровна.

Он усмехнулся мягко.

– Или, если хочешь попроще... Привет, племяшка.

Я смотрела на него, не в силах говорить, словно в капкане – тело сотрясала дрожь, а внутри всё кипело. Передо мной стоял незнакомец, говорящий, что он мой дядя.

Дядя?!

Но... родители всегда говорили – родни у нас нет. Никого, ни тёток, ни дядь, ни двоюродных... ничего. Только мы – трое.

– Я... не понимаю, – прошептала я, не отрывая от него взгляда. – Кто ты, чёрт возьми?..

Он сделал шаг ближе, мягко, как будто боялся напугать. Его голос был тёплым, почти отеческим.

– Я – Дима. Твой дядя. Родной брат твоего отца. Поверь, я бы явился раньше, но... было сложно. Долгая история. Сейчас не время.

Он опустился на корточки передо мной, и его глаза были полны какого-то неподдельного чувства.

– Послушай, красивая моя... я не знаю, что тебе говорили, и так уж получилось, что меня прятали. Но я здесь. Я – рядом. И я не брошу тебя...

Но мои мысли были спутанны, сознание трещало по швам. Слова звучали, но не укладывались. Я всё ещё была там – у двери, с капитаном, в комнате, где всё рухнуло.

– Погибли...? – прошептала я. – Мама... папа?... Это сон?

Вдруг всё оборвалось.

– НЕТ! – заорала я, срываясь, как с цепи. – НЕТ! СУКА, ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?! КТО ВЫ ВСЕ, БЛЯДЬ?! ГДЕ МОИ РОДИТЕЛИ?! ПОШЛИ НАХРЕН ВСЕ ИЗ МОЕЙ КВАРТИРЫ!!!

Я вскочила, как бешеная, начала отталкивать их, метаться, как раненый зверь. Пульс бил в ушах, всё в комнате прыгало и качалось, слёзы душили, и страх превращался в ярость.

– Док! Делай что-то! – рявкнул Дима.

Из соседней комнаты появились трое. Кромешные шкафы в кожанках – будто бы вышли из ночного кошмара спального района.

У каждого за плечами – не только массивная спина, но и прошлое, от которого ржавеют ножи в подворотнях. Бритые, серьёзные, у каждого – взгляд как у собаки, что нюхом чует беду.

Один, которого звали, как позже я узнала, Док, сделал шаг вперёд. Я пыталась вырваться, но меня аккуратно, но крепко схватили двое. Дима подбежал, подержал меня за плечи, смотрел мне в глаза.

– Тихо, тихо, тише, родная... – прошептал он.

– Всё хорошо... Я здесь... ты не одна, слышишь? Я за тебя порву этот грёбанный мир.

Я почувствовала укол. Мгновенный укол в руку. Жжение... слабость... ноги стали ватными.

– Н-нет... – выдохнула я, падая прямо в его руки. Он подхватил меня, крепко прижал.

– Моя девочка... моя родная. Отдыхай. Всё под контролем.

Его голос был мягкий, почти колыбельный, и в нём звучало что-то настоящее, даже сквозь этот кошмар.

Сквозь туман в голове я едва расслышала голос одного из парней – с насмешкой:

– Да, Дёготь, тут тест ДНК не нужен. Вы ж вылитые. Безумие – оно, брат, семейное.

И тут Дима взорвался.

– А ну, пасть, суки, ЗАКРЫЛИ ВСЕ! – заорал он с хрипом. – С ней – на "вы" и только шёпотом. Кто её хоть пальцем тронет – пойдёт вниз с моста, как утренний мусор. Я вас предупреждал. Это моя кровь. Поняли?!

Комната замерла. Перед тем как я окончательно провалилась в темноту, я услышала, как кто-то шепчет:

– Вроде псих... а говорит от души...

Я очнулась уже вечером. За окном сгустились сумерки, в комнате царил тишина, мягкая и вязкая, как туман.

Сначала я не могла понять – где я, кто я, и всё ли это было на самом деле. Казалось, я всё ещё где-то между сном и явью. Но затем – резкая вспышка воспоминаний. Родители. Крик. Люди в кожанках. Укол. Дима...

Я села с трудом. Голова гудела, мышцы были ватными. Всё внутри протестовало против движения, но я заставила себя встать.

Двигалась медленно, держась за стены, как слепая. Каждый шаг отдавался тяжестью в груди. Я шла, будто под водой, сквозь густую реальность, возвращающуюся со скрипом.

И вдруг – звук с кухни. Металлический – будто что-то упало. Я вздрогнула, сердце в груди резко сжалось. Осторожно подошла к дверному проёму и заглянула внутрь.

Дима стоял у плиты. Спина ко мне, в черных трениках с вытянутыми коленками и белой майке, пожелтевшей на швах. Он пытался одной рукой держать сковороду, а другой – курил сигарету, которая медленно догорала в его пальцах. В воздухе висел запах масла, табака и чего-то почти домашнего... почти.

Блинчик соскользнул со сковороды прямо на пол. Он уставился на него, закатил глаза, вскинул голову к потолку, выпустил струю дыма и процедил сдержанно, но с ощутимой досадой:

– Сукааа...

Я не сдержалась – тихонько хихикнула, придерживаясь за косяк двери. Он обернулся, чуть вздрогнув, но увидев меня, с облегчением выдохнул.

– Ну, ты чего – хочешь напугать насмерть? – сказал он, затушив сигарету в подставке под кружку. – Еле живая утром была.

– Ага, зато ты живой, – фыркнула я. – И, как я вижу, ещё и кулинар мирового уровня. Прямо шеф-повар из Парижа. Блинчик на пол – это фирменный стиль, да?

Он усмехнулся, почесал затылок.

– Ну а чё ты хочешь? Я тебя блинчиками встречаю, понимаешь. А они – эти, блины – не слушаются.

Он бросил тряпку на плиту и повернулся ко мне. Взгляд у него был уже спокойный, почти тёплый.

– Присаживайся, хочешь воды?

Я кивнула. Села за стол, обхватив руками кружку. Он поставил передо мной простую советскую стеклянную кружку с водой, сел напротив, нервно теребя пальцами зажигалку. Несколько раз хотел начать разговор – и замолкал.

– Знаешь... – начал он, – я не собирался вот так. Без подготовки, без нормального разговора...

Он пожал плечами.

– Всё как-то через жопу вышло. Ты была в шоке. Я – в растерянности. Парни... ну, они такие, свои.

Он покосился на меня.

– Я просто хотел, чтобы ты знала – ты не одна. Серьёзно. Это не временно, не "на подержать". Если ты позволишь – я буду рядом. Всегда.

Я опустила глаза. Мыслей было слишком много. Одновременно хотелось и сбежать, и остаться, и кричать, и молчать. Всё это было чересчур.

– Может... – сказал он, немного неуверенно, – давай выйдем? Посидим где-то? Не здесь, не в этой тишине. Хочешь в ресторан? Я знаю одно место. Там играет музыка... нормальная. Можно спокойно поговорить. Без кухонной драмы и блинчиков на полу.

Я медленно подняла глаза. Он смотрел на меня не как чужой, не как "дядя", который вынырнул из ниоткуда, а как человек, который старается – как может. Неумело. Грубо. Но старается.

– Хорошо, – ответила я тихо. – Только... чтоб без сюрпризов, ладно?

Он кивнул.

– Честное слово. Только ужин и разговор. А дальше – как ты скажешь, Красивая моя.

И в его голосе впервые за всё это время прозвучала не уличная грубость, не бравада, а то, чего мне так не хватало сейчас – тепло. Родное тепло.

В ресторане «Бригантина» было, как всегда, пафосно. Хрустальные люстры свисали с лепного потолка, зеркала на стенах отражали огни и чужие разговоры, а между столиков медленно ходили официанты в белоснежных рубашках и тёмных жилетах. Из колонок негромко звучал саксофон – глухо, с ленцой, как будто сам вечер устал жить.

В уютном углу, почти в тени, за круглым столиком сидели двое. Двое – родных и в то же время абсолютно чужих людей.

Женя оглядывала зал с осторожностью зверя, брошенного в незнакомую клетку. Она здесь впервые, но её взгляд то и дело возвращался к мужчине напротив. Дима. Её «новообретённый» дядя. Единственная ниточка, что ещё связывала её с этим миром.

Он спокойно, почти по-деловому делал заказ официанту, небрежно пролистав меню.

Женя украдкой рассматривала его. Высокий, широкоплечий, с прямой спиной и руками, в которых ощущалась сила. На вид – не больше тридцати, хотя ему тридцать три.

Тёмно-карие глаза блестели даже в полумраке зала, в них было что-то дикое – опасное, но притягательное. На его скуластом лице – еле заметные шрамы и ссадины. Следы жизни, в которую она до вчерашнего дня и заглянуть бы не осмелилась.

И, как бы странно это ни звучало, – они были похожи. Как две капли воды. Один и тот же прищур, тот же изгиб бровей, та же тень боли в уголках рта. Если бы не возраст, его можно было бы принять за её старшего брата. Из раздумий её вывел его голос. Тихий, немного сдавленный.

– Жек... – он накрыл её ладонь своей, грубой, мозолистой. – Я понимаю, тебе сейчас чертовски тяжело. Но ты должна поесть. Хоть немного. Надо набираться сил...
– Он сглотнул. – Завтра... Завтра похороны родителей.

Женя вздрогнула. Слово «похороны» будто резануло по живому.

– Похороны?.. Кто?.. Как?.. – голос дрожал.

– Не волнуйся, – Дима осторожно убрал ладонь, как будто боялся сломать её. – Я всё устроил. Всё будет... как надо.

И он замолчал не потому, что не хотел говорить, а потому что не мог. Дима отвёл взгляд, пытаясь скрыть дрожь в пальцах. Это был не страх – это было волнение.

Дикая, звериная тревога. Он – человек, который не боялся ножей, пуль, погонь... но сейчас сидел перед единственным родным человеком и не знал, как найти нужные слова.

– Почему... – прошептала Женя, – почему мой отец никогда не говорил о тебе? Ты же его родной брат. У нас дома ни одной фотографии. Ни одного слова о тебе, вообще никогда.

– Жек... Это долгая и тяжёлая тема. Я мог бы... – начал он, но она перебила его.

– Нет, ты не мог! – её голос задрожал, глаза налились слезами. – Завтра я иду хоронить самых близких мне людей. Они погибли, умерли, и никогда уже не вернутся.

Я осталась одна. Моё сердце... – она стукнула себя в грудь, – разбилось. На миллионы осколков. И я не знаю, как собрать их обратно. И вот появляешься ты. Говоришь, что ты мой дядя, что ты меня не бросишь. Забираешь меня из моего дома. Говоришь загадками, а объясниться по-человечески – не можешь. Кто ты вообще, Дима?

Она вырвала руку и резко вытерла слёзы, потекшие по щекам. Боль рвалась наружу, сквозь каждый вдох, каждое слово.

Дима сидел напротив, молча, глядя в свою пустую рюмку. И только его стиснутые пальцы говорили, сколько ярости, отчаяния и нежности сейчас в нём кипит.

Он медленно полез во внутренний карман чёрного пиджака, достал несколько снимков и письма в старом, пожелтевшем конверте. Протянул ей молча.

Женя взяла фотографии – дрожащими пальцами. На первой – она, совсем маленькая, в пижаме, со смешным бантом. На другой – с папой на рыбалке. На третьей – мама, в домашнем халате, пишет письмо, рядом чашка с ромашковым чаем.

– Это же... я?.. Откуда?.. Где ты взял это?

Её взгляд упал на конверт. В графе отправителя – знакомый до боли почерк. – Дегтярева Лилия Архиповна... Кому... Дегтяреву Дмитрию Викторовичу... прочитала она шёпотом. – Ты всё это время общался с моими родителями?

– Только с Лилей, – хрипло ответил он. – Саша вычеркнул меня из жизни восемнадцать лет назад...

Он поднёс сигарету к губам, вдохнул, и начал говорить – медленно, тяжело, будто сдирая кожу со старых ран...

– Не в пылу ссоры, не в пьяной злости. А тихо. Холодно. Навсегда. Просто однажды перестал смотреть в мою сторону. Как будто я больше не существую. Для него я стал... несчастьем. Пятном, которое он хотел забыть.

Дима откинулся на спинку кресла. Его лицо было тенью. Жене показалось, что рядом не человек, а чёрно-белый фотоснимок, забытый в старом ящике. Линии усталости, прожжённые под глазами, и губы, сжатые так, будто внутри копится что-то, что давно просится наружу.

– Знаешь, они же были одноклассниками Саня и Лилька. Я всегда говорил, что они как из кино. Он на неё смотрел, как на солнце. А она на него – как на якорь. Саня однажды пришёл из четвертого класса, кинул портфель и сказал: – Я женюсь на Лильке. Все уже решено и обсуждению не подлежит. Родители смеялись. А я уже тогда знал – он не шутит. Мы были командой. Всегда вместе. У нас было своё дерево во дворе, свой тайник, свои «секретики» в земле, своя башня из поддонов за гаражами. Это было золотое время. Мы были банда из трёх.

И вдруг – всё рухнуло. В 1971 начался полный беспредел. В городе – взрыв. Сначала слухи, потом разборки, потом кровь. В воздухе чувствовалось что-то неправильное – как будто само время начало рассыпаться на части. Менты либо подкуплены, либо боятся. Улицы – как фронт. Всё началось не с меня, Жек. Началось с бати. С деда твоего – Виктора.

Он был... настоящий. Работяга, с мозолями, как кора. Без выкрутасов. Он пахал на заводе. Станочник, токарь пятого разряда. Простой мужик, которого уважали даже пьяницы на районе. Потому что знал своё дело и слово держал.

Дима сжал руку в кулак, словно пытался сжать в ней прошлое.

– В тот день он пришёл домой пораньше. Мы собирались всей семьёй посидеть. Мама наварила борща, Саша мастерил табурет, я помогал, а Лилька принесла пирог, смеялась, рассказывала веселые истории и лезла всем под руку. Дом был полон света. Полон нас. Даже радио, которое вечно хрипело, играло вдруг чисто. А он сказал: «Пойду, возьму хлеб, чтоб уж совсем по-людски было». Вышел. И не вернулся.

Женя затаила дыхание.

– Его привезли только ночью. В «скорой». Был в рабочей форме, пальто открытое, руки разбиты, лицо в крови. Я помню... как мать закричала. Тот крик... до сих пор в ушах. Врачи потом сказали: задержка из-за административного недоразумения. Не то что бы забрали – просто... в больнице не хватало мест. Он пролежал в коридоре. А у него – череп пробит, гематома, внутреннее кровоизлияние. Сказали: "Если бы привезли на час раньше..."

Дима замолчал, взгляд его стекленел, и Женя впервые увидела в нём что-то щенячье. Потерянное. Беззащитное.

– Батя стал... не собой. Он дышал, ел, моргал... но не говорил. Смотрел в потолок, словно искал в нём что-то. Слово. Жизнь. Ответ. Мама съежилась. За неделю постарела лет на десять. Начала пить. Саша – ухаживал, как святой. Молчал. Ни слёз, ни жалоб. Только ждал. Он был... правильный. Честный. Такой, каким и должен быть. А я... Он прижал пальцы к переносице, втягивая воздух через зубы.

– А я не мог. Я рвал подушку зубами по ночам. Я не спал. Я хотел только одного — найти тех, кто это сделал. И сделать с ними то же самое. Или хуже.

– И вот тогда появился Лёха Бравин. Мой старый сосед. Пропал давно, уехал с матерью. А тут – бац – стоит у подъезда. Мы с ним пошли на крышу. Там всегда был воздух. Сидим. Молчим. Курим.

Я тогда только выдохнул: «Отцу череп проломили. Просто так. За часы. За уважение, может. За то, что не согнулся.» Он затаивается, смотрит на город и говорит: «Мои тоже мертвы. Батю и бабу зарезали. За старый телек и мешок гречки. Просто так.» Я ему: – Я не могу больше жить, как все. А он мне: — Либо мы станем волками, либо нас сожрут. Ты кто, Димон? Щенок? Или... И я понял – я волк. Я не щенок. Я не жертва.

Так появилась наша первая пятёрка. Так родились «Вкладыши».

Каждый из нас был чем-то полезен: кто-то – базар держал, кто-то – железо точил, кто-то был разведчиком. А я... был молотом. Сначала мы чистили ларьки. Потом взяли контроль над базаром. А потом – весь район. С этого всё и началось. С этого момента – и до сегодняшнего дня. Так родились мы «Вкладыши». Не просто пацаны. Не просто шпана. Мы стали силой.

Нас было пятеро. Потом – двадцать. Потом – весь район. Мы не играли в благородство. Мы забирали своё. Но зато – наши старушки спокойно шли на рынок. Мамки не боялись выпускать детей. Потому что знали: если что – Вкладыши рядом. И Дёготь – не даст в обиду.

А Саша... Он всё это видел. Он приходил домой, где мама тихо плачет над фотографией, где отец сидит в инвалидной коляске. А меня... он вычеркнул. Смотрел, будто я – грязь на его ботинке. Он верил, что мир можно спасти словами. А я знал — словами можно только потерять время.

Знаешь, в тот день, когда мы впервые разошлись, он не сказал мне ни слова. Просто оставил на столе ключ от сарая и записку: «Теперь ты сам по себе». Словно выдал приговор. Он

думал, что мир можно спасти законами. Что на зло надо отвечать добром. Но, Жек... Он никогда не видел, как парни в масках выволакивали из подъезда бабушку и ломали ей пальцы за сто двадцать рублей пенсии. А я видел. И я не мог просто отвернуться.

Дима замолчал. Долго. Очень. Женя не смела прервать.

– Лилька... Она была единственной, кто не отвернулся. Она не принимала то, что я делал – но понимала, зачем я это делал. Писала мне. Передавала твои фото. Рассказывала, как ты растёшь. Как боишься темноты. Как разговариваешь во сне. Ты унаследовала от неё свет, Жек. А от меня – огонь. И я здесь. Потому что не мог не прийти. Потому что теперь ты – моя ответственность. Моя кровь. Моя племянка.

Он накрыл её руку своей – грубой, шершавой, крепкой. Но тёплой. Живой.

– И я клянусь... Пока я дышу – ты не будешь одна.

Женя долго молчала, глядя на стиснутую в кулаке салфетку. Слова Димы будто растворялись в ней – не оставляя места ни гневу, ни прощению. Только пустота. Но она всё-таки выдохнула:

– То есть ты... ты действительно убивал?

Дима поднял взгляд. Мягкий свет из-под потолка «Бригантины» высветил в его глазах не ярость, не гордость – а усталость. Глубокую, как шахта, из которой не выбраться.

– Да.

– Людей?

– Не всегда людей, – криво усмехнулся он. – Иногда... зверье. В человеческом обличье.

– Чушь! – вскинулась Женя, стукнув ладонью по столу. – Так все оправдываются! Все, кто давил, ломал, стрелял – они всегда делают это ради «справедливости», ради «своих». Ты такой же. Обычный уличный пёс, который уверовал, что стал богом!

Дима не ответил сразу. Просто затушил сигарету, аккуратно – как будто хотел, чтобы даже пепел остался на месте.

– Ты ничего не знаешь о том что происходит сейчас.

– Да мне не надо знать! – почти закричала она. – Мне достаточно знать, что ты прятался за кулаками, когда надо было говорить. Что ты выбирал насилие, когда можно было уйти. Ты строишь из себя героя, а на деле – просто мясник!

– Хватит. – Его голос стал низким, как рокот грома. — Хватит, Женя.

– Нет! Не хватит! – её глаза налились слезами, но голос был острым, как стекло. — Ты появился в моей жизни, как грёбанный кошмар, с братками, уколами! И теперь

сидишь тут, говоришь о чести, о долге... А ты – убийца, Дим! И мне плевать, что у тебя был отец, которого покалечили. У меня – были родители, которые погибли! И они были лучше тебя!

На этих словах Дима опустил взгляд. Долго смотрел на пол. Потом выдохнул и сказал:

– Они не просто погибли, Жек.

Тишина стала громче сирены. Женя замерла. У неё дрожали руки.

– Что?

– Их... убили.

Он вытащил из внутреннего кармана тонкий серый конверт и положил на стол.

– Я узнал об этом в этот же день. Связи скажем так. Вскрытие показало: перерезаны тормозные магистрали. Сделано чисто, не первый раз. Саня... твой отец... Он был слишком правильный. Отказался участвовать в схеме с «откатами» на автобазе. Они пытались его подкупить. Он послал. Потом угрожали. Он опять послал. А потом...

Потом машина не остановилась.

Женя смотрела на него, как на чудовище из сна. Всё, что она знала – рушилось.

– Зачем... ты мне это говоришь?

– Потому что ты имеешь право знать правду. Потому что завтра ты будешь стоять над двумя гробами. И должна понимать – это не несчастный случай. Это расплата.

– Значит... ты знал? Всё это время? И не сказал?!

– Хотел пощадить.

– Пощадить?! Она вскочила из-за стола. – Господи... Да ты не лучше тех, кто перерезал те чёртовы трубки! Ты тоже молчал! Прятался! Ты убивал – а теперь хочешь сострадания?

– Нет, – спокойно сказал Дима. – Я хочу только одного: Чтобы ты знала, что это — не конец. А только начало. Ты осталась. Ты – их кровь. И если ты не хочешь, чтобы их смерть была напрасной – живи. Не прячься, как я. Не огрызайся. Не мсти. Живи. Но не закрывай глаза на правду.

Женя села. Резко. Как будто всё её тело сдулось от боли. Она прикрыла глаза. Сквозь пальцы капали слёзы.

– Почему, Дима?... Почему никто ничего не с это елал? Почему, если все знали, никто не остановил?

Он посмотрел на неё с бесконечной тяжестью в глазах.

– Потому что сейчас такое время, Жек. Потому что в наше время честь и совесть – роскошь. Таких либо ломают, либо хоронят. И потому, что Саша был один. А один – не выживает.

Они замолчали. Зал в «Бригантине» будто сжался, стал тесным, как коридор на кладбище.

Потом Дима медленно встал, достал бумажник и положил на стол крупные купюры. Говорить не было нужды. Женя смотрела в пустоту.

– Завтра... рано вставать. Похороны в девять. Надо быть на кладбище до девяти. Я заказал машину.

Он обернулся на выходе. И, уже почти у двери, бросил тихо:

– Если не сможешь спать – я на кухне. Блины всё ещё не получаются, но чай... заварю.

Они шли по улице, молча, рядом, но будто бы по разным дорогам. Слов больше не было. После всего сказанного в «Бригантине» воздух между ними стал вязким, как дым дешёвых сигарет, или пролитый на стол вино...

Женя брела с опущенной головой. Каждый шаг гремел в ушах, будто удары молотка по гробовой доске.

В голове крутилось только одно: "Папа знал, и всё равно пошёл до конца. Мама знала – и молчала, чтобы не сломать его."

Дима шёл немного впереди, тяжело, будто нес что-то на плечах. Может, вину. Может, память.

Они поднялись по лестнице, без слов, без взглядов. В квартире было темно и тихо. Как в морге. Женя машинально разулась, скинула пальто на крючок, и прошла в комнату родителей. Там пахло ими. Её миром.

– Мам... – выдохнула она. – Пап... – И опустилась на пол.

Дима не зашёл. Просто притворил дверь и сел в кухне. Курил у открытого окна. Пепел падал на подоконник, как серый снег. Он не плакал. Плакать – значит признать слабость. А он мог быть кем угодно – но не слабым. Не сейчас.

Утро похорон. В квартире стояла гробовая тишина. Такое ощущение, будто даже время решило затаиться, не дышать. Свет падал сквозь грязноватое окно на старый ковёр, на котором Женя сидела, свернувшись, в халате своей мамы. Он был ей велик – как вся новая реальность.

С кухни доносился запах кофе. Настоящего – горького, крепкого, сваренного по-людски.

– Собирайся, Жек. – голос был мягкий, как редкое прощение. – Уже почти семь.

Она подняла голову. Глаза были опухшими, но внутри уже не было слёз. Плакать — значит поверить, что это правда. А она пока не могла.

– Я нашёл чёрное пальто. Небось твоё. На нём пуговица шатается, но сойдёт. И перчатки. Твои. Кожанные. Тёплые. Мамка заботилась.

Женя не ответила. Просто прошла мимо него в ванную. Умылась ледяной водой. Посмотрела в зеркало – и не узнала лицо. Губы белые. Щёки ввалились. Волосы — спутанные. Там стояла не она. Там стояла сирота.

На кладбище туман стелился по земле, как забытая молитва. Чёрные силуэты людей. Мягкий хруст снега под ногами. Хоронили под музыку. Без попа. Без долгих речей. Как в 90-е – просто, по-человечески. Два гроба. Два...

Женя стояла рядом с Димой, и держала в руке мамин платок. Она ни на кого не смотрела. Да и никто не подходил. Каждый понимал: есть боль, к которой нельзя прикасаться.

Потом подошёл мужик с автобазы. В фуражке, с помятым лицом.

– Я... я с Александром работал, – пробормотал он. – Он... он был человек честный. У нас таких не осталось.

Женя просто кивнула. Ни слёз, ни слов. Только в глазах – сталь. И в этом взгляде Дима узнал Сашу. Того самого, непоколебимого. И понял: вот оно. Пошло по крови.

Когда гроб опускали, Женя дрожала. Земля падала с глухим стуком, как набат.

– Прости, папа, – прошептала она. – Прости, мам. Я не успела сказать главное.

Дима положил руку ей на плечо.

– Они знали. Ты была для них – весь мир. Теперь твоя очередь. Прожить так, чтобы они там радовались, и были счастливы за тебя.

На обратной дороге они тоже молчали. Только ветер стучал по стёклам чёрной Волги.

Дом уже не казался домом. Теперь это была база. Старт. Граница между прошлым и тем, что будет дальше. Женя зашла в комнату, будто сквозь вату – медленно, тяжело, не раздеваясь. Пальто свисало с плеча, как крыло подбитой птицы.

Она опустилась на диван и, едва коснувшись головой подушки, провалилась в сон – резкий, беззвучный, как обморок. Никаких снов, только темнота. Тело отключилось от переизбытка всего – страха, усталости, слов, которые так и не были сказаны. Стресс, как туман за окном, плотно застилал внутри всё – и разум, и сердце.

Проснулась Женя уже поздним вечером. В квартире по-прежнему пахло мамиными

духами и папиным лосьоном после бритья. Комната казалась музейной витриной: всё стояло так, будто они вот-вот вернуться.

Она села на подоконник, прижав колени к груди, смотрела на окна соседнего дома. За ними жили обычные люди, и там горел тёплый свет, где никто не умер, никто не плакал.

Дима зашёл в комнату и поставил рядом с ней чашку чая. Присел на край стула. Он больше не курил. Просто молча жевал зубочистку и смотрел на неё, как смотрят на обломки после пожара: живое – только потому, что не сгорело полностью.

– Что теперь? – тихо спросила она. – Завтра что?

Он помолчал. Потом выдохнул:

– Уезжаем. Ко мне. В Зеленодольск.

– Зеленодольск... – Женя медленно повторила, будто пробовала вкус слова. – Там, где вы выросли?

– Там, где всё начиналось. Где был дом, дерево, дедовский сарай. Где Саня впервые вмазал пацану за Лильку, а я впервые порвал дневник из-за двойки по математике.

Женя слабо улыбнулась – впервые за весь день.

– А что со школой? Мне остался последний год... Выпускной...

– Переведу тебя. Я уже звонил. Там нормальная школа. Учителя – старой закалки. Выпустят. Сдам документы.

– А ты... Ты будешь рядом?

Он посмотрел на неё серьёзно. Очень серьёзно. Голос у него был ровный, уверенный – тот самый, каким старший брат говорит младшему, когда тому страшно:

– Всегда. Пока дышу – я с тобой.

Ночь прошла, как в тумане. Сна не было, только закрытые глаза и тяжесть внутри. А утром – началось.

Собирать – значит отпускать.

Женя открывала ящики и чувствовала, как с каждым поднятым предметом отрывается ещё кусок души. Вот папин галстук. Вот мамин блокнот с рецептами. Вот их смешной магнит с поездки в Одессу – она тогда была совсем маленькой. Дима не мешал. Он просто тихо заходил и выносил коробки, аккуратно, по-людски. Уважительно. Он отдал честь дому.

Паковали выборочно. Не всё. Только то, что – память. Остальное оставили, будто бы для них. Будто бы они ещё здесь. Иногда Женя ловила себя на том, что хочет сказать:

"Мам, ты не видела мой красный свитер?" И тут же вспоминала – мамы нет.

Когда всё было собрано, Дима крепко закрыл сумку, задвинул молнию и произнёс:

– Ну что, Красивая...Ты готова?

Женя молча кивнула.

Они вышли из подъезда. Было тихо. Серый, промозглый день. И ощущение, будто город их отпускает. Возле дома стояла черная Волга. Весьма неформальный транспорт, но солидный, как сам Дима. На заднем стекле – наклейка в виде чёрной кошки. Он над ней смеялся: "Суеверие – дело тонкое. Но пусть будет".

Женя положила чемодан в багажник. Обернулась на дом. Тот самый подъезд. Те окна. Смотрели на неё пустыми глазами.

– Можно... я ещё минутку? – прошептала она.

– Конечно.

Она подошла к дереву, во дворе. На нём были их с папой зарубки – по годам. Маленькие зарубки, когда он мерил, как она растёт. Она коснулась пальцами последней – чуть выше груди.

– Прости... Прости пап что я не запомнила, как пах твой костюм. Прости, мам, что не сказала, что люблю. Простите... что я всё ещё здесь, а вас – уже нет.

Ветер шевельнул ветки. Она услышала, как хлопнула дверь машины.

– Поехали, – тихо сказала она. – Я готова.

В дороге было тихо. Старая кассета в магнитофоне крутилась – "Кино", "Наутилус Помпилиус".

– Хочешь покурить? – спросил он, не отрываясь от дороги.

– Да.

Дима молча вытянул руку с пачкой сигарет, не отрывая взгляда от дороги. Женя взяла одну – движения чёткие, как будто давно выученные. Открыла окно – и внутрь сразу ворвался холодный воздух, как ледяной шёпот ночи. Снаружи – белая мгла, фары резали туман, как лезвия.

Она закурила. Огонёк затеплился у её губ, едва тронул пальцы мягким светом. Дым потянуло в щель окна, скрутившись тонкой струйкой и тут же растворившись во мраке.

Женя смотрела вперёд, но будто сквозь всё – сквозь стекло, туман, саму ночь. Курила молча, не спеша, как будто этим дымом пыталась вытянуть из себя всё, что рвало внутри.

Дима краем глаза наблюдал – не мешал, не спрашивал. Просто ехал, будто знал: сейчас лучше просто быть рядом.

– А я вот – бросаю.

– Удивлена, – заметила она.

– Всё меняется, Жек. Даже такие, как я.

Она ехала в новый дом. Не потому, что забыла старый – а потому, что у живых нет другого выхода, кроме как жить дальше.

Машина мчалась по зимнему шоссе, рассекая морозный воздух. Небо было темно-синее, с инеем по краям, словно сам Господь рисовал его старой кистью. Снег лежал вдоль обочины, укутывая мир в холодную тишину. Только фары выхватывали ленты дороги, на которую падали редкие, одинокие снежинки, и казалось, будто они застывают в воздухе, не решаясь упасть.

Город остался позади. С его похоронным гулом, шумными автобусами, дворами, где когда-то звучал детский смех. Теперь была только дорога – и ветер, что стонал сквозь щели в дверях.

Женя сидела, завернувшись в отцовскую куртку. Пальцы мёрзли, но она не говорила. Просто смотрела в окно, где отражались белые поля и редкие ели. Рядом – Дима. В чёрной шапке, с кольцом пара от дыхания. Его лицо резал свет от встречных фар.

– Дима... – голос её прозвучал в тишине, как крик в снежной пустыне.

Он повернул к ней глаза, но не ответил. Ждал.

– Почему ты называешь меня Красивая?

Он ничего не сказал. Машина мягко затормозила. Съехали на проселок, укрытый плотным снегом. Он заглушил мотор. Осталась только тишина – глухая, зимняя, бесконечная. И скрип снега под шинами.

– Только папа так меня называл, – Женя отвернулась к окну. — Даже мама – никогда. Только он. Это было... только наше. А ты... ты же не был с нами. Ты не мог знать.

Дима глубоко вдохнул. Словно воздух резал грудь изнутри.

– Я видел. Один раз.

Он снял перчатки, положил руки на колени. Медленно, будто каждое движение отзывалось в костях.

– Тебе было два года. Я приехал в город... втихую. Не хотел, чтоб Саша знал. Он... он меня ненавидел тогда уже, как чуму. Но я должен был увидеть вас еще. Хоть раз.

Женя повернулась к нему, не дыша.

– Я стоял за оградой, у старой липы, знаешь? Возле двора. Там качели были, синие, покоцанные. Саша гулял с тобой. Ты была в вязаной шапке с помпоном и красной куртке, закутана по горло, только щёки алели от мороза. Ты прыгала по снегу, след в след, а потом вдруг сорвала что-то – маленький подснежник или веточку, не знаю. И с этим звонким, кристальным смехом – побежала к нему. Он присел, раскрыл руки, и ты влетела к нему прямо в грудь. Он поднял тебя на руки, прижал к себе... и сказал: "Смотри, какая ты у меня Красивая. Даже с лопнувшими варежками и в соплях – самая настоящая."

Дима замолчал. Женя тоже. Только снег за окном медленно кружился, ложась на стекло.

– Я стоял в тени. Как же мне тогда хотелось прижаться к Сане, обнять его, познакомиться с племяншкой. Но понимал: я чужой. Даже ветер знал – мне туда нельзя. А ты – сияла, как солнце над этой снежной площадкой. Маленькая. Но уже – их всё.

Он отвернулся. Глянул в сторону, будто хотел убежать от того дня.

– Я тогда прошептал это вслух. Красивая. Просто чтобы это не потерялось. И с тех пор, каждый раз, когда Лиля писала, когда я получал фото, я снова говорил это. Тихо. Чтобы помнить, что ты – была. Что ты есть.

Женя сжала руки в кулаки.

– И ты называл меня так, всё это время... в мыслях?

Он кивнул. Медленно.

– Потому что ты – не просто племянница. Ты —то, что у меня осталось, то что осталось от них. И если тебя назвать иначе... это будто бы я предал и Сашу, и Лилу.

Она смотрела в окно. Снежинки танцевали на стекле, словно маленькие души.

– Спасибо, – сказала она, едва слышно. – За то, что хранил. Меня. Память. Его слова.

– Я и дальше буду. Чтобы не случилось, чтобы ты не натворила – я буду рядом.

Машина завелась. Колёса хрустнули по снегу. Фары вновь рассекли зимнюю тьму.

И Женя, не в силах бороться с усталостью, положила голову на стекло и уснула, не с тревогой, а с тёплым ощущением, что рядом есть кто-то, кто помнит каждую её зиму с двух лет.

На рассвете город встретил их белёсым морозным светом и влажной сизой пеленой дыма над крышами. Зима в этом городе была тяжёлой, как похмелье после сильного удара.

Женя проснулась только тогда, когда машина резко притормозила. Снег скрипнул под шинами, и голос Димы мягко, почти нежно разрезал сон:

– Красивая, приехали.

Женя открыла глаза, зевнула и потёрла веки. Из окна серела панельная пятиэтажка с облупленными балконами и высохшей сиренью под окнами. Сквозь морозный налёт на стекле она разглядела старый подъезд с облезшей табличкой и кривыми ступенями.

Словно за окном – не начало новой жизни, а возвращение в сон, в какой-то забытый фильм, где пленка застревает на самом страшном кадре.

Глава 2.

Под крышей Дёгтя.

Возле подъезда уже ждали двое. Курили. Молчали. Настороженно смотрели.

Первый – высокий, сухой, в длинной дублёнке, с прищуром волка и татуировкой «Русь» на костяшках.

Второй – широкий в плечах, с бычьей шеей и тяжёлым подбородком, в вязаной шапке, натянутой почти до бровей. У обоих был такой характерный силуэт, что Жене даже не пришлось его угадывать.

– О, Дёготь вернулся! – протянул первый с хриплой улыбкой.

– Здорова, брат. – второй пожал Диме руку так, будто проверял кости на прочность.

– Ну и кто у нас тут, а?

– Это Женя. Моя племянница. С ней теперь аккуратно, ясно? – сказал Дима, выпрямившись в полный рост.

– А мы шо, дети? – ухмыльнулся тонкий, и, кивая Жене, добавил: – Каглай.

– А я Буйвол, малышка. Мы тебя до хаты дотащим, не ссы, – голос у него был низкий, как прогретый мотор.

– Не «малышка», а Женя.

– Понял, Дёготь, без базара.

Они закинули сумки на плечо и молча пошли вверх по лестнице. В подъезде пахло сыростью, пеплом и чем-то вечно недосказанным. В квартире, в которой теперь должна была начаться новая жизнь, было тепло.

Дверь скрипнула, и Женя замерла. Пол – натёртая доска, поверх – ковёр с восточным узором. На стенах – чёрно-белые фото в рамках: братва, тени прошлого. Огромный кожаный диван, старая «Тошиба» в углу, акустика, и сервант с хрусталём, коньяками и кучей неоткрытых пачек сигарет. На полке – пепельница в форме черепа.

Над ней – картина с волком в лесу. И никакой женщины. Только мужской дух и след времени.

– Вот, – сказал Дима, – располагайся. Холодильник битком. Всё, что здесь есть — твоё. Хата твоя. Ты тут дома.

– Спасибо... – Женя прошептала, едва справившись с комом в горле.

– Вечером заеду. Надо будет познакомить тебя с пацанами.

– С какими пацанами?

– С моими. Со Вкладышами. Мы тебе не чужие теперь. А значит – никто к тебе не подойдёт, не скажет лишнего.

– А ты... Ты надолго?

– Пару дел надо закрыть. По району. Я быстро. Ты пока разложишь, осмотришь. Дверь – на щеколду.

В этот момент Каглай вышел из кухни, вытирая руки о штанину.

– Слышь, Каглай, Брава как вёл себя, пока я был на выезде?

Буйвол, ещё не донеся последнюю сумку, повернулся:

– Да всё ровно Дим. Малой нашёл себя. Говорит немного, но делает как надо. Не шкерится. И уважают. Ты бы видел, как он со старшими – на выдохе. Вес есть, брат.

– Леха бы им гордился, – добавил Каглай, – честно. Его кровь, сто пудов. Достойная замена.

Дима кивнул, не скрывая дрожи в уголке губ.

Ушли молча. Без прощаний. Только взгляд Буйвола задержался на Жене чуть дольше обычного. Там было уважение, или, может, предупреждение. Когда дверь за ними захлопнулась, Женя осталась одна.

Она сняла пальто, скинула зимние сапожки, прошла по комнате. Рука скользнула по подлокотнику дивана, по телевизору, по деревянной раме окна. Из кухни доносился тихий гул старого холодильника, рядом на столе – целая гора продуктов, как будто Дима попросил своих скупить полмагазина.

Раскладывая вещи, она открыла ящик комода. Внутри – идеально сложенные белые футболки. Мятая бумага, старая записка, и... фотография. Трое: Саня, Лиля, и Дима — подросток с глазами волка. Таких, как он, не забывают. Таких или боятся, или идут за ними.

Женя тяжело села на край кровати и выдохнула. В этой квартире всё говорило о времени, которое переживало людей, не щадило никого, но почему-то оставило ей шанс. Шанс на новую жизнь. Или новый путь в чужой, опасной, но своей стае.

Каждый свитер, каждый блокнот с полустёртыми записями – словно реликвии из прошлой жизни.

Комнату наполнял лёгкий аромат стирального порошка, и какой-то знакомый запах мужских духов, который чувствовался в воздухе, будто призрак её отца.

Квартира была старой, но ухоженной. Всё в ней говорило о том, что хозяин не привык к беспорядку – строгие линии, вычищенный до блеска унитаз, в шкафу носки по цвету. Но всё это – на фоне запаха табака, дешёвого коньяка и старых новостей. Женя машинально открывала ящики – в одном она нашла старые карты, в другом — серебряную цепочку и железный армейский жетон.

Задумавшись, она села на край кровати... как вдруг – резкий звонок в дверь. Резкий, короткий, уверенный.

– Кто это ещё? – прошептала Женя, замирая.

Она подошла к двери и открыла ее. За дверью стоял он. Парень, лет двадцати трёх. Высокий, мускулистый, в чёрной куртке с поднятым воротником. Губа разбита, скулы ссадины, под глазом лёгкая гематома. Но, несмотря на это, он был красив. Невыносимо. До хрипоты. И его ярко-зелёные глаза прожигали насквозь, так что у Жени внутри будто щёлкнул рубильник.

Пока она смотрела, забыв про всё, он нагло толкнул дверь плечом и, не дожидаясь приглашения, вошёл.

– Опа... – протянул он с наглой ухмылкой, окидывая её взглядом. – Вот это да. Не думал, что Дёготь начал тащиться по малолеткам.

Женя аж отшатнулась. Волна холода прошла по позвоночнику. Её пронзило, будто окатили ледяной водой.

– Ты кто, блядь, вообще такой?! – резко отреагировала она.

– Э... – он сделал шаг ближе. – Ты чё, киса, пасть не закрыла?

– Не киса я тебе.

– Без разницы. Слышь, а где он? Я знаю, он вернулся.

Женя, стараясь выглядеть уверенной, но чувствуя, как колотится сердце, ответила:

– Его нет. Он скоро придет.

– Хм, значит, тебя одну оставили сторожить хату? – парень пошёл по коридору, будто был у себя дома, и уселся на край кухонного стула. – И чё, не страшно тут

одной? Мало ли кто придёт.

– Мало ли кто уйдёт – через окно.

– Ахаха. Нормально. С характером.

Парень закинул одну ногу на другую и закурил. Женя смотрела на него с жгучим раздражением. Он был нахальный. Невоспитанный. Но – привлекал. Опасно.

– Тебя как звать-то хоть? – спросил он.

– Не твоё дело.

– Ах вот как? А я вот думаю, если ты с Дёгтем, может ты и...

– Если ты не уйдёшь, сейчас, я...

– Что ты? – перебил он, вставая и приближаясь вплотную. Его взгляд стал серьёзным, тяжёлым. Он изучал её лицо, будто пытался прочесть мысли. — Красивая...

– сказал он почти шёпотом. – Вот язычок бы свой острый – да прикусила.

Он не сказал больше ни слова. Развернулся и вышел, оставив после себя только запах табака и мужского лосьона.

Дверь щёлкнула. Женя стояла в коридоре, обессиленная. Сердце било в висок. Она ощущала, как дрожат колени. И почему-то... не могла выкинуть из головы его глаза.

Эти зелёные, дерзкие, жутко знакомые глаза. Но больше всего её поразило другое. Слово. «Красивая». И это слово прозвучало сейчас с чужих губ... так, будто он знал. Она уставилась в зеркало.

– Что, чёрт возьми, здесь происходит?..

Женя ещё долго стояла у зеркала, стараясь унять дрожь. Красивая... Слово, будто ножом по сердцу. Слишком близко. Слишком точно. Слишком не его.

Но мир не ждал. Она выдохнула, медленно подошла к чемодану и продолжила расставлять вещи по местам. Аккуратно. Почти ритуально. Книги – на полку. Рубашки – на вешалки. Фото родителей – в самую середину шкафа, за дверцу. Чтобы не на виду. Но чтобы были.

Квартира постепенно становилась её, но всё ещё пахла чужим – кожей, порошком, прошлым. В какой-то момент Женя посмотрела на часы – было почти шесть. Решив, что пора, она пошла на кухню, собрала нехитрый ужин – картофельное пюре, поджарка и салат из огурцов и помидоров. Просто. По-домашнему. Как любил папа.

Потом она приняла душ – долгий, горячий, почти обжигающий. Вода лилась, смывая страх, чужие взгляды, и то напряжение, которое скопилось с самого утра. Женя любила душ. В нём она чувствовала себя невидимой. Невесомой.

Надев серый спортивный костюм, сделала лёгкий макияж – едва заметный, как тень. Волосы собрала в высокий хвост. Ничего вызывающего. Но со вкусом. Она всегда умела подчёркивать себя, не выставляя.

Перед зеркалом Женя задержалась. На губах – почти улыбка. В глазах – усталость. Но и что-то ещё...Его образ. Чёрт... Почему он всё ещё в голове?

– Сука... – пробормотала она себе под нос и покачала головой. – Да кто ты такой вообще? Грубый, хам. Красивый. Очень... Ну и что?

Женя почти уговорила себя, что больше не вспомнит его. Что они не встретятся. Что это просто бредовая искра между чужими.

И тут – ключ в замке. Дверь отворилась, и в коридоре раздался знакомый голос:

– Э-эй, ты дома?

– Конечно, где ж ещё быть, – улыбнулась Женя, выходя навстречу.

Дима был в чёрной кожанке, без шапки, волосы чуть растрёпаны. Он, увидев племянницу, замер.

– Вот это да... Красивая... – выдохнул он. – И как же мне повезло, что ты – моя семья.

– Спасибо, – ответила она с лёгким румянцем.

– Я ужин приготовила.

Дима прошёл на кухню, втянул носом запах жареного, и одобрительно кивнул:

– Ооо, да ты меня спасти решила. Тут пацаны за харчами не следят особо... А ты как?

– Привыкаю. Постепенно.

Он сел за стол и по-мужски, по-доброму, как отец, похлопал её по плечу:

– Спасибо, Красивая. Я в долгу.

Пока он ел, Женя смотрела на него и ловила себя на мысли, что чувствует себя Спокойно, как дома. Как раньше.

– Ну что, – сказал он, дожёвывая, – ты готова? Пора. Надо познакомить тебя с пацанами.

Женя отвела взгляд в сторону, стиснув пальцы в замок.

– Я волнуюсь, – призналась она тихо.

Дима отложил вилку, вытер ладонь о джинсы и посмотрел на неё серьёзно – тем самым взглядом, от которого в детстве любой соседский пацан забывал, как его зовут.

– Жень, послушай меня внимательно. – Он подался вперёд, опершись локтями на стол. – Это не просто "поехали познакомлю". Это вопрос твоей безопасности.

– В смысле? – удивилась она.

– Улица – это не школа, – глухо начал он. – Тут всё по-другому. Здесь не спрашивают: «А кто ты?», тут смотрят – чей ты. С кем. За кем стоишь. Кто за тебя впишется. И если ты просто "девочка", то можешь стать мишенью – для базара, для подставы, для грязи.

Он сделал паузу, будто собираясь с мыслями. Жень впервые увидела его не просто суровым, а предельно откровенным.

– Но если ты – "Красивая, племянка Дёгтя" – это уже другая история. Тогда любой, даже самый конченный, сто раз подумает, прежде чем вообще косо на тебя взглянуть. Потому что в этом мире одно правило: Если сука тронул свою – его закопают.

Он говорил спокойно, даже тихо. Но в этой тишине стучало железо, пахло кровью и улицей.

– Вспомни, что я тебе говорил в первую ночь... – Он выпрямился и кивнул. – Пока я жив – ты не одна. Но чтобы это "не одна" работало в каждом переулке, на любом базаре, нужно чтобы каждый "шестёра" и "авторитет" знал: ты – под моей крышей. И если с тобой что-то случится – это будет их конец.

Жень смотрела на него широко распахнутыми глазами. Её никогда так не защищали. Не объясняли по-взрослому. По-уличному. Это была реальность, в которую она теперь шагала.

– Значит, теперь я... часть этого всего?

– Нет, – ответил он мягче. – Ты часть меня. А это уже значит – всё. И я хочу, чтобы ты зашла туда сегодня не как девочка, которую привели, а как племянница Дёгтя, которую уважают. Чтобы знали в лицо. Помнили. Чтобы ни один шакал не посмел даже подумать, что ты – одна.

Он встал, взял её куртку и протянул ей.

– Пошли, Красивая. Сегодня улица увидит тебя, и улица тебя запомнит.

Они вышли в морозный, зимний вечер. Снег поскрипывал под ногами, воздух был хрустальным. В машине было тепло. Дима молчал, сосредоточенно вел машину, а Жень смотрела на окна, фонари, вывески. Город – совсем другой. Суровый. Хриплый.

Вскоре они свернули с главной улицы и подъехали к старому спортзалу с облупленной

вывеской "Олимп". На стекле – трещины. Под ногами – жухлый снег. Но внутри – свет, Дима открыл ей дверь:

– Заходи. Не бойся. Они тебя уже заочно уважают. Ты же – Красивая.

И Женя сделала шаг вперёд, в самое сердце его прошлого и настоящего. Старые массивные двери спортзала с глухим скрипом распахнулись, и их появление моментально изменило атмосферу.

Шум стих, как будто кто-то выдернул вилку из розетки – музыка захлебнулась на полуслове, гул голосов оборвался, будто их кто-то пересёк невидимой линией. Даже смех в дальнем углу оборвался на полувздохе. Всё замерло.

Женя на секунду остолбенела. Перед ней, в слабом свете тусклых ламп, рассеянных по залу, стояли человек тридцать. Кто-то с гантелями в руках, кто-то в драных майках, кто-то с картами, кто-то с бокалами дешёвого коньяка и рваными смехами за пазухой.

Но сейчас все были единым целым – молчаливой стеной, глядящей только на неё. Глаза, только взгляды. Остальное будто исчезло. Сильные, настороженные, уважительные. Некоторые – с долей страха. Но ни одного безразличного. И в каждом – вопрос. Кто она?

Дима шагнул вперёд. В его походке было то, что не нужно было в представлении. За ним шла Женя. Она чувствовала, как подкашиваются колени, как кровь стучит в висках, но шла – прямо, не опуская головы. Рядом с ним. Он обвел взглядом толпу. Встал, как на сцене. Плечи расправлены. Руки в карманах. Спокойный, уверенный, как всегда. И заговорил:

– Ну чё, братва... слушаем внимательно.

Все взгляды стали жёстче. Кто-то поднялся, кто-то выпрямился. Привычка – если Дёготь говорит, значит важно.

– Перед вами стоит Женя. А по паспорту – Дегтярёва Евгения Александровна. Моя родная племянница. Кровь от крови. С сегодняшнего дня – она с нами. Я сказал с нами – это значит под нашей крышей.

Он сделал шаг вбок и кивнул на Женю.

– Это теперь своя, ясно всем? И запомните, кто косо посмотрит, кто базар лишний пустит – я сам зубы собирать помогу. Это не девка на потеху. Это Дёгтя родня.

Лёгкая улыбка скользнула по его лицу – редкая, но от этого ещё более весомая.

– Я сказал: пылинки сдувать, уважать, охранять. Если чё случится – чтоб не Женя решала, а улица за неё впрягалась, как за меня. Уяснили?

– Уяснили, Дёготь, – раздались первые голоса.

– Всё ровно будет, не ссы, – крикнул кто-то сзади.

– Врежем за неё кому хочешь, – добавил другой.

– Вот и славненько, – Дима кивнул и махнул рукой. – Всё, продолжаем веселиться, чё как неживые!

Музыка вновь ожила, заливая зал глухими басами, кто-то засмеялся, кто-то плеснул в пластиковый стакан коньяк. Мир вернулся на круги своя – но Женя уже была частью этого мира.

К ней тут же подошли двое. Она их узнала – Каглай и Буйвол, те самые, кто утром помогал с вещами. Оба – словно сошли с кассеты с боевиком : кожанки, кроссовки на толстой подошве, у одного на шее крест, у другого цепь толщиной с палец.

– Здорово, Жек, – первым заговорил Каглай, хитро шурясь. – Мы тут это... первыми на встречу, чтоб запомнила.

– Если чё надо – подходи, не стесняйся, – добавил Буйвол, его голос был хриплым, но доброжелательным. – Только лучше без криков, а то Каглай быстро заводится.

– Спасибо, – улыбнулась Женя с лёгкой робостью. – Приятно.

– Ты теперь под нами, малая. Всё под контролем, – подмигнул Каглай и хлопнул Буйвола по плечу. – Пошли, брат, не будем пугать.

Они отошли, и к Жене начали подходить другие – Шпала, Гвоздь, Кепа, Грек... Она не успевала запоминать клички, но улыбалась, кивала, чувствовала: её принимают. Зал был как живая машина.

Старики – за дальним столом, чуть приподнятым уровнем, с дешёвым спиртным, в пиджаках, куртках, с крепкими лицами. Они не шутили, не смеялись. Они наблюдали. Это был совет. Неписанный, но всем понятный. Их взгляды были тяжёлыми, как наждак. Их уважают, к ним не лезут. Помладше – в боковых зонах. Кто-то с гантелями, кто-то в спарринге, кто-то за магнитофоном, перематывая кассету.

Женя чувствовала, как её будто впитывает эта атмосфера – пот, звук железа, сигаретный дым, шорох карт, фразы, летящие на сленге, тёплый свет от ламп, и гудение внутри от того, что жизнь теперь другая. Но в один момент всё вокруг исчезло. Она почувствовала взгляд. Прямой, уверенный, как нож под рёбра.

Обернулась. Он. Зеленоглазый. Тот самый, что стоял сегодня утром на пороге её новой жизни, грубый, колкий, как лезвие, и при этом... Безумно красивый. Слишком красивый, чтобы быть настоящим. Или, может, именно поэтому – опасный.

Он сидел чуть поодаль, на потёртом кожаном диване, в полумраке спортзала, рядом с Димой, Каглаем и Буйволом. На нём – тёмная кофта с капюшоном, спущенным на плечи. Свет тусклой лампы скользил по его лицу, будто нарочно подчеркивая угловатую линию челюсти, высокий лоб, порез над бровью и свежую ссадину на скуле.

Но ни шрамы, ни синяки – ничто не портило его. Он выглядел как персонаж из

старого фильма: слишком живой для экрана, слишком хищный для реальности. Он смотрел. Прямо. Открыто. С вызовом. И не отводил взгляда.

Жене показалось, что время остановилось. Звук – притих. Люди – размылись. Мир – сузился до этой невидимой линии между их глазами. Что-то внутри неё вздрогнуло, как рвущаяся струна. Сначала – холод, от его наглости. Потом – жар, от его внимания. Это было не похоже на обычный взгляд. Это было... вторжение. Он будто бы стягивал с неё покровы, вгрызался глазами в самую суть. Её горло сжалось. Она хотела отвернуться – не смогла. Слишком поздно. Она уже проваливалась в его взгляд.

Зелёные глаза были... не просто зелёные. Они были болотистыми, тягучими, с дикой глубиной. Там плескалось что-то тёмное и обжигающее. И одновременно – будто бы знакомое. Почти до боли.

Женя почувствовала, как в груди будто кто-то включил печку. Тепло расплзлось по телу – по шее, по плечам, опускаясь в живот. Это была не влюблённость – это была угроза, замешанная на странном притяжении.

Он не улыбался. Не делал никаких жестов. Он просто сидел. Но это было достаточно. Слишком. Он смотрел, будто уже знал, что она за человек. Будто видел её насквозь.

Женя с трудом сглотнула. Почувствовала, как сжались пальцы на её спортивной куртке. И она смотрела в ответ. Что-то в ней будто сопротивлялось, кричало: "Отвернись! Не ведись!" Но другое, – то, что жило глубже, – шептало: "Смотри. Не бойся. Не прячься."

Кто он такой? Почему именно его взгляд разрывает душу на куски? Почему от одной его полуулыбки внутри всё... ломается? И главное – почему от этой ломаности становится жарко и страшно одновременно?

Он чуть склонил голову набок, будто слышал её мысли. А потом, всё так же без слов, продолжал просто смотреть. Они всё ещё смотрели друг на друга. В этом взгляде не было пошлости или флирта. Он был... как вызов, как подстрекательство. Как будто между ними натянулась невидимая струна, готовая лопнуть от малейшего движения.

Жене даже показалось, что он собирается встать, подойти, сказать хоть что-то... Но реальность, как всегда, вмешалась без предупреждения.

– Ну привет, одноклассница, – раздался лёгкий, чуть насмешливый голос сбоку.

Женя обернулась. Перед ней стоял парень лет семнадцати, высокий, светловолосый, с искренней, открытой улыбкой и ямочкой на щеке. Весь образ – в джинсовой куртке, со слегка сбившимися волосами, – был до неприличия «свой».

– Чего? – Женя нахмурилась. – Какая ещё одноклассница?

– Ну, ты же Женя? – он протянул ей руку. – Я – Техник.

Женя моргнула:

– Кто?

– Ну как кто? Техник. Такое у меня погнало, – рассмеялся он. – А по-настоящему – Андрей. Слушай, а ты чего такая серьёзная? Как будто тебе сейчас резюме сдают, а не руку жмут.

Женя невольно усмехнулась. Парень был приятным – обаятельным и лёгким. Человеком, с которым просто хорошо рядом.

– Всё же... почему «одноклассница»?

– А потому что ты теперь со мной учишься. В моём классе, прикинь? Деготь сам мне сказал. Ну, типа: «Следи за ней, чтобы ни одна мразь к ней даже не подошла. Будет, как сестра, понял?» – он пародировал грубый голос Димы, заложив руку за спину и вытянувшись, будто командир.

Женя захохотала.

– Прямо «следи за ней»?

– Ага. – Андрей кивнул. – Ты не волнуйся, я без фанатизма. Но если кто полезет — я вмажу. В этом я спец. Ну, типа неофициальный кулак класса. Официальный – у Гвоздя, он сидит в углу, играет в «дурака» и жульничает, как обычно.

Женя вдруг почувствовала, как всё напряжение потихоньку спадает. Словно кто-то на секунду вытащил её из вакуума и дал передышку.

– Ну и как тут вообще... в вашем... городе?

– Город как город. Только у нас свои правила. Всё строго по понятиям. У кого имя — за тем и слово. У кого кулак – за тем и порядок. Ты не бойся. С Дегтяревым за спиной тебя тут даже муха облетать будет по дуге.

– Дегтярёвым? – Женя прищурилась.

– Ну... Деготь же. Не знал, как у тебя с погонялами, решил вдруг ты официальную версию хочешь услышать, – усмехнулся Техник. – Слушай, а ты прикольная. Я думал, раз племянница Дегтя, будет вся такая... надменная, знаешь, молчи-смотри-не-дыши-на-меня. А ты – норм.

– Спасибо, конечно, – Женя пожала плечами, пряча улыбку. – Просто я... пытаюсь не сойти с ума от всех этих перемен.

– А ты не сходи. Хочешь секрет? – Андрей наклонился чуть ближе. – Сойдёшь с ума – уже не заметишь, что всё пошло к чёрту. Главное – держись.

Женя засмеялась. По-настоящему. Она даже не заметила, как начала расслабляться. Андрей был словно глоток воздуха. Настоящий, живой, лёгкий. С ним не нужно было фильтровать каждую мысль. В какой-то момент она поймала себя на том, что давно не смеялась. Просто, без страха. Женя мельком глянула на его широкую, не по возрасту уверенную улыбку.

– А почему Техник? – спросила она, приподняв бровь. – Ну... звучит круто, но при чём тут ты?

Андрей хмыкнул.

– Да история простая.

Он откинулся на спинку старого тренажёра и сцепил руки за головой.

– Мне лет одиннадцать было. Один из пацанов пригнал старый Жигуль. Ну как пригнал – отцовский, только батя про это не знал. И что ты думаешь? Он, дебил, умудрился загнать его в гараж, а потом заклинило замок. Паника, страх, он в соплях.

Женя уже с улыбкой слушала, будто слушала старого друга, с которым детство провела в одном дворе.

– Я тогда просто сел, – продолжил он, – посмотрел на это всё... разобрал дверь за пятнадцать минут, собрал за десять. И ещё центральный замок починил. Батя того типа потом подумал, что в шиномонтажку возили. С тех пор – Техник. Всё, к чему руки прикасаются – чиню, собираю, втыкаю, провожу, разбираю. Даже на людей иногда так смотрю. Как на систему. Где поломка, где контакт отлетел, где скрутка не та.

Женя кивнула, немного удивлённая.

– Глубоко копаешь.

– А как иначе? – он усмехнулся. – Поверхностно тут долго не проживёшь.

Она замолчала.

– Ты и правда забавная, – вдруг сказал он, глядя ей прямо в глаза. – И... настоящая. С такими у нас в районе туго. Тут или фальшивка, или броня.

Женя опустила глаза. Улыбнулась.

– А я, значит, кто?

– Пока – загадка, – ответил Андрей, вставая.

– Но чувствую... тебя ещё все запомнят.

Женя опять рассмеялась. Не натянуто, не из вежливости. А так, как смеются дети в первый день каникул – громко, искренне, с лёгким прищуром и чуть влажными от смеха глазами.

– Вот и хорошо, – сказал Техник, довольно улыбаясь, будто бы его целью всё это время и было заставить её смеяться. – А то заходишь ты сюда вся такая – как снежная королева. Красивая, да, но замёрзшая.

– Может, я просто из теплого города, – хмыкнула Женя, откидывая прядь с глаз.

– А тут у нас сурово. – Он чуть подался вперёд. – Но не переживай. Обогреем. У нас тут свои морозы, но если ты своя – никто не даст замёрзнуть.

Она снова улыбнулась. Этот парень – яркий, тёплый, дерзкий – будто бы на время гасил тот жгучий холод, что впитался в неё за последние дни. В его словах было что-то простое, почти бытовое, но именно в этой простоте и было спасение.

– Эй, ты чё, подруга, влюбилась, что ли? – донёсся голос откуда-то с фоном. — Только приехала – и сразу в прицел к Технику?

– Заткнись, Плавник, – отмахнулся Андрей, даже не поворачиваясь. – Не порть момент.

Женя опять рассмеялась – искренне, громко, с таким лёгким блеском в глазах, что Андрей не мог не улыбнуться в ответ.

– Вот видишь, – сказал он, улыбаясь, – разберёшься с нами быстро, как с мотором – раз и собрал, как будто так и было.

– Ну, тогда буду ждать, когда ты меня всему научишь, – подмигнула она.

И их смех разлился по залу, легкий и живой – как глоток воздуха среди тяжёлых будней.

Но – как только её смех чуть стих, она снова почувствовала тот самый взгляд.

Горячий. Прожигающий. Она обернулась. Он всё ещё сидел там. На том же месте. И всё так же смотрел.

Андрей проследил за её взглядом. Пару секунд – и всё понял.

– Понравился, да? – сказал он вполголоса, с ухмылкой.

Женя тут же отвернулась.

– Вовсе нет. Просто... он странный.

– Мгм, – Техник сделал вид, что поверил. – Брава его зовут. Реальное имя – не важно. Его и так все знают. Брава – это не прозвище, это уже фирма, понял? Ну, точнее... поняла.

– Брава... – Женя повторила, будто на вкус. – Так вот кто это. Я слышала, утром Дима с парнями что-то о нём говорили.

– Ага. Его уважают. Молодой, но уже с весом. Твой сосед кстати. Считаю, один из главных в Вкладышах. Его батя раньше был с Дегтём плечом к плечу, они вместе много через что прошли. Только батя погиб – и Брава встал вместо него. Скажу честно, не каждый так сможет.

– А девчонки?

– Мм? – Андрей приподнял бровь.

– Он... Ну, выглядит так, как будто у него очередь из девчонок за автографом.

– А ты сразу в слабое место, да? – Техник фыркнул. – Да, меняет. Одну за другой. Типа не задерживается. Но никто и не рискует обижаться. Он – не тот, с кем спорят.

– Очаровательно, – пробормотала Женя.

– Не ведись, если что, – добавил Андрей серьёзно. – Он не злой. Просто... из тех, кто вырос в бою. Он не делает комплиментов. Он тестирует на прочность.

Женя вздохнула. Повернула голову – а он всё ещё смотрел. И снова их взгляды столкнулись. И снова – молчание. И снова – невыносимая химия, в которой уже начинало пульсировать что-то большее, чем просто интерес.

Андрей, заметив это, спокойно сказал:

– Не переживай. Если что – я рядом. Уж точно не дам ему перегнуть. Хотя, скажу честно... ты ему приглянулась.

– С чего ты взял?

– Слушай, я с ним рядом с восьми лет. И за эти годы никогда не видел, чтобы он смотрел на кого-то так, как на тебя сейчас.

Время пролетело незаметно. Женя впервые за последнее время смеялась и чувствовала себя чуть легче. А Дима, наблюдая за ней издалека, не мог скрыть улыбку – видеть её такой живой было настоящим подарком после всех тяжелых дней. Но вечер подходил к концу, и пора было возвращаться домой.

Дима подошёл к Жене, положил руку ей на плечо и спокойно сказал:

– Пора. Завтра новый день, и нам надо быть готовыми.

Женя кивнула, немного сожалея, что всё так быстро заканчивается. Она подошла к Андрею, чтобы попрощаться.

– Спасибо тебе за вечер, – сказала она, улыбаясь.

– Да не за что, – ответил он, протягивая руку.

Они обнялись по-дружески, и в этот момент мимо них проходил Бравя – бровастый парень с суровым взглядом, который неожиданно толкнул Андрея плечом. Женя застыла в нерешительности, не понимая, зачем это было сделано.

Андрей тихо прошептал ей на ухо, с лёгкой ухмылкой в голосе:

– Ну что, я же говорил – ты ему понравилась. Уже начинает ревновать.

Женя только покачала головой и улыбнулась, пытаясь скрыть лёгкое смущение. Пока Дима прощался с остальными и жал им руки, Женя тихо направилась к машине.

К машине вернулся Дима, и он был уже не один. Рядом с ним шел тот самый — спокойный, как ночь перед бурей, холодный взгляд, сжатые губы. Брва. Имя, которое шептали вполголоса, имя, за которым стояли улицы, молчание, и те, кто давно не возвращался домой. Они шли рядом — двое, будто из другой жизни. Тяжёлые шаги, уверенность в каждом движении, и вокруг будто стало тише.

Женя почувствовала неожиданное волнение. Она не понимала, почему с этим brutальным парнем рядом ей так неловко. В машине она всё время ловила его взгляд в зеркале — холодный и внимательный. Дорога казалась длиннее, чем обычно. Женя корила себя за это чувство — она не привыкла так нервничать рядом с кем-то. Наконец, приехали.

Дима вышел из машины, посмотрел на Женю и сказал:

– Мне нужно кое-куда съездить. Брва проводит тебя, всё будет в порядке.

Женя кивнула, и вместе с Бравой направилась к своей новой квартире, ощущая на себе его взгляд — тяжёлый, но каким-то странным образом защитный.

Они шли молча. Шаги эхом отдавались в вечернем подъезде, тусклый свет ламп дрожал, будто стеснялся быть свидетелем их странного соседства. Женя чувствовала, как всё внутри будто дрожит. Он шёл рядом, не касаясь, но каждый его шаг — как ток вдоль позвоночника. От его близости будто сжималась грудная клетка. Она остановилась у двери квартиры, глубоко вздохнула и, не оборачиваясь, язвительно бросила:

– Ну, может, хоть спасибо скажешь? За то, что я рот не раскрыла перед Димой. Про утренний визит... и твою «лестную» речь.

Тишина. Потом его голос — грубоватый, но спокойный, с этой характерной, почти ленивой тягой в интонации:

– Спасибо? – Брва хмыкнул. – Я, может, и резкий, но дураком не был никогда. Думал, ты умнее, чем по каждому поводу ябедничать. Да и чё мне бояться? Я никого уже лет десять не боюсь. А Дёготь... он ровный. Он бы понял. Объяснил бы по-мужски, без истерик.

Он подошёл ближе, смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде уже не было насмешки — только твёрдость.

– Только вот ты, малышка, прямо с порога в новый город — и сразу к пацанам на шею. Техник, хи-хи, ха-ха. Не теряешься, да?

Женя вскинула на него глаза. Искры в её взгляде встретились с огнём в его.

– Не твоё дело, с кем я смеюсь. Может, я ищу хоть каплю тепла в этом, блядь, холодном городе, где каждый смотрит как волк! А ты, между прочим, ворвался ко мне в дом как хозяин и начал с оскорблений. Или забыл?

Он прищурился, лицо чуть смягчилось:

– Не забыл. Но ты забыла, где теперь живёшь. Тут слабых жрут. А ты – не слабая, я это вижу. Только язык твой острее, чем нож у Шпалы.

– Да что ты вообще знаешь обо мне?! – голос её дрогнул.

Брава подошёл совсем близко. Женя попятилась, но за спиной уже была дверь.

– Я вижу. Глаза твои – всё говорят. Смешная ты. Раненая, злая, обиженная. И красивая до боли.

Он это произнёс тихо. Почти прошептал. Не так, как утром – тогда это было оружием, сейчас – признанием. Женя замерла. Его рука легла на её запястье. Тёплая, крепкая. Он не тянул, не давил — просто держал. И смотрел. В упор. Так, что у неё внутри всё поплыло.

– Что ты... – прошептала она, но договорить не успела.

Он наклонился. Губы – горячие и резкие – коснулись её губ. Быстро. Неуверенно, словно сам не до конца поверил, что делает это. Но этот поцелуй будто удар молнии, оставляющий ожог.

Женя вздрогнула. Её сердце заколотилось в сотню раз быстрее. Она резко вырвалась, развернулась и забежала в квартиру, захлопнув дверь, будто отрезая себя от реальности. Оперлась спиной, провела рукой по губам. Всё горело. Это был её первый поцелуй. И он пришёл ниоткуда, как снег в мае. С трясущимися руками она глянула в дверной глазок.

Брава стоял перед её дверью, пару секунд смотрел в неё, будто видел сквозь. Затем отвернулся, достал ключ и открыл дверь... соседнюю. Заходит к себе. Вот так. Просто. Как будто ничего не произошло.

Женя обессилено осела на пол.

– Вот дерьмо... – прошептала она.

Но где-то глубоко внутри, ей не было плохо. Было страшно. Было волнительно. Но совсем не плохо.

Женя стояла в ванной, уставившись в зеркало, как в бездну. Смыла макияж, вытерла лицо мягким полотенцем – но ощущения, что смыла всё – не было. Нет. Следы от его взгляда, от его прикосновения, от этого первого поцелуя – они остались. Где-то глубже кожи.

У неё всё падало из рук. Гель для лица, расчёска, флакон с лосьоном... Она не могла

сосредоточиться. Мысли путались, как волосы после ветра. Он поцеловал меня. Зачем? Почему? И почему я не могу дышать без него в голове?

Она вышла из ванной, накинув на себя уютный халат. И вдруг услышала звуки с кухни. Открыла дверь – на кухне свет, тёплый, ламповый, и там – Дима. Он уже заваривал чай. На столе стояли две кружки. Женя улыбнулась – будто вернулась в реальность.

– Ты когда успел? – спросила она, проходя и усаживаясь за стол.

– Тихо зашёл. Не хотел мешать. Смотрю – свет в ванной горит, – он усмехнулся и поставил перед ней кружку. – Мятный норм?

– Люблю мятный, – кивнула она, и на лице у неё отразилось лёгкое удивление. – А ты?

– Только его и пью, – он сел напротив, задумчиво дунул на кружку. – Остальное — от лукавого.

Они оба засмеялись. Смеялись легко, чисто. Удивительно, но рядом с Димой было просто. Он был как старая толстовка – надёжный, тёплый и пахнувший домом.

Минут через десять молчаливой тишины и прихлёбывания, Женя вдруг сказала:

– А почему ты один?

Он поднял на неё глаза. Моргнул.

– В смысле?

– Ну, у тебя никого нет. Ни жены, ни подруги. Даже в ванной – шампунь один, мыло мужское, ни крема, ни маски. Пыль на подоконнике, – она лукаво улыбнулась. – Женской руки не видно.

Дима усмехнулся.

– А ты наблюдательная. -взглянув на наручные часы- Живёшь второй день, а уже выводы делаешь. – Он откинулся на спинку стула. – Да есть девки. Были. Просто это... всё не то. Погуляли, повеселились – и разбежались. Я ещё ту свою, настоящую, не встретил. Или... – он посмотрел на Женю и слегка пожал плечами. – Или она меня не встретила.

В кухне повисла теплая, но немного грустная пауза.

– А если встретишь? – вдруг спросила Женя.

Дима усмехнулся и потер шею.

– Тогда, может, и полки в ванной расчистить придётся.

Оба снова засмеялись. И смех был будто мостиком через ту дыру, что зияла между прошлым и настоящим.

Женя, немного помедлив, заговорила тише:

– А ты... ты когда-нибудь хотел... ну... помириться с папой?

Он замер. Долго смотрел в чай, потом отодвинул кружку.

– Нет, – ответил он, не поднимая глаз. – Смысла не видел. Саня... он меня за угрозу считал. Как будто я мог испортить тебе жизнь. Как будто моё существование – это уже пятно. Как будто у него был идеальный мир, и я с грязными ботинками по коврику.

– Но ты скучал? – спросила она.

Он кивнул. Быстро, коротко. А потом выдохнул, глядя в окно:

– Когда отец умер, я вообще ни с кем не говорил почти год. Только с Лёхой. Лёха Бравин, – он замолчал, вспоминая. – Отец Пашки.

Имя прозвучало в воздухе. Женя затаила дыхание. Внутри сразу шевельнулось что-то... странное. Неведомое. Тепло с холодком.

– Паша? Это... – она не закончила. Но Дима понял.

– Он. Брава. Его кличка. Настоящее имя – Паша. Он твой сосед, вроде как. Так совпало. – Он отпил чай. – Лёха его один растил. Мать умерла, когда тот совсем мелкий был. Лёха так и не женился больше. Всё Пашке отдал – и душу, и жизнь. После смерти Лёхи... я не мог просто стоять в стороне. Паша мне как младший брат. Да и был он с нами всегда. На сходках, на делах, в зале. Всегда рядом. Рос с нами. Женя смотрела в стол. Сердце билось чаще. Паша... Брава... Сосед... Тот поцелуй...

– Он... – Женя вздохнула. – Он странный. Резкий.

– Он ровный, – твёрдо сказал Дима. – Просто вырос быстро. Очень. У него взгляд взрослого. Такой в глаза смотрит – и будто насквозь. Он не всем нравится, да. Но пацаны его уважают. А уважение на улице – не подарок. Его заслужить надо.

Женя кивнула. Медленно. Словно эти слова укладывались в ней в цепочку. Загадочную, тревожную – и почему-то притягательную.

И тут Дима поднял голову и мягко сказал:

– Ладно. Спать пора. Завтра день серьёзный. Школа, люди, знакомство. Надо выспаться.

Женя улыбнулась, поблагодарила за чай. Они выключили свет, и в коридоре вновь осталась только тишина. Но в голове у неё – крутились голоса. Слова. Взгляды. И этот короткий поцелуй, который сжигал её изнутри медленно и сладко.

Утро пришло резко. Без предупреждения. Морозное, колючее, но по-своему бодрящее. Сквозь щель в шторе пробивался холодный рассвет. В квартире было тихо – только редкие звуки машин доносились с улицы, и Женя, завернувшись в одеяло, ещё несколько минут лежала, глядя в потолок.

В животе – что-то щемило. Нервы. Или воспоминания. Женя тряхнула головой и резко встала, будто хотела стряхнуть всё это с себя. Зря. Оно осталось. Где-то под кожей. Там, где уже не достать.

На кухне Дима был на удивление бодр и даже немного наигранно весёл. Он приготовил яичницу, налил чай, снова мятный.

– Ну что, первоклашка, готова к новому этапу жизни? – подмигнул он, ставя перед ней тарелку.

Женя усмехнулась:

– Страшно.

– Не бойся. Там половина – нормальные ребята. А если кто рыпнется – ты ж теперь под моей крышей. Кто тронет, тот и ходить больше не сможет. – Он подмигнул. – А ещё у тебя есть проводник.

– Кто?

– Техник.

Женя одобрительно кивнула.

– Андрей? Да, он говорил вчера.

– Он знает, что ты сегодня придёшь. Покажет тебе всё, поможет. Он норм, я его давно знаю.

Имя Андрея будто на секунду отодвинуло волнение из головы. Женя кивнула, хотя внутри снова всё закрутилось.

Школа встретила её не слишком радушно. Старое кирпичное здание, облупленные стены, тяжёлые дубовые двери. Внутри пахло влажными пальто, пылью и мятной жвачкой. Женя шла по коридору, как по незнакомому лесу. Всё чужое. Все взгляды — в спину. Вот она, та новая. Та, что под Дёгтем ходит. И тут – он. Андрей.

– Доброе утро, одноклассница, – улыбнулся он, прислонившись к шкафчику. — Деготь сказал, что ты будешь как снежная королева – красивая и молчаливая. Но я так не думаю.

Женя улыбнулась. Он снова был тёплым, живым, настоящим.

– Ты серьёзно называешь меня «одноклассница»?

– Ага, пока не привыкну. Слушай, ну ты заходи. Тебя все уже ждут. Я врубал, что ты – своя. Но народ пока побаивается.

– Почему?

– Ты под Дёгтем. Это как печать. К тебе никто не пойдёт с вопросами, и не подойдут просто так.

Женя пыталась дышать глубже, вливаться в толпу, улыбаться, когда Андрей рассказывал очередную байку, и даже смеялась. Искренне, пусть и коротко. Он был рядом – как якорь. Он помогал, объяснял, шутил. Был тем, кто мог бы стать другом. Наверное. Но даже рядом с ним её внутренний компас всё равно указывал на одну сторону. На ту, где Паша. Где он. И Андрей чувствовал. Может, не знал, что именно – но чувствовал.

– Ты сегодня какая-то... – он на секунду замолчал, глядя на неё внимательно, – как будто не здесь.

– Я просто думаю, – быстро ответила Женя, пряча взгляд. – Много всего.

– Ты после переезда вообще спала?

– Так себе.

– Ну, ещё бы. Город новый, дом новый, школа... – он криво усмехнулся. – И целая банда Вкладышей за спиной. Я бы тоже с ума сходил.

Женя посмотрела на него, чуть улыбнулась. Он старался. Он действительно хотел, чтобы ей стало легче. И ей стало. Немного.

– Спасибо тебе, Андрей, – вдруг сказала она. – За то, что рядом. За то, что не задаёшь дурацких вопросов.

Он удивлённо приподнял бровь:

– Это мой стиль, детка. Без допросов, но с обаянием.

– Хах, ты ещё скажи, что ты скромный.

– Я? Нет, я Техник, – он театрально поклонился.

Женя рассмеялась. Смех помог. Он согрел. Хоть немного отогнал липкие тени. Но едва она обернулась к окну – снова... опять он. В памяти всплыло, как его губы прижались к её, как рука сжала запястье... Женя резко отвернулась. Щёки вспыхнули. Андрей заметил.

– Ого, что это сейчас было?

– Ничего, – слишком быстро ответила она. – Просто... солнце светит прямо в лицо.

– Ага. Солнце. И ты у нас – солнечная зайка. – Он хитро прищурился, но больше не спрашивал.

Он не знал. И Женя не собиралась говорить. Зачем? Чтобы признаться, что сходит с ума от одного поцелуя? Что вчерашний взгляд был будто нож? Что она не может забыть его пальцы на своей коже? Нет. Пусть Андрей останется её тихой гаванью. Её безопасностью. Тем, кто просто рядом.

Они зашли в класс. И тут началось. Взгляды. Молчание. Нервные смешки. Кто-то приветливо кивнул, кто-то отвернулся. Но Андрей был рядом. Он посадил её рядом с собой, что-то шептал весёлое, рассказывал, кто есть кто. Женя улыбалась, смеялась, но всё время чувствовала что-то позади. Как будто тень от взгляда... Поворачивалась – никого. И всё же в голове крутились только его глаза. Паша. Бравва. Где он сейчас? О чём думает? Помнит ли? Для него это был просто поцелуй? Или...?

Всю первую половину дня она будто балансировала. Между реальностью и этим... чувством. Не влюблённость. Не страсть. Опасность. Влечение. Щемящее притяжение, от которого невозможно оторваться.

В обед Женя сидела в столовой рядом с Андреем. Он шутил, расписывал, как директор школы сам вкладыши продавал, и её смех был искренним.

Школа закончилась быстро – слишком быстро, как показалось Жене. День, который она боялась прожить, обернулся странной смесью – тяжёлых мыслей и неожиданных улыбок. Когда она вышла за ворота, Андрей уже ждал у калитки, прислонившись к столбу, как герой из какого-то старого советского кино.

– Ну что, одноклассница, – сказал он, приподнимая бровь, – жива?

– Пока да, – она хмыкнула. – Хотя на алгебре я почти умерла. Спасибо, что показал, где что, а то я бы, наверное, застряла.

– А я бы тебя спас. Или присоединился. Я за любой кипиш, – засмеялся он, и Женя тоже засмеялась в ответ.

Они шли медленно, по хрустящему снегу. Солнце декабря уже клонилось к горизонту, и город начинал рассыпаться в янтарных отблесках. Воздух был колючим, морозным, но в этой прогулке было что-то уютное – как будто под пледом, как будто тепло изнутри грело сильнее, чем куртки и варежки.

– Слушай, а ты в какой школе раньше училась? – спросил Андрей, неловко поправляя рюкзак.

– В столице, – тихо ответила Женя. .

Он посмотрел на неё, замедляя шаг.

– Ну, это заметно. У тебя акцент.

– Да ладно?

– Не в плохом смысле. В хорошем. Такой, как будто в тебе есть другое кино. Знаешь?

– Он улыбнулся. – Типа... ты из тех, кто не вписывается в серость.

Женя вдруг почувствовала, как что-то защемило в груди. Не боль, а... нежность? Откуда-то изнутри подступило тепло.

– Спасибо, – выдохнула она.

Они прошли ещё немного. Потом Андрей, резко схватив горсть снега, швырнул её в Женю.

– Эй! – закричала она, смеясь, – Ты серьёзно?!

– Серьёзнее некуда, – он уже лепил второй ком.

– Ну всё, Техник, держись!

И они бегали по улице, как дети. Смеялись, кидались снежками, падали в сугробы. Андрей не жалел куртки, Женя не жалела голос – она хохотала так, как будто на миг всё вокруг перестало давить. Как будто снова можно было дышать.

Когда они немного успокоились, Женя села на заснеженную скамейку у подъезда. Андрей – рядом. Дышали тяжело, пар шёл изо рта, щеки горели от мороза и смеха.

– Знаешь... – вдруг сказала она, уставившись в небо. – Мои родители умерли. Недавно. Автомобильная авария. Я похоронила их меньше недели назад.

Молчание. Только снег хрустел под ногами прохожих где-то вдали.

А потом Андрей тихо спросил:

– Ты... хочешь рассказать?

– Да. Наверное, хочу.

И она рассказала. Без деталей, без крика. Просто – как есть. О том, что всё рухнуло в один день. О том, как внутри всё сжалось. Как теперь каждое утро начинается с пустоты. Как всё напоминает о них. Как больно не слышать голоса. Как дико видеть людей, смеющихся с родителями – и чувствовать, что у тебя больше нет никого.

Андрей слушал. Не перебивал. Не давал советов. Просто слушал.

– Прости, – тихо сказал он. – Это... даже не знаю, что сказать. Я не умею говорить «правильные» слова. Но я рядом, ладно? Если захочешь молчать – буду молчать. Если захочешь говорить – я тоже тут.

Женя кивнула. И... улыбнулась. Слёзы катились по щекам, но она улыбалась.

– Спасибо, Андрей. Ты хороший.

Он вдруг встал и протянул ей руку.

– Идём. А то застудишь зад. Куда ж без него – вон какой у тебя портфель тяжёлый, с мыслями.

– Смешной ты, – усмехнулась она и взяла его руку.

У подъезда они остановились.

– Спасибо, что проводил.

– Всегда рад. Мы теперь, считай, семья.

Женя вдруг обняла его, без слов. Он слегка растерялся, но обнял в ответ. Мягко. Надёжно.

– Пока, Женя.

– Пока, Андрей.

Она поднялась по ступенькам, махнула ему рукой и скрылась в подъезде. Он стоял ещё пару секунд. Потом развернулся и ушёл. И только в окне подъезда Женя увидела, как он засунул руки в карманы, пнул сугроб и пошёл вперёд.

Поднимаясь по лестнице, Женя не торопилась – щеки горели после мороза, сердце стучало быстро и весело. Андрей рассмешил её так, как давно никто не мог. Она уже доставала ключи из кармана, когда резко, почти плечом, врезалась в кого-то на повороте.

– Ай... извините... – пробормотала она автоматически, поднимая глаза.

И застыла. Перед ней стоял он. Брава. Паша. Тот самый взгляд, ледяной и хищный, как будто всегда настороже. Те самые царапины на скуле, резкие черты лица. Он был в чёрной кожанке, с чуть сбившейся на лоб шапкой. Смотрел прямо на неё. Хмуро. Но стоило ему встретиться с её глазами – как будто что-то внутри у него дрогнуло.

– Нагулялись? – спросил он, спокойно, но голос его был с металлической ноткой.

– В смысле? – Женя чуть отпрянула. – Что это сейчас было?

– Я видел. – Он прищурился, уголок губ чуть дрогнул. – Хихикали на лавочке. Весело у вас.

Она оторопела.

– Ты... следил?

– Окна у меня, может, панорамные. Видно хорошо. – Плечами он едва заметно повёл, но в голосе зазвенела ревность.

Женя сделала шаг вперёд, намереваясь пройти, но он не сдвинулся с места. Слишком близко. Слишком ощутимо.

– Что ты вообще себе позволяешь? – бросила она. – Сам вчера сбежал, как будто тебя ошпарили! А теперь претензии? Ты кто вообще?

– Я?... – Брова усмехнулся, но в глазах была злость. – Я тот, кто тебя вчера целовал. И ты мне это позволила. Так что не делай вид, будто всё это было случайно.

– А ты – сделал вид, что ничего не произошло. Ни словом, ни глазом. А теперь вдруг, значит, вмешиваешься?

Она снова шагнула, но он, не моргнув, поймал её за руку. Мягко, но твёрдо. Она хотела вырваться – не получилось. Рука у него была горячая, крепкая. Пульс у неё заколотился, как бешеный.

– Паша... – выдохнула она.

– Не зови меня так, – прошептал он. – Пока нет.

И, прежде чем она успела сказать хоть слово, он резко потянул её к себе и поцеловал. Губы обожгли, дыхание сплелось. Он целовал её иначе – не так, как вчера. Не на порыве. Осознанно. С жадностью, но без грубости. С чувством, будто хотел передать ей всё, что копилось внутри.

Женя сначала оцепенела. Потом поддалась. На долю секунды. Она чувствовала запах его кожи, вкус табака и что-то ещё... почти неуловимое, что-то родное.

Он отстранился. Смотрел на неё тяжело, хрипло дыша.

– Я зайду вечером, – сказал глухо. – Надо поговорить.

И ушёл.

А Женя осталась стоять. Опрокинутая. Сбита с ног без касания. Сердце билось так, будто она бежала марафон. Ладони дрожали. А в голове всё снова и снова прокручивался момент – его взгляд, его голос, его губы.

Когда она зашла в квартиру, словно по инерции, всё было как в тумане. Шапка, шарф,

куртка – всё слетело с неё, будто сама не чувствовала движения. Она прошла на кухню, взяла стакан воды, но даже он не помог.

Её целовал Брав.

И это не был просто поцелуй. Это был вызов. И она чувствовала, что впереди будет не просто разговор.

Вечер только начинался. В квартире было... уютно. Тихо. Тепло. Не пусто – а именно уютно, по-домашнему. Пахло мятой и свежим хлебом. Шторы были чуть приоткрыты, на подоконнике лежала книга – та, что Женя вчера не дочитала. Вроде бы всё как всегда. Но чего-то не хватало.

Димы не было. Но на кухонном столе – записка. «С первым днём, Красивая. Шоколадка – в твою честь. Ты справилась. Я горжусь тобой. Вернусь поздно. Д.»

Она не сдержала улыбку. Тепло разлилось внутри, как от горячего пледа. Простая строчка, но в ней – всё. Поддержка. Забота. Признание. Как будто он видел её усилия. Видел, как она старалась держаться, не сорваться, не сломаться.

Женя аккуратно села, взяла шоколадку в руки и, не развернув, уставилась в одну точку. Тепло, что накрыло вначале, вдруг сменилось – тем, другим... тягучим, больным. Папа тоже всегда так говорил. «Я горжусь тобой, Красивая». Мама всегда ставила чашку мятного чая, когда у меня был тяжёлый день. Они... Они были. А теперь их нет.

Воспоминания ударили как молотком по вискам. Та самая утренняя тишина, как перед бурей. Глухой стук в дверь. Посторонний мужчина в форме. Слова, как выстрелы: «...авария...», «...не выжили...», «...оба...». Женя стиснула зубы. Губы задрожали. Глаза заслезались, и всё поплыло перед глазами.

Она всхлипнула. Резко, больно, будто в живот ударили. И уже через секунду рыдала навзрыд, уткнувшись лбом в колени. Сжалась, как щенок, которому негде спрятаться. – Мама... Папа... – выдохнула она в пустоту. – Почему вы ушли? Почему так рано?.. Я так вас люблю... Так скучаю...

Комната наполнилась её рыданиями. Они катились один за другим – бессильные, обессиленные, уже не детские, а взрослые. Слёзы боли. Слёзы гнева. Слёзы одиночества. Словно на дне бездонного колодца – темно, глухо, сыро.

Женя сидела в этой тьме, пока не осталось больше сил плакать. Только тихая, выжженная пустота внутри. Пальцы дрожали. Грудь всё ещё вздымалась рывками, как у тонущего после спасения.

Минут через десять она медленно подняла голову. Подошла к зеркалу. Вода бежала тонкой струйкой, холодной, как зима за окном. Она плеснула себе на лицо. Не один раз. Как будто пыталась стереть не только слёзы, но и боль.

Отражение в зеркале казалось чужим. Распухшие глаза. Красные веки. Обессиленный

взгляд. И всё же – в этой девочке, едва вступившей во взрослую жизнь, проскальзывало что-то другое. Упрямство. Решимость.

Она провела ладонью по щеке. Глубоко вздохнула.

– Всё, хватит, – сказала себе вслух. Голос всё ещё дрожал, но слова звучали твёрдо. – Ты теперь взрослая. Ты сильная. Ты должна быть сильной... ради себя. Ради них.

Она вытерла лицо полотенцем, глубоко вдохнула и, не включая свет в коридоре, вернулась в комнату. Там было тепло, спокойно... почти безопасно. Её одеяло, её плед, аккуратно сложенные тетради на столе, кружка с мятным чаем, уже остывшая. Этот уют будто обнимал. И в то же время – давил тишиной.

Женя села за стол. Поправила лампу, развернула тетрадь. Открыла учебник.

Потянулась за ручкой. Попробовала вчитаться в задание. Но... ничего. Буквы расплывались. Мысли разбегались. И снова — Паша.

Образ всплыл сразу, ярко, будто только и ждал момента. Почему он поцеловал тогда, в подъезде? Почему просто ушёл? Почему вообще появился? Что за разговор он хочет? И главное – почему её так к нему тянет?..

Она откинулась на стул. "Я же даже не знаю его. Почти. Но сердце... С ума сходит. Он ведь не из тех, кто влюбляется. Это же все говорят. Он гуляет, он... опасный. А я... просто девочка. Я не хочу стать игрушкой."

Она попыталась снова сосредоточиться – но ничего не вышло. Схватила книгу, уселась с ногами на диван, открыла первую попавшуюся страницу – и... уснула.

Звонок в дверь разбудил её. Резкий. Нервный. Истеричный. Не как у Димы, да и у него ключ.

Женя села, сердце застучало. Сонный мозг не сразу понял – реальность это или страшный сон. Но звонок повторился. Громче. Навязчивее. Она медленно подошла к двери. Что-то внутри сжалось. Ощущение было точно как тогда... В тот день. Когда стучали в дверь, и всё изменилось.

Открыла.

На пороге стояли Брава и Буйвол. Серьёзные. Молчаливые. Их лица были как маски. Но в глазах – боль.

– Жек... – тихо начал Буйвол. – Ты... только держись.

– Что... что случилось?... – голос её предательски дрожал.

– Димку... подрезали.

Мир поплыл. Женя вцепилась в косяк.

– Ч-что?! Он... он... – она не могла закончить.

– Жив, – сказал Брва, жёстко. – В больнице. Вторая городская. Скорая успела. Но тяжело. Очень. Мы сейчас едем туда.

– Кто? Кто это сделал?.. – прошептала Женя, но ответа не последовало.

Буйвол посмотрел прямо в глаза:

– Сейчас главное – ты должна быть рядом. Он держится. Но ты ему нужна.

У неё дрожали руки. Всё внутри сжималось от страха и злости.

«Я не успела... Не сказала... Не обняла...»

Женя резко кивнула.

– Я поеду с вами. Сейчас же.

Брва шагнул вперёд, бережно взял её куртку со стула и подал.

– Надевай, Красивая. Поехали.

Они ехали в машине. Словно в гробовой тишине. Лишь мерное урчание мотора да редкое поскрипывание подвески на морозных ямах нарушали вязкое молчание. Слезы градом текли по Жениным щекам. Она не выла, не стонала – нет. Она просто молча плакала. По-взрослому. Тихо. Горько. Глубоко.

Буйвол, сидящий за рулём, не поворачивался. Глаза его были прикованы к дороге, руки сжаты на руле. Он понимал, что любые слова сейчас – только больнее. На заднем сидении Паша сидел рядом. Рядом... но как будто всё равно слишком далеко.

Женя смотрела в запотевшее окно, будто пытаясь уловить смысл в уличных фонарях, чёрных силуэтах домов, проезжающих тенях. Но в голове путались мысли, спотыкались, падали. "Не сейчас. Только не сейчас. Господи, только бы он был жив... Только бы не один в этом холоде. Только бы держался... Я же только-только начала дышать... нашла хоть кого-то своего... хоть что-то тёплое в этом мире..."

Сердце девушки било тревогу, а разум кричал от страха. У неё забрали всё. Она не могла снова остаться одна. Просто не могла. Женя вздохнула с хрипотцой, прикрыв лицо ладонями. Плечи её подрагивали. Слезы продолжали течь – тихо, будто сами по себе.

Паша украдкой смотрел на неё, будто не веря, что это та самая девчонка, которая язвила, с вызовом смотрела в глаза, бросала колкости. Сейчас перед ним сидело что-то невероятное. Необъяснимо хрупкое. До дрожи сильное. Такое живое и настоящее, что у него внутри всё ломалось.

Вот она. Такая живая... Такая красивая даже в слезах. А может, особенно в слезах. Как она держится... я бы сам разнёс бы всё вокруг, если бы так болело. А она просто

молчит. И держится. Хрупкая. Упрямая. Честная. "Что ты с моей башкой делаешь, Красивая..."

Он не понимал, что это было. С первой встречи, с первого взгляда когда она открыла дверь и посмотрела прямо в него – внутри будто что-то щёлкнуло. Как будто кто-то дернул стоп-кран, и остановил поезд.

С того самого дня она была в его мыслях. Утром, вечером, даже во сне. Каждое её слово, каждый жест, смех, даже когда она злилась – всё запоминалось до деталей.

"Я не могу нормально думать. Не могу дышать даже. Что это, а? Что со мной не так?"

Он смотрел на её лицо в профиль – измождённое, бледное, с красными от слёз глазами. Такое юное, но уже уставшее. Его сжало.

"Как же я хочу просто быть рядом. Не говорить. Не трогать. Просто держать..."

Он не мог больше сдерживаться. Просто медленно, почти незаметно, сдвинул ладонь ближе... И взял её за руку. Нежно. Осторожно. Почти робко. Её пальцы были ледяные. Но он сжал их, будто передавая ей своё тепло. Не слишком крепко, чтобы не спугнуть. Но и не слишком слабо – чтобы она знала: он рядом. И не уйдёт.

Женя вздрогнула. Она не посмотрела на него – только чуть повернула ладонь, позволив ему держать крепче. Паша выдохнул. Медленно.

Буйвол не обернулся. Всё понял. Всё прочитал в их глазах. И даже тише нажал на газ, чтобы не тревожить их тишину.

В эту ночь все трое молчали. Но это была тишина, в которой сказано больше, чем в тысяче слов

Больница встретила их гулкой тишиной, запахом медикаментов и чем-то ледяным, неуютным, как сама смерть, что часто бродила по этим коридорам. Паша и Буйвол шли чуть позади – Женя же будто оторвалась. Её тело двигалось автоматически, но ноги подкашивались. Шаг. Ещё шаг. Шаг в пустоту. Шаг в страх.

Свет от ламп бил в глаза, стены давили своей стерильной белизной, в ушах стоял гул пульса, и Женя уже не чувствовала, как сильно пальцы сжаты в кулаки. Сердце будто трещало на части – она даже не знала, как ещё оно бьётся.

– Спокойно, Жека, почти пришли, – услышала позади шепот Паши, но не ответила. Она не могла говорить. Слова все застряли в горле.

У регистратуры сидела женщина в медицинском халате, но, увидев Браву и Буйвола, только кивнула.

– Свои. Проходите. Реанимация. Третий этаж. Палата 317.

Они шли по длинному коридору – серый пол под ногами, ритмичные капельницы, чей-то кашель за стеклянной дверью, медсестра вдалеке. Женя слышала, как по стенам отдаются её собственные шаги.

И вот он – поворот. У палаты номер 317 стояли Каглай, Шпала, Гвоздь и... Андрей. Все были мрачные, молчаливые. Кто-то курил прямо в окно. Лица тяжёлые, глаза — опущены. Каглай первым заметил их.

– Она пришла, – буркнул он и выдохнул дым.

Андрей было шагнул к Жене, хотел что-то сказать.

– Жень...

Но она его не услышала. Или не захотела слышать. Как молния, как ветер, она метнулась вперёд, будто страх, боль, люди, стены – всё исчезло. Она толкнула дверь – и залетела в палату. Палата встретила тишиной и резким запахом хлорки. Медсестра в белом халате поправляла капельницу, взглянула на Женю и кивнула, как будто уже знала, кто она.

– Только аккуратно, он после операции. Спит. Но всё прошло хорошо. Будет жить, — проговорила спокойно, но с какой-то теплотой.

И вышла, оставив дверь чуть приоткрытой.

Женя подошла к кровати. На белых простынях лежал он – её Дима. Бледный, как стены этой больницы. С перевязанной грудью, с пластырем на шее, с обмотанными пальцами и с трубкой, тянущейся от руки к капельнице. Такой родной. Такой бес- сильно-тихий. Она опустила руку рядом на стул. Протянула руку. Прикоснулась к его ладони — холодной, но живой.

И в ту же секунду сломалась.

Слёзы застилали глаза, плечи вздрагивали. Она закрыла ладонью рот, но голос всё равно вырвался шёпотом, хрипом, будто из самых глубин:

– Ну что ж ты, мой родной... Ты же один у меня... Ты не имеешь права так... Ты должен выкарабкаться, слышишь? Я не смогу ещё раз. Я не переживу... – слёзы падали на простыню, на его руку, на холодный металл капельницы. – Я тебя умоляю... Вернись... Мне страшно... Я не хочу опять остаться одна...

Сзади, чуть в тени дверного косяка, стоял Паша. Смотрел. Молчал. Чувствовал. Его пальцы были сжаты в кулак – так сильно, что побелели костяшки. А в груди будто что-то дернулось. Это была жалость? Или... сострадание?

Он не знал. Он давно этого не чувствовал. После смерти отца он выжиг всё – тепло, мягкость, уязвимость. Осталось только жжение – злое, холодное, тупое. Но сейчас... Он смотрел на неё – хрупкую, сильную, сломанную. Сжимавшую руку Димы, как будто от этого зависел её мир.

И что-то в нём сломалось.

Как будто она вложила в него какую-то часть – тёплую, живую, почти забытую.

«Что ж ты со мной делаешь, девочка?» – в голове так и продолжало крутиться одно, он сам не заметил, как сделал шаг вперёд, ближе, почти на грани.

Но не подошёл. Не тронул. Просто стоял. Рядом. И, может, впервые за много лет ему захотелось не защищать кого-то... А быть с кем-то.

Дверь палаты открылась мягко, но с привычным скрипом. На пороге снова стояла медсестра. Та же добрая, но теперь – с чуть более твёрдым взглядом.

– Девочка, – сказала она тихо. – Ему нужен покой. После операции, надо отдыхать... И вам всем тоже. До утра его всё равно не разбудят, обезболивающее сильное. Приходите завтра. Сейчас – лучше уйти.

Женя молчала.

Слёзы ещё не высохли, но взгляд уже был как лезвие – острый, сосредоточенный, стальной. Медленно, не поднимаясь с места, она прошептала, но так, чтобы услышала вся палата:

– Нет. Я никуда не уйду. Сегодня ночью я останусь здесь. С ним.

– Девочка, это не... – попыталась возразить медсестра.

Но Женя уже поднялась на ноги. Глаза её полыхали. Не слезами. Верностью. Любовью.

– Он у меня один остался, я не уйду. Ни за что. Не просите.

В этот момент Паша шагнул ближе. Молча подошёл. Положил руку ей на плечо. Тихо, почти шепотом, так, чтобы слышала только она:

– Красивая... тебе надо поспать. Ты на ногах не держишься. И ему нужен покой. Он должен прийти в себя... Ты же сильная, ты справишься. Только не ломай себя совсем.

Женя резко обернулась. Их взгляды встретились. Он – впервые такой мягкий, будто без маски. Она – вся из стекла, дрожащая, но целая. Пока целая.

– Я останусь, Паш, – тихо сказала она.

– Он – моя семья. И пусть даже просто посижу. Помолчу. Послушаю, как он дышит. Мне этого достаточно.

Он долго смотрел на неё. Потом кивнул. Убрал руку с её плеча и, не говоря больше ни слова, вышел из палаты.

Медсестра посмотрела на Женю. Глубоко вздохнула.

– Ладно. Только на эту ночь. Только тихо, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Женя. – Обещаю.

Когда за ними закрылась дверь, Женя снова опустилась на стул.

Боль затихала. Но не уходила. Она взяла Диму за руку. Ту самую, с капельницей. Осторожно. Сидела так, не отрываясь, часами. И снова приходили мысли. Мама... Папа... "Вы бы его полюбили. Опять полюбили... Он совсем другой. Но он – за меня горой. Он бы вас не подвёл..."

Она опять вспомнила, как милиционер постучал в дверь. Как замерла. Как сердце упало. Как всё рухнуло – и осталась только тишина. "Я потеряла вас... Я не хочу терять его." Женя сжала ладонь Димы крепче. Прислонилась к краю кровати, уложив голову на его руку. Закрала глаза. И, сама того не заметив, уснула.

В палате стояла тишина. Слышно было только дыхание. Одно – сильное и ровное. Другое – прерывистое и усталое. Но они были рядом.

Женя проснулась от странного, почти забытого ощущения.

Мягкое... родное... Кто-то нежно гладил её по волосам. Теплая ладонь скользила по прядям – осторожно, будто боясь спугнуть. На мгновение ей показалось: Папа.

Она даже не хотела открывать глаза – так сладко было в этом обманчивом полусне. Но когда решилась – сердце сжалось и растаяло разом. Дима.

Он лежал на той же белой больничной койке, бледный, уставший, но... очнулся и смотрел прямо на нее. Сквозь боль, сквозь усталость, сквозь пережитое – он улыбался. Маленькой, искренней, почти детской улыбкой.

– Привет, Красивая, – хрипло сказал он.

Женя задохнулась от подступивших слёз и мгновенно поднялась.

– Дима... ты... ты очнулся... Ты жив... Слава Богу, – она сжала его ладонь, будто боялась, что если отпустит – он исчезнет. – Как ты себя чувствуешь?

Он тихо вздохнул.

– Чувствую, что жив. А остальное – ерунда.

– Дим... – голос задрожал.

– Всё будет в порядке, слышишь? – перебил он, глядя прямо в глаза. – Я справлюсь. Мы справимся. Ты у меня такая сильная... Я когда открыл глаза и увидел, что ты тут... понял – мне уже легче.

Женя смахнула слезу.

– Я не могла уйти. Не смогла бы.

– Тебе нельзя было здесь сидеть всю ночь, ты ребёнок ещё, тебе отдых нужен...

– Нет, – она качнула головой, глядя в его ослабевшее лицо. – Я больше не ребёнок, Дим.

– Для меня – всегда будешь девчонкой с бантом на затылке, – слабо усмехнулся он.

– Ты – единственный, кто у меня остался, – прошептала она. —После мамы... после папы... Если бы с тобой что-то случилось... я бы не пережила, слышишь? Ты не представляешь, как страшно было снова потерять...

У Димы сжалось горло. Он отвернулся, сглатывая. Но не успел.

Женя увидела, как по его щеке скатилась слеза. И тогда она впервые увидела его по-настоящему слабым. Не как бандита. Не как того, кто может за себя постоять. А как человека, который всю жизнь был один.

– Прости, – прошептал он. —Когда Саня уехал... Когда умер батя... А потом мама... Я остался совсем один. – он сжал её руку. – Я даже не представлял, как сильно можно скучать по семье...

– Ты не один, – сказала она твёрдо. – Ты у меня есть. А я у тебя.

Они замолчали.

Он смотрел на неё так, как когда-то, наверное, смотрел на младшую сестру, которой у него никогда не было.

Она – как на отца, которого отняли слишком рано, и жизнь вернула другого, но родного, хоть и в другой форме.

– Ты всё сможешь, Женёк, – сказал он, натягивая улыбку. —Ты сильнее, чем я.

– Нет, – тихо покачала головой. —Я просто научилась держаться. После потерь это единственное, что остаётся.

Дима закрыл глаза, уставший, но спокойный.

– Спасибо, что осталась.

– Всегда.

Она снова устроилась на стуле, не отпуская его руки. Уже не плакала. Смотрела на него, и в груди разливалось тепло. Такое, какое может быть у настоящие семьи. Пусть и собранной из осколков. Но сильной, потому, что, выбрали быть вместе.

Он пришёл рано. Слишком рано. Даже для него самого.

Снег хрустел под подошвами, воздух был хлестким и тяжёлым – как перед грозой, только это была грозовая тишина утра. Паша не спал почти всю ночь. Лежал, смотрел в потолок, слушал, как щёлкают батареи, как за стеной скулит соседская собака.

А в голове была она. Как сидит в палате рядом с Димкой, прижавшись к его руке, тихо плачет. Как дрожат её плечи, как губы прикушены – будто сдерживает крик. Он знал, что она останется с ним. Это не нужно было объяснять словами. Просто знал. И он пришёл, потому что не мог не прийти.

Дежурная медсестра узнала его, махнула рукой – «проходи». Он шёл по коридору, не спеша. Сердце било в висках. Палата. Тихо приоткрыл дверь.

Внутри уже не спали. Димка лежал, бледный, с перевязанным боком. Женя сидела рядом, держала его за руку. На её лице – следы слёз, но в глазах что-то яркое, почти священное.

Паша почти зашёл... но застыл. Он стал свидетелем. И – невольно, почти не дыша — стал слушать. Он слышал... каждое слово. О родителях. О страхе потери. О боли. О нежности.

И что-то внутри него защемило. Не в груди – в душе.

Он не знал, что это за чувство. Оно не укладывалось в привычную для него схему "пришёл, сделал, ушёл". Это не было похотью, азартом, спортивным интересом. Нет. Это была боль, чужая боль, в которую он почему-то начал вращаться.

Он смотрел, как она держит за руку Димку – того самого Димку, кто когда-то стал ему семьёй, после смерти отца. Семья... – перекаатилось внутри.

Он помнил, как Деготь – не раздумывая, забрал его после похорон. Помнил, как тот молча поставил тарелку с макаронами на стол, когда весь мир рушился. Как сидел рядом, не лез с вопросами, просто был.

Дима тогда не говорил ни слова. Просто налил две рюмки – себе и мальчишке, которому только исполнилось пятнадцать.

– За старших. За отцов. За тех, кто не бросает.

И вот теперь... Он смотрел, как Женя говорит почти теми же словами. Как в ней, несмотря на хрупкость, была та же сталь, что и в нём, и в Диме. Как она выстояла, держалась, не разучилась любить.

"Ты теперь взрослая. Ты сильная. Ты должна быть сильной."

Эти слова звенели у него в голове. Он не знал, как, но Женя успела стать для него важной. Не просто красивой девчонкой с глазами, как звёзды. Не просто новой. А... той самой. Ему впервые за долгое время захотелось не трогать – а защищать. Не играть – а быть рядом.

Паша вздохнул тихо, сжал пальцы на дверной ручке, но было уже поздно – Женя заметила его.

Она вскинула голову – и их взгляды пересеклись.

Её глаза были покрасневшими, но всё ещё красивыми, глубокими. Он чуть смутился, отвёл взгляд. Но не ушёл. За его спиной слышались чьи-то громкие шаги, и Дима, слабо приподнявшись на подушках, заметил гостя.

– Брва?.. – хрипло, но с теплом в голосе. – Ты чего так рано, брат?

Паша кашлянул, чуть почесал затылок.

– Да я... не спал что-то. Ну... подумал... загляну.

Он не умел врать. Он не умел прятать глаза. Но... иногда лучше сказать меньше, чем сказать всё.

– Ты как, Димыч? – Паша подошёл ближе, сдерживая всё, что кипело внутри.

– Жив, вроде, – усмехнулся Дима. – Хоть и на куски разрезанный.

– Ты это, ты давай не подводи. Мы тут за тебя волнуемся.

– "Мы" – это Женя, да?

Женя покраснела. Паша хмыкнул, отвёл взгляд.

– Ну, вообще да, – буркнул он. – Я так, просто...

– Не выдумывай, – перебил Дима с полуулыбкой. – Ты первый стоял под дверью, как только узнал. Я-то знаю.

Паша поднял бровь, будто не знал, как на это реагировать. Но всё в его взгляде кричало: "Да, я волновался." Паша посмотрел на неё, долго. Потом отступил на шаг, достал из кармана апельсин и протянул Диме.

– Для поднятия боевого духа, – хмыкнул он. – Помнишь, как ты мне тогда таскал?

Дима рассмеялся.

– Помню, как вчера.

– Вот и живи, чтоб ещё потаскать мне лет так через двадцать, ага?

Женя смотрела на них обоих – на уставшего, но живого Диму, и на Пашу, молчаливого, сдержанного, и почувствовала, как в её груди медленно, аккуратно вырастает нечто новое.

– Ну, – тихо выдохнул Дима, переведя взгляд с одного на другого. – Я-то выкарабкаюсь. А тебе, Женька, пора бы уже и домой. Отдохни. Утро было тяжёлое. Да и день, я уверен, будет ещё длиннее.

– Я не уйду, – голос Жени дрогнул, но она подняла подбородок. – Ты все что у меня есть. Я не могу просто так... взять и уйти.

Паша посмотрел на неё. Медленно подошёл ближе. Его голос прозвучал мягче, чем обычно – без привычной резкости:

– Красивая, слушай его, у тебя под глазами синяки, ты на ногах еле стоишь. Димка уже пришёл в себя. С ним всё будет чётко. А тебе нужно перевести дух.

Женя, растерянная, всё ещё боролась с собой, но Дима в этот момент поднял взгляд... и замер.

Он знал Пашу с детства. Видел его в драках, в бешенстве, в злости, в боли. Но такого Пашу он не видел никогда. В его взгляде не было ни бравады, ни иронии. Только тёплая нежность. Тот самый редкий, беззащитный свет, который случаен у сильных людей. И это "красивая" прозвучало не как фраза. А как признание.

– Ты её как сейчас назвал?.. – спросил Дима негромко, но в голосе чувствовалось: он услышал всё.

Паша на долю секунды опустил глаза, будто обдумывая, стоит ли говорить. А потом вскинул голову – взгляд в лоб, не прячась:

– Как слышал, так и назвал, – с легкой усмешкой, но без привычной дерзости.

Женя стояла между ними, словно не зная, куда себя деть. Щеки её чуть порозовели, дыхание сбилось.

Дима посмотрел то на неё, то снова на Пашу. Его лицо на секунду стало непроницаемым. Но затем – что-то оттаяло в его глазах. Усталость, нежность к племяннице – всё это смешалось в молчаливом вздохе.

Он прикрыл глаза и, не открывая, выдохнул:

– Эх ты, Брава...

Паша криво усмехнулся:

– Да всё ровно будет, Дим. Слышишь?

И тут Женя впервые за последние часы... засмеялась. Тихо, с надломом, но по-настоящему. Словно в этом моменте, где боль, тревога и странная, зарождающаяся нежность переплелись – жизнь снова показалась ей живой. Дима взял её за руку – ту самую, что держала его всё это время – и чуть сжал:

– Ты уже сделала больше, чем могла. И я... – он замолчал, борясь с комом в горле.
– Я правда благодарен тебе. За всё. Но ты должна быть сильной. А для этого – нужно отдохнуть. Слышишь?

Она кивнула, не в силах говорить.

Паша тихо взял куртку со спинки стула, накинул себе на плечо и протянул вторую Жене:

– Пойдём. Я тебя довезу.

Женя в последний раз наклонилась к дяде. Осторожно поцеловала его в лоб:

– Я приеду завтра с утра. Самой первой.

– Я буду ждать, – ответил Дима с усталой улыбкой. – А теперь – марш домой.

Паша открыл дверь, пропуская её вперёд. Женя обернулась ещё раз. Улыбнулась, и вышла.

Они шли по коридору больницы в тишине. Только каблук Жени тихо стучали по полу, да где-то вдали пищал аппарат в реанимации. Больница будто вымерла. Но внутри неё... жизнь кипела. Новая..

На выходе Паша открыл перед ней дверь.

– Спасибо, – прошептала она. Он только кивнул.

Когда они сели в машину, Паша не сразу завёл двигатель. Просто сидел, смотрел на дорогу перед собой. В профиль. Молча.

– Ты ведь знал, что я останусь с ним? – вдруг спросила Женя.

Паша улыбнулся уголками губ:

– Знал.

– Как?

Он посмотрел ей в глаза, и вдруг сказал почти шёпотом, но твёрдо:

– Потому что... ты настоящая. Таких не бросают. И такие не уходят, пока не убедятся, что всё хорошо. Потому я и пришёл.

Женя отвела взгляд в окно и тепло улыбнулась.

Подъезд встретил их тишиной и серым полумраком. Свет ещё не включили — слишком рано. За узкими окнами пробивался тусклый зимний рассвет, окрашивая

лестничные пролёты в ледяные оттенки голубого и серого.

Женя шла чуть впереди. Шаги глухо отдавались по бетону. Каждое движение давалось с трудом – усталость, тревога, боль и сдавленный крик внутри не отпускали ни на секунду.

Рядом, почти вровень с ней, молча шёл Паша. Он не касался её, не задавал вопросов — просто был рядом. И это молчание грело куда сильнее любых слов.

На лестничной площадке их шаги стихли. Женя остановилась у двери своей квартиры, достала ключи. В руке они звякнули – непривычно громко. Металл дрожал в пальцах. Она попыталась попасть ключом в замочную скважину, но пальцы слушались плохо.

– Чёрт... – выдохнула она и сжала губы.

– Дай сюда, – тихо, почти шёпотом, сказал Паша. Он стоял за спиной, настолько близко, что она ощущала его дыхание.

– Не надо, – упрямо выдохнула она, – я справлюсь...

Он не настаивал. Только стоял, ждал. В его молчании не было раздражения, только терпение и тепло.

Наконец, Женя справилась с замком, но не открыла дверь. Стояла. Молча. Глядя на тёмное дерево двери. И только спустя несколько секунд, будто что-то надломилось, она обернулась к нему.

– Спасибо тебе... – голос сорвался, но она справилась. – За то, что был со мной. За то, что не ушёл.

Паша смотрел на неё внимательно. Его лицо было тенью – в полумраке, в этом тихом утре. Только глаза... глаза были живыми. Яркими. Глубокими.

Он шагнул ближе, и Женя откинулась к двери. Между ними остался лишь воздух, наполненный дыханием, нерешённым вопросом и тем, что нельзя было назвать вслух.

– Хочешь... я останусь? – его голос был низкий, тёплый. В нем дрожало нечто неуловимое.

Она подняла глаза. Встретилась с его взглядом – прямым, уверенным, и всё же не до конца спокойным. Будто он сам боялся этого предложения.

– Паш... – прошептала она, – я... – пауза. Задержка дыхания. Она сглотнула – Я должна быть одна. Мне нужно переварить всё. Понять – она опустила глаза – Иначе я просто... не соберусь обратно.

Он не обиделся. Не сделал ни шагу назад. Напротив – подошёл ближе, совсем близко. Она чувствовала его тепло, его силу, его сдержанное желание прикоснуться... но он не позволил себе лишнего.

– Ты сильная, – тихо сказал он. – Прямо огонь. – он посмотрел на неё чуть снизу вверх. – Но даже огонь устаёт. – Задержал взгляд. – Если что... зови. Даже не думай — просто зови.

Она кивнула. Еле заметно. Улыбнулась сквозь усталость и внутреннюю дрожь.

– Я знаю.

Он сделал полшага назад.

– Ладно... иди. Отдохни.

– Спокойного утра, Паш, – прошептала она.

Он едва заметно кивнул.

– А у тебя пусть будет лучшее утро, Красивая.

И его голос будто укрыл её чем-то невидимым.

Она закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной. Закрыла глаза. В груди всё сжималось и дрожало.

Он назвал её красивой. Он хотел остаться. Он смотрел на неё, как на кого-то... важного. Она выдохнула. Глубоко. Задержала дыхание. В груди – тревожное, живое. Страшное и сладкое одновременно.

Что с ней происходит?

Квартира встретила её полумраком и тишиной, такой густой, что в ней звенели нервы. Сквозь щель в занавесках пробивался бледный рассвет. Всё казалось нереальным, словно она вошла не в дом, а в сон. Или в чью-то чужую жизнь.

Она сняла куртку, кинула её на крючок, не глядя. Сапоги сбросила прямо у входа. Потом, не раздеваясь до конца, прошла на кухню, словно по инерции. Как лунатик. Кухня была тёплой. Домашней. Там всё ещё пахло мятой – от чая, что она пила вечером до больницы.

И вдруг внутри что-то болезненно сжалось.

– Дима...

Губы дрогнули. Сердце защемило. Женя прижала ладонь к груди – будто пыталась удержать себя от того, что подступало. Слезы.

Они наворачивались без предупреждения. Без причины. Без разрешения.

Он жив... Он в порядке... Он же в порядке... Правда? Она прошла в комнату. Опустилась на диван. Обняла себя руками. «Ты справишься. Ты уже справляешься. Ты сильная...» – тихо шептала себе.

Но мысли не слушались. Они мчались как угорелые. В прошлое. В то утро. В тот день. ...Когда позвонили в дверь. Милиционер. Сухое лицо. Холодный голос. «Произошло ДТП. Родители...»

Мир рухнул. Точнее – он исчез. Просто исчез. Без звука. Без предупреждения. Она вскочила с дивана, будто её ударили током. Пошла в ванную. Умылась. Ледяной водой. Несколько раз.

Смотрела на своё отражение – красные глаза, припухшие веки, бледность.

– Нет. Не сейчас. Ты не развалишься. Ты не сломана. Ты – просто... растерянная. Уставшая.

Она шептала эти слова себе как заклинание. Но внутри всё равно дрожало. И всё равно – боль.

Она прошла обратно в комнату, закуталась в плед, как в кокон. Села у окна. Открыла его чуть-чуть – на улицу. И глоток холодного воздуха прошёлся по коже. За окнами мир жил. Машины проезжали, кто-то шёл на работу, голуби садились на подоконник...

А внутри – всё было совсем другим.

Она вспоминала маму, папу. Тепло их рук, смех. То, как отец кричал с кухни: «Лилейка, опять ты в чай мне сахар не положила!» Как мама шептала ей перед сном сказки, и укрывала одеялом до носа.

И потом – как всё это исчезло.

Женя прижала ладони к глазам. Плечи затряслись. Но она не дала себе сорваться в слёзы полностью. Только выдохнула.

– Вы бы гордились мной... Я правда стараюсь.

Минуты шли. Чуть позже она открыла книгу. Прочитала страницу – и не поняла ничего. Закрыла. Просто легла на диван и смотрела в потолок.

А потом... Паша. Образ его прорезал всё. Голос. Губы. Взгляд. Как он назвал её: "Красивая"... Как смотрел. Как хотел остаться.

Почему он вызывает в ней столько чувств? Почему после одного поцелуя ей кажется, будто он – как воздух?

Она вспомнила, как он прижал её руку в машине. Как держал её взгляд в палате.

Что это? Почему так страшно? Почему так сладко?

«Ты не должна влюбляться. Это слишком рано... Это опасно... Он не для тебя. Он бандит. Он не играет в серьёзные игры...» – пыталась убеждать себя Женя. Но голос в голове звучал неуверенно. И сердце не слушало.

Она лежала, глядя в потолок, и с каждым вдохом будто звала его – молча. Внутри себя.

Время таяло, как снег на подоконнике. Женя не замечала ни часов, ни улицы за окном. Всё внутри неё будто застыло. Чай остыл. Книга упала на пол. Мысли сбивались.

Когда в дверь позвонили, Женя вздрогнула.

Полтретьего вечера. Кто?.. Она подошла неспешно, будто не хотела знать. Сердце всё равно ёкнуло. Вдруг Паша?

Открыла – и тут же опешила.

На пороге стоял Андрей. Весёлый, как будто его только что вытащили из солнечного дня, в котором ничего не болит. В руках – шуршащий пакет. Что-то в нём звенело.

– Сюрприз! – бодро сообщил он и поднял пакет повыше. – Угадай, кто сегодня твой доктор, бармен и поставщик веселья?

Женя, всё ещё растерянная, нахмурилась:

– Ты?.. Что это? Что звенит?

Андрей с заговорщицкой улыбкой заглянул в пакет и прошептал:

– Вино. Три бутылки.

– В смысле...?

– Украдено с бабкиной антресоли. Стратегический запас с 88-го.

– Ты украл вино у бабушки?!

– Во имя твоего спасения.

– Она тебя убьёт.

– Зато я умру героем.

Женя невольно улыбнулась, качая головой.

– Ты сумасшедший.

– Знаю. Иначе как бы я оказался здесь, перед твоей дверью, со спиртным и лучшими

намерениями?

Она на секунду замялась, потом тяжело вздохнула и приоткрыла дверь шире:

– Заходи, чудака. Только тихо. Тут грусть живёт.

– Грусть? – переспросил он, проходя внутрь. – Ща выселим её. Молча, культурно, без скандала.

Он прошёл на кухню, огляделся, поставил пакет на стол. Достал бутылку, повертел в руках.

– Классика деревенской самозаботы. Вино, разговоры и жалость, упакованная в шутки. Самое действенное средство от тоски.

Женя села напротив и посмотрела на него с благодарностью. Она чувствовала – ему не всё равно. Он не просто из вежливости пришёл. Он хотел, чтобы ей стало хоть чуть-чуть легче.

Он улыбнулся, уже открывая бутылку:

– И не благодари меня. Я же твой одноклассник, друг, специалист по разбитым девичьим сердцам и по совместительству – вор-доброволец.

– А ты знаешь, что ты ненормальный?

– Зато – верный.

Они чокнулись бокалами.

– За тебя, Женя, – сказал Андрей. – И за то, чтобы грусть хотя бы на вечер от нас сбежала. А если не сбежит – мы её споим.

Женя рассмеялась. в ней что-то потеплело. Как будто мир снова стал немного легче. И, возможно, с такими друзьями – жить чуть менее больно.

На кухне было тепло. Пахло вином, смешанным с остатками утреннего чая, и какой-то особенной тишиной – не гнетущей, а своей.

Женя сидела, закутавшись в плед, с бокалом вина в руке, смеясь до слёз. Андрей рассказывал – живо, с руками, с выражением.

– ...И вот, прикинь, я тогда ещё совсем зелёный был, лет тринадцать, только учился быть крутыми. И такой: "Ща, пацаны, я вопрос решу". И лезу через забор на базу, где охрана – алкаши на пенсии.

– Ну и что? – Женя глотнула вина, зажав смех.

– А то! Через пять минут обратно лечу, как рюкзак с мясом, весь в крапиву, штаны на

заборе повисли, а охранник сзади орёт: "УЙДЕТ ВСЁ РАВНО!!!"

Женя захохотала, чуть не расплескав вино:

– Господи, ты что, правда думал, что незаметно перелезешь?

– Да я думал, что моя харизма решит всё, – фыркнул Андрей. – А она, по ходу, тогда на обеде была. А ещё был случай – мы с Каглаем и Гвоздём в подвале прятались. И тут... кошка. Огромная, дикая, с глазами как у сатаны. Выпрыгивает из тьмы – и Гвоздь визжит, как девка, и кидает в неё кирпич.

– Кирпич?!

– Ну да. А кирпич попадает в водосток, и всё здание начинает гудеть, как будто сейчас ракета взлетит. Мы вылетаем – все с глазами по блюдцу. А на улице менты. Мы им: "Добрый вечер". А они: "Что вы делаете?" А мы: "Кота ловим".

– Ты врёшь!

– Клянусь! А потом этот кот начал ходить за нами – как будто в долги влезли. Его Брва даже подкармливал какое-то время.

– Это же просто фильм!

– Да. Комедия с элементами идиотизма.

Женя смеялась, утирая слёзы. Андрей налил ещё вина, но уже не спешил. Пауза зависла мягко.

Она поставила бокал, посмотрела на него внимательно:

– Андрей... а ты сам как вообще туда попал? Ну, в это всё. Вкладыши. Улица.

Он помолчал. Полупьяная лёгкость немного осела. На лице появилась задумчивость.

– Слушай... так вышло, знаешь? Не сразу. Постепенно.

– А семья у тебя? Родители?..

– Есть, – он усмехнулся криво. – Батя – журналист. Вечно где-то пропадает. Гонялся за революциями, коррупцией и сенсациями. Такой, знаешь... герой в своём фильме. Мать – писательница. Романы строчит про любовь, про несчастную судьбу и прочую чушь. Живут как будто в кино. Только без меня.

– Как – без тебя?

Андрей пожал плечами.

– Ну, так. Не до меня им было. Я – как чемодан. То туда, то сюда. В основном – к

бабке. Бабка – святое, она меня вытянула, как могла. Но улица – она тоже тянет. Там всё по-другому. Честно, грубо, но по-настоящему. Сначала мелкие дела, потом зацепы, потом Каглай меня под своё крыло взял. И всё —пошло-поехало. А дальше Деготь заметил меня. Он понял, что я могу быть полезным. Мозги у меня всегда работали – хоть и странно, с учётом генетики.

– Странно, что ты такой... добрый. Весёлый. После всего.

– Потому что, если я начну быть серьёзным, – он посмотрел на неё вдруг серьёзно, – я не выдержу. Смех – это броня. Шутка – это бронежилет. А вино... – он поднял бокал. – Это компенсация.

Женя молча смотрела на него. В нём вдруг открылась совсем другая глубина. Не парень с заразительным смехом. А мальчишка, которого когда-то оставили взрослые. Который выжил. И остался человеком.

– Ты сильный, – сказала она тихо.

– Не. Просто выносливый.

Он усмехнулся, но глаза были другие. Тёплые. Настоящие.

– Ты удивляешь меня.

– Я ещё и танцую, когда напьюсь. Но это уже совсем другая история.

Они снова рассмеялись. А потом замолчали – в той хорошей тишине, где слова уже не нужны.

На улице стемнело. В комнате было уютно, будто весь мир сжался до мягкого света лампы над столом и двух голосов, тонущих в винном полумраке.

Андрей чуть наклонился к Жене, держал в руках бокал, но уже не пил.

– Слушай... – он прищурился, не в шутку. – А почему ты раньше никогда сюда не приезжала? Ну... к Дегтю?

Женя чуть замерла. Вина в бокале оставалось на доньшке, и вдруг оно показалось горьким. Она перевела взгляд на окно, где за стеклом тихо падал снег. Неслышно. Почти как тогда.

– Потому что я не знала, что он у меня есть.

Андрей нахмурился.

– В смысле?

Женя сделала вдох. Задержала. Отпустила.

– Мой папа... он... вычеркнул Диму из жизни задолго до моего рождения. Они были братьями, но между ними прошла такая чёрная кошка, что её до сих пор, наверное, не откачали.

– Из-за чего?

– Из-за жизни. Из-за выбора. Из-за... упрямства. Папа был... правильный. Прямолинейный, упёртый. Всю жизнь работал честно, считал, что "по понятиям" —это грязь, тупик. А Дима... выбрал улицу. Он не был плохим – просто другой. Нехотел жить в подчинении. Хотел сам решать, сам строить. Папа этого не принял. Он говорил, что Дима – позор семьи. Что он предал отца. Мою бабушку. Всех.

Андрей не перебивал. Смотрел пристально. Взгляд потемнел, серьёзный. Женя продолжила. Тихо.

– И вот... я жила, не зная. Папа даже имени его не произносил. Для него Димы не существовало. А мама... – голос предательски дрогнул. – Мама всё это время писала Диме письма. Сначала редко, потом – регулярно. Она присылала ему мои фотографии. Рассказывала, как я расту, кем становлюсь. Все мои "первые разы" – Дима знал о них. Только я не знала его.

– Чёрт... – выдохнул Андрей. – То есть... он всё это время знал о тебе?

Женя кивнула.

– Да. Молчал. Никогда не пытался встревать. Потому что обещал маме. Не лезть. Не рушить семью.

Он только отвечал на письма, редко. Держал связь с ней. И только когда... – голос совсем затих. – Когда мама и папа погибли... тогда он пришёл.

– Тот самый день...

– Да... Сказал, что я – его семья. И если я позволю, он заберёт меня. Я позволила. Я поехала с ним.

Тишина опустилась как покрывало. Андрей смотрел на неё долго, будто что-то переваривал.

– Жень... – тихо сказал он. – Ты знаешь, ты сильнее, чем кажешься. То, что ты рассказала... это не просто история. Это рубцы. Глубокие.

– Рубцы... – Женя усмехнулась. – Хорошее слово. Бывает, ночью просыпаюсь – и в голове каша. Слышу голос мамы. Вспоминаю, как папа смеялся. А потом – осознаю, что это только в голове. И всё. Внутри становится пусто. Как будто тебя вынули и оставили оболочку.

Андрей потянулся к ней, неуверенно. Потом всё же положил руку на её ладонь.

– Ты не оболочка. Ты – Женя. Ты настоящая. Твоя боль настоящая. И твоя жизнь — тоже. Ты не одна, слышишь?

Женя посмотрела на него. В глазах – влага, но она не упала. Она только сжала его пальцы в ответ.

– Спасибо, Техник. Ты... крутой друг.

– Да ну, я просто парень, который спёр у бабки вино и умеет попадать кирпичом в водосток, – Андрей хмыкнул, но глаза его оставались тёплыми.

– Кстати, у тебя дома ещё есть нормальные бокалы? А то мой разбился – когда я тренировался пить лёжа.

Женя, сквозь слёзы, рассмеялась.

– Придурок...

– Ты моя любимая сирота, – подмигнул он. – Только не говори никому, а то репутация у меня рухнет.

– Уже рухнула.

– Чёрт. Ну тогда остаётся только одно... – он встал, – Выпьем? За тех, кого мы не можем вернуть – и за тех, кто остался.

Женя встала следом.

– Выпьем

– Так... – Андрей встал, глядя на Женю, – если мы сейчас не свернём с этой траурной дорожки, то мне придётся устроить тебе экстренное принудительное веселье.

Женя приподняла бровь и усмехнулась.

– Ах да? И как ты это себе представляешь?

Он прищурился, заговорщически кивнул и начал шарить по карманам куртки.

– У тебя магнитофон есть?

– Конечно, – она фыркнула, – ты с кем говоришь?

Андрей театрально приложил ладонь к сердцу.

– Вот это уважение. Богиня.

Он встал, взял бокалы и шоколадку со столика, и махнул рукой:

– Пошли, устроим себе дискотеку на районе. Только для избранных.

Женя, закинув одеяло на плечи, повела его в комнату. Всё там дышало старой душой – на полке книжки в тканевых переплётках, постер с "Ласковым маем" над кроватью и тот самый магнитофон.

Андрей подошёл к нему, достал из внутреннего кармана выдавшую виды кассету и торжественно поднял её над головой.

– “Мираж”. “Снова вместе”. Моя любимая. Честно, могу слушать часами. Не спрашивай, почему, просто... это как шрам – навсегда.

Женя рассмеялась, глаза её заискрились.

– Да ты шутишь! Я эту песню наизусть знаю!

– Всё, значит, судьба. Под эту песню можно и мир спасти, и по крышам бегать, и влюбляться.

– А мы что будем делать?

– Мы будем танцевать! – объявил он, вставляя кассету. – Потому что если не мы — то кто?

Он

щёлкнул кнопкой, и спустя пару секунд голос из динамика разрезал воздух:

«Мы с тобою снова вместе, ночь дает нам все права...»

– Поехали! – закричал Андрей и встал прямо на диван, начав подпевать, изображая гитариста на воображаемом концерте.

Женя сначала только смотрела на него, как на сумасшедшего, но потом заразительный ритм, его безумная улыбка, этот голос из кассеты – всё сложилось в одно. Она засмеялась и начала двигаться, словно стряхивая с себя весь день, боль, страх, тоску.

– “Счастье никто нам так просто не даст, ты пойми наконец все зависит от нас...” — кричали они в унисон.

Они пели, не попадая в ноты, прыгали на диване, отплясывали босиком по ковру, хлопали в ладоши. Андрей начал танцевать “робота”, Женя – “дискотеку”. Вино, кассета и старый диван. Всё казалось нереальным, будто они попали в другой мир.

– У меня бабка, – задыхаясь от смеха, рассказывал Андрей, – как-то замочила участкового... пирожками! Он хотел к нам обыск устроить, самогонный аппарат искал, а она ему целый поднос выставила и сказала: “Пока не съешь – не пушу!”

– И чё?

– Он сожрал! Потом сказал, что “в доме, где пекут такие пирожки, не может быть

греха”. Ушёл с полным пузом. И без обыска.

Женя смеялась в голос, держась за живот.

– Ты придурок, Андрей.

– Спасибо, стараюсь. А теперь – соревнование! Кто сделает самый нелепый танец?

Он начал крутиться, изобразив пьяного лебедя. Женя покатила со смеху и, шатаясь, сползла на пол, обняв подушку.

Они валялись рядом. Музыка продолжала играть. Вино заканчивалось. И вдруг между смехом, между беззаботными минутами, возникла тишина. Тонкая. Застенчивая.

– Жека, – мягко сказал Андрей, глядя на неё сбоку, – ты сейчас смеёшься. А я рад. Правда. Потому что пару часов назад... ты выглядела так, будто мир для тебя кончился.

Она посмотрела на него. В глазах – чуть влажно, но с искрой.

– Знаешь... – прошептала она. – Мне сейчас кажется, будто я... снова живу.

Андрей не ответил сразу. Он просто дотронулся до её ладони и улыбнулся.

– Тогда считай, что "Мираж" и украденное вино – миссию выполнили.

Женя села, вытянула ноги, положила голову ему на плечо.

– Спасибо, Андрей.

– Всегда пожалуйста. Я не только вор, я ещё и профессиональный психотерапевт. Только вместо лицензии – кассета.

Они сидели так, слушая последние аккорды песни. И в какой-то момент всё стало просто. Спокойно. Тепло

Дверной звонок прозвучал резко, выдернув их из объятий веселья. Женя остановилась, оглянувшись на Андрея с бокалом: вскочила, бросив быстрый взгляд

– Ну всё... Это точно соседи. Я предупреждала, что у меня нет звукоизоляции, – она хихикнула, поправляя сбившуюся майку. – Ща скажут, что мы тут кабак открыли.

Андрей, всё ещё валяясь на полу с бокалом в руке, усмехнулся:

– Какие соседи, Жека? Тут Деготь живёт. Кто ему в здравом уме жаловаться будет? Тут даже почтальон газеты через раз в ящик суёт, чтобы не пересечься. Не, если кто и пришёл – то по-серьёзке.

Женя фыркнула, но на всякий случай поправила волосы, выпрямилась и пошла к

двери.

– Щас проверим, кто там по-серьёзке.

Она открыла дверь. Но за дверью стоял не сосед. А Паша.

Он стоял, опершись одной рукой о косяк, в чёрной кожанке, будто только вышел из криминальной хроники. Лицо каменное. Глаза – жгли.

– Паша... – выдохнула Женя, улыбка тут же сползла с её лица. – А ты... чего ты... Ты говорил, что...

– Ты говорила, что хочешь побыть одна, – перебил он, холодно. – А тут... не одна.

– Я... – Женя растерялась. – Мы просто разговаривали... Он пришёл... поддержать...

– С вином? – хмыкнул он, взглянув на бокал в руке Андрея. – Интересная поддержка.

Андрей поднял руки:

– Слышь, брат, ты погоди. Тут никакого криминала, честно. Мы просто болтаем, реально. Я ж даже не знал, что—

– Не вмешивайся. – Голос Паши был ледяной. Он даже не смотрел на Андрея. Только на Женю. – Ты чего творишь, а?

– В смысле, что я творю? – вспыхнула Женя. – Паш, я дома. Имею право.

Паша дернулся. Его глаза сузились.

– Не зарывайся, – процедил он. – Я тебе не "Паша", ясно? Для тебя я Брва. Запомни это.

– Да пошёл ты, Брва! – крикнула она, шагнув к нему. – Ты думаешь, можешь врываться, приказывать, и я сразу должна строем стоять? Я не одна из твоих девок, ясно?!

– Женя, – попытался вмешаться Андрей, – ну хорош, не надо...

Но в этот момент Паша, весь напряжённый, рванул к нему.

– Да пошёл ты тоже! – и размахнулся. Удар пришёлся резко, коротко, точно в челюсть. Андрей отшатнулся, пошатнулся, удержался, но кровь уже пошла из носа.

– Эй! – заорала Женя, подбежав к Андрею. – Ты что, СОВСЕМ с ума сошёл?!

– Ты привела его в дом Дегтя! – почти взревел Паша. – Сидишь с ним, ржёшь,

пьёшь вино, как будто ничего не случилось, как будто всё в порядке! Я чуть с ума не сошёл, думая, как ты там, а ты... ты...

– А ты кто такой, а?! – закричала она, слёзы блестели в глазах. – Кто ты мне?! А если бы я и захотела быть с Андреем – ТЕБЕ какое дело?!

Они дышали тяжело. Комната вдруг стала тесной, воздух – наэлектризованным.

– Ладно, – выдохнул Паша. – Понял. Всё понял.

Он развернулся и ушёл, не хлопнув дверью, но оставив за собой холодную пустоту, как будто вихрь промчался сквозь комнату.

Женя сжала кулаки. Губы дрожали от сдерживаемых эмоций. Андрей стоял рядом осторожно вытирая кровь.

– Я... – начал он. – Слушай, я не знал, что у вас...

– Прости, – прошептала Женя. – Я не хотела...

Она отвернулась к окну. В голове крутилось одно: "Что ты со мной делаешь, Паша... Что ты со мной делаешь..."

Женя усадила Андрея на кухонный табурет, поставила рядом тазик, промокнула нос влажной тряпкой и взяла перекись.

– Потерпи, щас будет щипать, – сказала она, хмурясь и стараясь не выдать, как дрожат у неё пальцы.

– Ага, давай, только нежно, а то ты мне щас и мозг выжжешь, – попытался пошутить Андрей, морщась, но улыбаясь.

Женя промолчала. Несколько секунд – только шипение перекиси и хрипловатое дыхание Андрея. Потом она откинулась на спинку стула, посмотрела в сторону и прошептала:

– Знаешь... это был не просто поцелуй. Для меня.

Андрей понял сразу, о чём она. Он не перебивал.

– Он сначала сбежал. Потом снова появился. Потом... ревнует. И бьёт. – В голосе Жени была обида, боль и... всё равно нежность. – И я не знаю, что с ним делать. Он будто дерёт меня на части – то тянет к себе, то отталкивает. То смотрит, как будто душу мою насквозь видит, а потом говорит – “я тебе не Паша”.

Андрей чуть улыбнулся, но грустно.

– Он такой, Жек. Он сложный, да. Но он настоящий. Не играет, не притворяется. Просто... он как уголь с пылью. Вроде сажа, а копнёшь – там огонь. Брава наш... за

своих – порвёт. За брата, за Дегтя, за тебя... я уверен. Он просто... не умеет по-другому. И, если честно, не знал я его таким раньше. Никогда.

– А сейчас? – слабо спросила Женя.

– Сейчас? – Андрей посмотрел ей в глаза. – Сейчас он горит. Но боится сам себе в этом признаться.

Женя сжала губы. Глаза заблестели, но она сдержалась.

– Привыкнешь к нему... – тихо добавил Андрей. – Пройдёт время – и привыкнешь. Или – полюбишь.

Она отвернувшись, быстро встала, поставила чашку под воду, как будто бы занята, но он видел – она не знала, куда себя деть.

Андрей поднялся, протёр лицо.

– Ну, я, наверно, пойду. А то шас ещё придёт Брава второй раунд устраивать, а у меня нос не железный, – снова попытался пошутить, уже мягче.

Женя повернулась, улыбнулась чуть.

– Прости за всё. – Она вздохнула. – Я не хотела, чтоб так вышло.

– Всё нормально, Жек. Мы с тобой – не обижаемся, – он подмигнул. – Главное, чтобы ты... себя не теряла в этой всей мясорубке. Ты у нас сильная. Но и ты имеешь право на слабость, окей? Он надел куртку, застегнулся, помолчал, будто решаясь.

– Ты ему нравишься. Это видно. И сильно. Но, – он посмотрел ей в глаза, —Брава... Он с девчонками не серьёзен. Никогда не был. Меняет их как перчатки. Ни чувств, ни обещаний. Просто "было – и нет".

Женя застыла. Как будто в животе что-то резко сжалось.

Андрей шагнул к двери, но перед тем, как уйти, обернулся:

– Я не хочу тебя пугать. Просто... береги себя, ладно? Не бросайся в это с головой. Он – как шторм. Красивый. Завораживающий. Но может утащить под воду.

Андрей посмотрел на неё с искренней теплотой и добавил чуть грустно:

– А ты – не просто девчонка. Ты настоящая. Тебя нельзя терять.

Женя не знала, что сказать. Только кивнула, еле заметно. И лишь когда за ним закрылась дверь, прошептала:

– А если я уже в этом шторме?

Она ещё несколько минут стояла у двери, слушая, как удаляются шаги. Потом прошла в комнату, села на кровать, натянула на себя плед... и наконец-то позволила себе просто замолчать.

Она вздохнула, легла на бок, свернулась калачиком, сжала подушку... и уснула – в усталости, в эмоциях, в воспоминаниях. Но даже во сне внутри неё всё ещё бурлило – чувство, которое называли любовью, но пока не признавали ни она, ни он.

Брава вышел из подъезда, как ошпаренный, захлопнув за собой дверь с таким грохотом, что, казалось, отзвуки прокатились по всему району. Морозный воздух резанул по коже, но Паша его не почувствовал. Он шёл, не разбирая дороги, сжав зубы так, что скулы ныли. Кулаки – белые от напряжения, от злости, от бешенства, которое несло его вперёд.

"Что это было, а?"

Она. Женя.

Такая – чистая, открытая, будто совсем не отсюда. Словно не из этого дерьма. Словно не из этого мира. Он смотрел на неё и не понимал, как одна девчонка может так входить под кожу. Так цеплять. Так переворачивать всё внутри. Без слов, без обещаний.

А теперь?

Бокалы. Музыка. Тот сопляк с задором в глазах. Двое наедине. Смеются. Танцуют. Сука, как же больно, мать твою!"

Паша стиснул зубы так сильно, что они скрипнули. Ему бы лучше ножом по ребрам — так привычнее. Он бы лучше снова в драку – там хотя бы понятно, кто прав, а кто – в нокауте.

А здесь?..

Здесь он стоял, как последний идиот. С распоротым внутри сердцем, которое не просил никому отдавать. С этой адской ревностью, которая душила, сжигала, выжигала до костей.

– Она тоже оказалась такая же... – грыз себя он. – Как и все. Та же игра. Та же улыбка. Тот же фальшивый взгляд. Просто теперь с другим акцентом. С невинностью, которая сбивает с ног. Типичная. Районская. Просто красиво маскируется.

Он остановился у столба, врезал по нему кулаком. Раз, второй. Кровь осталась на металле. Он даже не почувствовал боли – только тупую тяжесть в сердце, будто кто-то вырвал из груди кусок плоти и ушёл с ним в ладонях.

– Чем он лучше, а? – выдохнул в воздух. – Чем? Шутками своими? Тем, что держит бокал как девка на дне рождения?

Смех. Женин смех вертелся в голове, как лезвие по венам. Он слышал его. Видел её

глаза. Щёки, покрасневшие от вина и счастья. Но не от него.

Не от него.

Он не знал, как оказался у “Олимпа”. Старый спортзал. Их логово. Там, где всё всегда было ясно. Здесь били – и уважали.

Здесь не предавали. Здесь всё было по понятиям. Прямо. По-пацански. А сердце... Сердце в этом месте давно не звучало.

Он сел на скамейку у старого фонаря. Провёл рукой по лицу. Впервые за много лет — захотелось заплакать. Не от боли, не от страха. От бессилия. Он не знал, что с ним.

"Чё я вообще в ней нашёл?... Ну да... глаза. Ну да... нежная. Ну и что? Соплячка. Только приехала – уже ржёт с Техником, бокальчиками чокаются. К чёрту!"

Но на губах всё равно стоял вкус того поцелуя. А в голове – как она стояла, заплаканная, в палате у Димы. Как дрожали её пальцы в его ладони. Как смотрела на него. Тихо. Без слов.

Всё внутри кричало – “Что ты творишь, придурок?!” Он разозлился ещё сильнее. На неё. На себя. На весь этот мир. За то, что впустил. За то, что поверил. За то, что позволил девчонке, только появившейся в его жизни, разбить это чёртово, зацементированное сердце.

“Ты же Брва, мать твою... Ты же никогда... никому...”

Словно внутри сорвался предохранитель – и взрыв понёсся наружу.

Он резко вскочил. В зал влетел, как шторм. Как ярость, обретенная форму.

Куртка с плеч – на пол.

Стул, оказавшийся на пути, – со всей силы об стену. Грохот. Эхо.

– Отошли все! – бросил кому-то на пути.

В десяти метрах – ринг. Их ринг. Их святая святых. Он запрыгнул на канаты и – в центр. Там, где он всегда был король. Где не нужно было слов. Где всё решалось кулаками.

На грушу он набросился, как на живого противника. Бах. Бах. Бах.

Звуки ударов разносились по залу, гулкие, как выстрелы. Груша раскачивалась, взвизгивала под кожей.

Каждый удар – как крик: “Почему?” “Зачем?”

“Кто она, чтоб так со мной?! Сука...” – прошипел он, и ударил с разворота – с таким

звериным рыком, что трое парней у стенки невольно переглянулись. В зале стояло молчание. Холодное, вязкое.

Все знали – к Браве сейчас лучше не подходить. Он в гневе – демон. Он вулкан. Он Боль.

Знали все, кроме одного. Ворон.

Он вошёл в зал тихо. Почти бесшумно. Но когда он входил – даже стены, казалось, слушали.

Невысокий. Худой. В чёрном свитере и серых спортивных штанах. Короткая стрижка глаза карие, тёмные, смотрящие сквозь. Его не боялись, его слушали. Потому что Ворон никогда не открывал рот зря. Если говорил – значит, серьёзно.

Тёмные глаза бегло окинули зал, и сразу – на ринг. Он не знал, что случилось. Но видел, что случилось что-то.

Брава – бешеный. В глазах – боль. Не ярость, не агрессия – именно боль

Он подошёл к рингу. Постоял. Посмотрел.

Паша бил, не замечая никого. Плечи – как у зверя. Вены – будто лопнут. Удары – с таким отчаянием, будто он бил сам себя.

– Брат... – негромко сказал Ворон. — Хорош.

Бах. Бах. Бах.

Груша скрипела на цепях. Паша не остановился.

– Брава. – голос был уже тверже. – Ты че творишь, а? Очнись.

Ворон показал жестом скорлупе и молодняку что были в спортзале уйти. Парни без вопросов покорно, и преданно послушали. Таков был закон улицы – старших уважать.

Ворон медленно подошёл к канатам. Поставил ногу на нижний. Поднялся на ринг. Паша всё бил. Пот струился по шее. Он уже почти не видел – всё слилось в туман. Только эта чёртова груша, и каждый удар – как по себе. Как по сердцу.

– Паш. – негромко. Спокойно.

Брава не отреагировал.

– Бравин.

Паша замер. На секунду. Ударил ещё раз. И ещё. Глубокий вдох.

– Свали, Ворон. Не сейчас.

– Сейчас, Паш. Потому что ты щас сам себя разорвёшь.

– Отвали, блядь, я сказал.

– Нет.

Тишина. Груша качнулась. Скрипнула на цепях.

– Ты же не просто так тут. Что-то случилось. – Ворон говорит мягко, но в голосе — сталь. – И я это вижу. Ты не злишься. Ты страдаешь.

Паша сжал кулаки. Челюсть свело. Ворон увидел, как по щеке медленно скатилась капля пота... или это была слеза?

– Чё случилось, Паш?

– Ничего. – резко. Отвернулся. – Живи своей жизнью, Ворон.

– Ага. Только твоя жизнь сейчас громче, чем вся колонка на районе. Говори.

Молчание... И вдруг – глухой голос:

– Она... с ним там была.

– Кто?

– Женя. С Техником. Вино. Смех. Бокалы.

Пауза. Ворон медленно кивнул.

– И?

– И нихуя. Всё. Значит, я для неё – никто. А я... я, блядь...

Он махнул рукой, отвернулся.

– Я ей сердце открыл, понял? А она... Пошла ржать с этим щенком.

– Ты ей говорил, что она тебе важна?

—...

– Нет. – сам ответил Ворон. – Ты не говорил. Потому что ты, как всегда, думал, что твоё молчание кто-то должен понимать с полуслова. А она – не из этих. Она новая. Она не знает, что у тебя внутри.

Паша сел. Уткнулся в руки.

– Я не умею... по-другому.

– Вот и научись. Или отпусти. Потому что или ты будешь рядом – или будешь страдать и разрушать.

Паша долго молчал. Дышал тяжело. Губы побелели. Кулаки дрожали.

– Сука... я ж не хотел... А как увидел её с ним – всё сорвалось.

– Вернись. Поговори. По-человечески. Без рёва и кулаков.

– Поздно.

– Не поздно. Пока ты чувствуешь – не поздно.

В спортзале стало тише. Паша сидел на краю ринга, опустив голову. Локти на коленях. Кулаки до боли сжаты. Ворон стоял рядом, прислонившись плечом к стойке.

– Ты же врубился, что влип? – негромко сказал он, не глядя на друга.

Паша вскинул взгляд.

– В смысле?

– Да в том смысле, что тебя прорвало не просто потому что Техник с ней бухал.

Он сделал паузу.

– Ты с ней по-настоящему залип. И сам этого испугался.

Паша усмехнулся, криво.

– Та ну, Ворон. Ты гонишь. Просто обидно, понял? Обидно, что я рядом, а она с этим сопляком...

– Паш... – Ворон посмотрел на него строго. – Мы с тобой с садика вместе. Я видел, как ты менял баб. Как они вокруг тебя вились. Видел, как ты в одной постели просыпался с двумя.

Паша хмыкнул:

– Ну... были времена.

– Да. Были. Но ни одну из них ты не смотрел так, как на неё.

Паша отшатнулся.

– Да ты рехнулся.

– Нет, брат. Ты.

Ворон сел рядом.

– Помнишь, как Деготь привёл её? Только зашла – ты сразу напрягся. Типа просто смотришь. А я видел. Взгляд у тебя был, как будто по тебе поезд проехал.

Паша замер. На лице мелькнуло что-то – почти страх.

– Она просто не такая. Понимаешь?.. – выдохнул. – В ней что-то чистое. Я рядом с ней – будто в себя вернуться пытаюсь. Будто заново дышу.

– Так и есть. Это не просто "залетела в голову" – это тебя шандарахнуло. Жестко.

– Блядь... – Паша провёл ладонью по лицу. – Я даже дышать не могу спокойно, когда она рядом. Всё внутри выворачивает. Я хочу быть с ней. Просто сидеть молча, слышать, как она дышит. Видеть, как улыбается.

– Ты влюбился. – просто сказал Ворон.

Паша выдохнул резко:

– Не-не... Я не... Я не умею в это. Я ж не из сопливых. У меня отец умер, я с тех пор никому душу не открывал. А тут... я ей сердце распахнул, а она, получается, с другим...

– Слушай, ты сам её отталкиваешь... Молчишь, бурчишь, ревнуешь, как псих – и при этом даже не сказал, что она тебе дорога. Откуда она узнает, Паш? Голову себе просверлит?

Паша замер. Смотрел в пол. Долго.

– А если я не справлюсь?.. А если я её разрушу?.. – спросил тише.

Ворон повернулся к нему.

– Слушай, я тебе скажу прямо. Ты, может, и ломаешь стены. Но ты не из тех, кто ломает души людей.

– Просто с Женей тебе надо научиться быть мягче. Не бронёй, не кулаками – а по-настоящему. Она – не улица. Она – человек. Живая. С болью, с прошлым. Как ты.

– Я боюсь. – Паша признался почти шёпотом — Я боюсь, что если её потеряю – всё. Больше не встану.

– Вот и не теряй. Не ломай. Сядь. Поговори. Откройся.

Паша кивнул. Медленно, как будто впервые проглотил эту мысль. Потом встал. Сделал пару шагов. Вернулся, ударил кулаком по рингу.

– Я её люблю, брат. Понял? Я реально... сука, я влюбился.

Ворон впервые за долгое время улыбнулся. Сдержанно. Глубоко.

– Ну всё, Пашка. Теперь или действуй, или отпусти. Но только не тупи.

Паша кивнул. Плечи его были напряжены, но в глазах – не ярость. Свет.

Тяжёлый вечер. Густой воздух. Двое – Паша и Ворон. Оба с душами, изрезанными, как старые дворовые перчатки. Они сидели на краю ринга, в пустом «Олимпе». Город начинал засыпать, а у них, наоборот, – начиналась бессонница. Паша выдохнул, стих. Его немного отпустило, но в груди всё ещё что-то пульсировало – как набат.

Ворон рядом, молчал. Только пальцами прокручивал кольцо на мизинце. Спокойный, как всегда. Но глаза резкие. Он знал, когда нужно молчать, а когда – говорить.

– Ладно, пора тормозить, брат, – наконец сказал Ворон. – Каглай передал – завтра сбор старших. Всех.

Паша хмыкнул, опустив взгляд.

– Это по Дегтю?

– Ага. Маза такая ходит – это Теменские. – Ворон говорил ровно. – Мол, Деготь ХБК хотел под себя подтянуть. А те в ответ – удар. Подрезали по беспределу. Тихо, чисто, чтоб без шума. Только мы ж не слепые. Всё и так ясно.

Паша сцепил пальцы в замок.

– Сука. Я знал, что эти шакалы скоро двинут. Давно их руки тянулись.

– Темень – не просто шакал. Он зверь, Брав. Там, где мы пацанов воспитываем – он с них шкуру дерёт. Ни уважения, ни понятий. Только жажда силы. А с такими...

– С такими только огнём. – зло бросил Паша, поднимая взгляд. – Они Дегтя тронули. Значит, крови захотели. Получат.

– Спокойно, брат. – Ворон положил руку ему на плечо. – Не сейчас. Завтра всё будет. Сегодня – всем по норам. Надо быть в ясной башке. Там уже не просто разборки – там война будет. Грязная. Жёсткая. Только ... а если они не остановятся? – глухо, немного тише начал говорить Ворон — Если дальше полезут?

Паша сжал челюсть.

– Значит, мы станем тем, чего они боятся. Значит, улица снова вспомнит, кто такой Деготь. Кто такие мы.

Ворон кивнул.

Паша встал, молча пожал Ворону руку. Без слов, без лишнего. Те, кто вырос вместе — понимают и без фраз.

Вышел на улицу. Мороз уже начал прихватывать, воздух был густой, тишина стелилась по дворам, будто и сама затаилась перед бурей. Он брёл медленно, мысли кружили в его разуме, он сам не заметил того, как быстро пришел к своему подъезду. На пятом этаже было всё так же тихо. Жёлтый свет лампочки выхватывал знакомые трещины на стене.

Он остановился напротив двери. Её двери. Молчал.

Просто стоял и смотрел, как будто сам этот взгляд может рассказать, как он думал о ней всё это время.

Сколько образов крутилось в голове, как корил себя за вспышку гнева. Как ему жгло грудь от ревности, но ещё больше — от страха.

Вдруг он всё испортил? Вдруг она увидела в нём только грубость, агрессию? А он ведь... Чёрт, он просто хотел, чтобы она была рядом. Просто дышала. Просто улыбалась ему.

Он сделал шаг. Потом второй. Остановился. Прислонился к стене и сжал кулаки.

— Рано. Слишком рано, брат, — пробормотал он себе под нос. — У неё и так душа в ключья. А я ещё со своими тараканами.

Он медленно выдохнул. Повернулся и ушёл. Домой. В пустую, холодную квартиру. Где пахло только сигаретами и железом. Он закрыл дверь, не включая свет. Разулся на автомате. Скинул куртку на пол. Прошёл в комнату. Упал на кровать и уставился в потолок.

Дым, тишина, темнота. А внутри — всё равно её голос, её глаза, её тёплая ладонь на его щеке. Он сжал зубы. И... заснул. Не сразу. Но с ней в голове. С той, которая пришла в его жизнь не как ураган — а как шёпот. Но перевернула всё до основания.

Утро было серым. Холодное небо нависло низко, будто собиралось пролиться то ли снегом, то ли тяжёлой усталостью. Женя проснулась рано — обещание Диме пришло в голову ещё до того, как она открыла глаза.

Голова гудела. Вчерашнее вино, эмоции, крики... И — он. Паша. Его лицо. Его голос. Его грубость. Его ревность. Его поцелуй. Его кулак, летящий в Андрея. Она откинула одеяло и закрыла глаза на секунду. “Нет. Всё. Хватит.”

Поднявшись, Женя молча отправилась в ванную. Холодная вода ударила по щекам, возвращая в реальность. Она долго смотрела в зеркало.

— Не позволю себе потеряться. Ни в ком. Ни из-за кого, — прошептала тихо.

Она больше не была той наивной девочкой, которая растерянно смотрела на город с окна машины. Теперь она была здесь. Среди этих улиц. Среди боли. Среди новых

лиц. Среди своих и не своих. И она выживет. Любой ценой.

Женя собрала волосы в пучок, переделась, сварила Диме его любимую гречку с тушёной, аккуратно уложила всё в контейнер. Добавила яблоко и плитку шоколада.

– Твоя аптечка, Дим. Только из еды, – усмехнулась про себя.

С этими мыслями она взяла пакет с едой и вышла из квартиры. Город ещё дремал. Машины лениво тянулись по дорогам. Люди в шарфах и куртках шли на работу, вдыхая морозный воздух.

Женя шла знакомым маршрутом к больнице. Район начинал казаться ей чуть менее чужим. Она разглядывала фасады домов, облупленные вывески, следы чьих-то шагов на снегу. Где-то вдалеке играло радио – группа “Кино”, тихо, еле слышно. Пахло дымом и свежей булкой из соседней пекарни. Но в сердце всё равно было тревожно.

Она подошла к перекрёстку и остановилась на красный. Именно в такие моменты — тишина обостряется.

“А если бы тогда... он не ушёл? Если бы он остался, и я...” – Стоп, Женя. Хватит. Не думай.

Светофор мигнул зелёным, и она пошла дальше.

Сегодня её день. День, когда она будет рядом с тем, кто стал ей больше, чем просто дядя. Кто стал её опорой.

А чувства... чувства подождут.

В больнице было непривычно тихо. Женя торопливо прошла по знакомому коридору – тот самый, где всё внутри сжималось ещё вчера. Пальцы вцепились в пакет с едой, как в спасательный круг.

– Простите? – Женя услышала голос за спиной. Она обернулась.

В конце коридора к ней приближалась знакомая медсестра – та самая, что разрешила остаться с Димой в ту ночь.

– О, ты к нему, да? – кивнула женщина мягко. – Он уже не здесь, милая. Выписался.

– Что?! Как это – выписался? – Женя встала, будто её ударили. – Когда? Почему?!

– Ночью. Примерно в три. Его парни приехали, трое. Один в длинной кожанке, другой худой, как жердь, третий с шрамом на брови. Сказали, что увозят. Он сам настоял. Упрямый. Не слушал никого.

У Жени в голове гудело.

“Он ушёл. Ночью. После операции. В таком состоянии. Он не пришёл домой. Дверь утром была закрыта, как она её и оставила. Ни следов, ни записки. Значит... Он может

быть только в одном месте.Олимп."

Женя поблагодарила медсестру – но слова вязли в горле.Выйдя на улицу, она стояла у входа в больницу, сжав пальцы до побелевших костяшек.Гнев и тревога боролись внутри с такой силой, что ноги не чувствовали земли под собой.Сердце стучало гулко и надрывно." Какого хрена?!После операции. После ножевого. Ему ещё лежать и капельницы считать, а он – в Олимп?! Почему он такой? Упрямый. Несносный. Но... родной."

Именно это и бесило сильнее всего – что она не может злиться по-настоящему, потому что боится за него. До дрожи. До комка в горле.

– Ну раз ты сам себе враг – я буду врагом тебе вдвойне, – прошептала она себе под нос. – Но сначала найду,накормлю, отругаю, а потом по голове настучу.

Она шла быстрым шагом. Прохожие мелькали,будто тени. Ветра не было – но в груди штормило.

Её лицо было сосредоточенным, почти жёстким.Это был уже не растерянный ребёнок, не девочка. Это была Женя. Та, что умеет идти до конца – даже если не знает, чем всё закончится.Ее шаги были уверенные, сжав в руке пакет с едой, будто щит. Сердце колотилось, но не от страха – от злости и обиды.

Олимп возвышался, как всегда, мрачный и немногословный. Старый спортзал, превратившийся в логово.

Входная дверь скрипнула под её рукой. Перед ней выскочил парень – лет одиннадцати, не больше, тонкий, угловатый, со взглядом, в котором было больше улицы, чем детства. Кто-то из "скорлупы", как их здесь называли – малые, присматривающиеся, на подхвате.

– Стой! – выпалил он, встав перед ней. – Там... сейчас важные дела. Общий сбор. Посторонним нельзя!

Женя остановилась. Посмотрела на него с холодным, сосредоточенным взглядом. И с таким выражением лица, что малой инстинктивно отступил на шаг.

– Посторонним? – её голос был резкий, отточенный. – Я племянница Дегтя. Мне можно всё.

Она шагнула вперёд, оттолкнув его плечом, и ворвалась внутрь. Не просто вошла — влетела, как фурия.

В зале стояли, сидели, курили, переговаривались. Старшие и младшие. Плотные ряды, напряжённые лица. Кто-то слушал, кто-то спорил, кто-то только собирался заговорить.

И тут – тишина. Как будто воздух выжгло. Все головы повернулись на звук её шагов.

Глаза – только на неё.

Женя стояла посреди зала, гордая, упрямая, с вызовом на лице. Она не выглядела опасной. Но в ней была оголённая сила – злость, боль и решимость, которую не купишь ни весом, ни рангом.

Она провела взглядом по залу – ища его.

Где он, этот упрямый, этот родной идиот, что решил, будто может быть один?
Она увидела его сразу.

Он стоял в дальнем углу зала, чуть в тени – в окружении своих. Куртка расстёгнута, повязка на боку, но на лице – всё то же упрямство. Все тот же Дима, а вернее — Деготь. Уже не больной, не уставший – а собранный, сосредоточенный, будто ничего и не было.

Женя сжала зубы.

– Какого черта, нахрен, ты творишь?! – рванула к нему, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Парни в зале притихли. Кто-то удивлённо поднял брови, кто-то ухмыльнулся. Но Женю это не волновало.

Она влетела к Диме, уставившись в его глаза, и с яростью тюкнула пальцем в его грудь.

– Ты что, совсем с ума сошёл?! Выписался посреди ночи, как тень, и даже слова не сказал! Ни записки, ни звонка – НИ-ЧЕ-ГО!

– Женя... – начал он, но она не дала.

– Я пришла в больницу, а тебя нет, – её голос дрогнул, но она проглотила слёзы. – После операции, едва живой был... Медсестра сказала, что ты сам выписался. Я испугалась, переживала! А ты, оказывается, тут. Великий и ужасный Деготь.!

– Хватит. – голос его стал резким, как лезвие. – Пойдём.

Он взял её за локоть и увёл в сторону, за бетонную перегородку, в закуток, куда не долетали чужие взгляды и уши.

– Ты что творишь, красивая, а? – он говорил тихо, но жёстко. – Я понимаю, ты волновалась. Но ты не имеешь права залетать в зал и орать при всех. Я здесь – не просто твой дядя. Я – старший. И если кто-то из них увидит, что на меня наезжают при всей братве – это подрыв авторитета. Это не базар, Женя. Здесь всё держится на уважении.

Женя вскинулась:

– А на уважении ко мне это не держится, да? Я переживала! Ты был

на грани смерти, а теперь будто ничего и не было! Как будто я – пустое место. Ты мне дядя, чёрт побери! Ты моя семья!

Он сжал челюсть, тяжело выдохнул.

– Я не сказал тебе, потому что начался замес, Женя. Серьёзный. Опасный. Я не хотел, чтобы ты это знала. Хотел уберечь. Это не твоя война.

– Это и моя жизнь. – спокойно, твёрдо произнесла она. – Я не просто к тебе в гости приехала. Я жить с тобой решила. Добровольно. Я уже в этом всё – по уши. И если ты думаешь, что я буду прятаться за твоей спиной – ты ошибаешься. Я буду рядом.

Он смотрел на неё молча. В её глазах не было подростковой бравადы – только боль, решимость и усталость.

Он вздохнул, и провёл рукой по лицу.

– Ты упрямая, как твой отец... – пробормотал он. – Ладно, слушай. Сейчас мне нужно закончить одно дело. Через три часа я вернусь домой. Всё расскажу. Вплоть до последней детали.

Он положил руку ей на плечо, с каким-то усталым теплом:

– А ты... иди домой. Пожалуйста. Мне нужен ясный ум рядом, а не вымотанная в хлам девчонка, которой не всё равно.

Женя опустила глаза, кивнула. Повернулась – и пошла к выходу. На долю секунды зал затих, провожая её взглядами. Она чувствовала это спиной – эти сотни взглядов, смешанных: уважение, удивление, а может, и недоумение.

Но она не поднимала головы. Не потому что стыдно – нет. Просто боялась встретиться взглядом с ним. С Пашей. С тем самым, чей образ последние дни и ночи не давал ей покоя. С тем, с кем они поссорились, разбив что-то внутри.

Она чувствовала – он где-то тут, неподалёку. Может, сидит в углу, может, стоит у стены, может, и не смотрит. А может – наоборот, смотрит только он.

Но Женя не обернулась. Не искала глазами. Просто шла прямо, будто сквозь глухой воздух, будто в каком-то сне. Открыла тяжёлую дверь Олимпа, вышла на улицу.

Мороз тут же обдал лицо, будто пощёчина.

Она вдохнула поглубже. Один. Два. Три. Пульс медленно сбивался. Снова жизнь.

Снова холод. Снова улица.

Она шла домой – быстро, упрямо, стараясь не думать. Но мысли всё равно догоняли.

Вся эта круговерть – как будто она попала в чужой роман, в котором

каждое слово пишется кровью и выбором.

Дом уже виднелся впереди. И Женя знала – ей ещё многое предстоит. Но сейчас – ей нужно просто дойти. Тихо. Не оглядываясь.

Когда Женя влетела в Олимп – как буря, как огонь, как дикая стихия – у Паши внутри всё оборвалось.

Он стоял у дальней стены, полуразвернутый, что-то обсуждал с Каглаем и Ветром, когда услышал её голос. Резкий. Громкий. Звонкий. Такой, что даже у самых лютых ребят за спиной мурашки пошли.

Паша обернулся мгновенно. И сердце, предатель, сжалось – будто под рёбра вогнали что-то острое.

Она была вся в огне: глаза метали искры, губы сжаты в тонкую линию, пальцы дрожат – злость, тревога, страх, всё перемешалось.

– Какого , нахрен, ты творишь?! – её голос пробивал стены, его грудь, весь зал. Когда

Дима отвёл её в сторону, Паша остался на месте. Застыл.

У него в голове крутились только её слова. Её глаза. Её шаги. А когда она повернулась и пошла к выходу – не глядя ни на кого, не встретившись взглядом с ним, он ощутил... Пустоту. Как будто часть его самого сейчас уходила, не простив, не поняв, не вернувшись.

И весь зал снова зазвучал – кто-то переговаривался, кто-то стучал бутылкой по столу, кто-то обсуждал Теменских...

А он стоял.

Молча. Неподвижно. Один.

И если бы кто-то сейчас подошёл, заглянул ему в лицо ...увидел бы там ревность, ярость, вину, и эту невыносимую, мужскую тоску по тому, что только начал чувствовать – и уже, может быть, потерял.

Женя сидела на диване укутавшись одеялом читала книгу. Дверь открылась медленно – с привычным скрипом, который Женя уже узнала наизусть. Она вздрогнула. Сердце дернулось.

Дима вернулся.

Он вошёл, чуть прихрамывая, снял куртку, аккуратно повесил её на крючок и, не говоря ни слова, прошёл в её комнату.

– Привет, – бросила она, не отрывая глаз от книги.

– Привет, Красивая, – ответил он устало, – Ты, я гляжу, первая в больницу

примчалась, а я, значит, как шакал, по-тихому смылся?

Женя резко взглянула на Диму, глаза её вспыхнули:

– Ты мог бы хотя бы оставить записку! Или позвонить! Ты вообще в курсе, как я волновалась?! После больницы, я шла по улице как сумасшедшая!

Дима вздохнул. Встал напротив, облокотившись на край письменного стола. – Я не хотел тебя втягивать. Это всё... серьёзно, Жень. А ты – девчонка. Ты не должна в это лезть.

– Я уже в этом! – её голос дрогнул. – Когда я переехала к тебе – я сделала выбор. Осознанно. Сама. Я знала, что у тебя не обычная жизнь, не работа в бухгалтером, но я выбрала тебя! Потому что ты – мой. Единственный родной человек на этом свете.

Он молчал. Его лицо будто потемнело.

– Ты меня только не перебивай, Дим. Ты меня спас. Ты стал мне всем. После того, как папа с мамой... – голос сел, Женя опустила глаза, – я думала, я не поднимусь больше. Но ты вытащил. Своим молчанием, своей заботой, этой шоколадкой и мятным чаем...

Он подошёл ближе. Осторожно. По-отцовски.

– Жень... – его голос был низким и с хрипотцой, – я правда горжусь тобой, ты — мой шанс на что-то настоящее. А я... я просто пытаюсь защитить тебя. Пусть и по-дурацки. Прости.

Он опустился рядом на диван. Рука его легла на её ладонь – тёплая, крепкая. Родная.

– Я знаю, ты сильная. Но... это всё так грязно и опасно... Я боюсь за тебя.

Женя смотрела в его глаза. Там было всё – усталость, вина, нежность, страх. Настоящее.

– Ладно... – сказала она наконец. – Ты победил. На сегодня... Иди приляг отдохни, тебе сейчас это не обходимо. Но позже, как ты и обещал – всё расскажешь. Всё.

– Как по нотам, – хрипло улыбнулся он.

И в этот момент между ними повисло спокойствие. Тишина. Без слов, без пафоса. Просто два человека, сшитые одной болью, одной кровью – и, возможно, одной судьбой.

Кухня. Тёплый свет лампы. Мятая пачка сигарет между ними. Полумрак за окном, чайник шумит, не доходя до кипения.

Дима, в домашней футболке, уже отдохнувший, сдержанный, но всё ещё с усталостью в глазах, смотрел на Женю пристально, будто прикидывая: а вытащит ли?

– Значит, точно решила? – хрипловато спросил он, закуривая.

– Точно, – уверенно кивнула Женя, глядя ему в глаза.

– Давай по чесноку. Ты вообще понимаешь, куда лезешь? Это не кино, не романтика. Это болото. Если в него вступила – назад дороги нет.

Женя кивнула.

– Я уже поняла. И не жалею.

– А если придётся кровь с рук смывать? – тихо, почти шёпотом.

Она подняла глаза:

—Ты моя семья. Я говорила тебе – я уже в этом. С того дня, как решила быть с тобой. Значит, буду до конца.

Дима закрыл глаза и выдохнул.

– Ну, слушай тогда.

Он достал сигарету, щёлкнул зажигалкой, затянулся.

– Всё, что ты видела раньше – это поверхность. Настоящее – под ней. Система, как в армии, только без погон. И без пощады. Если хочешь в этом жить – должна понимать, кто есть кто. У каждой стаи есть структура. И у нашей – тоже. Без неё был бы бардак, где каждый орёт и машет руками. А нам порядок важен, – он постучал пальцем по столу. – Я – автор. Это значит, что всё, что происходит в этом районе – моя ответственность. И добро, и кровь. Я выстраивал это годами, кирпич за кирпичом, не ради власти, а ради того, чтобы своё держать под контролем.

Ниже меня – Каглай, смотрящий. Он мой человек, назначенный мной. Его слово – закон, если меня рядом нет. Он следит за дисциплиной, решает спорные вопросы, разруливает ситуации. Его уважают, потому что он ровный. Без понтов, но с хребтом. Если надо – вмажет, если надо – поймет. Таких сейчас мало.

Потом идут боевики. Самые острые, кто на передовой. Кто рвёт зубами, если прикажу. Это твой знакомый Брва , Буйвол и Ворон. Это ребята без тормозов, но с принципами. Их задача – силовой блок. Решения “в поле”, выезды, зачистки, защита. Если где-то вспыхнет – они первые там. Как волки. Стая. Без них – никак.

Ниже – пахари. Это те, кто обеспечивает нам крышу, движение, стабильность. Торговля, связи, отмывы, разговоры с «уважаемыми людьми» на рынках. Это не бойцы, но без них всё развалится. Жек, их ты пока не знаешь. Познакомлю. Потом – молодняк. Ученики, как твой Техник. Только пришли, но уже хотят. Бегают, учатся, вникают. Им ещё рано в большие дела, но они уже пробуют себя. Кто-то из них вырастет, кто-то – сломается. Я таких сотнями видел.

И в самом низу – скорлупа. Мелочь. Шестёрки, посыльные, побегушки. Пацаны с района, мелкие, вроде тех, кто сидит на входе. Они толком ничего не знают, но зато всё видят. Их глаза – наши уши.

Дима замолчал. Сделал глоток. Потом продолжил, уже тише, но твердо:

– Эта машина работает только тогда, когда каждый на своём месте. Стоит одному дать слабину – сыплется всё. Понимаешь?

Женя кивнула. Лицо её стало серьезнее. Она всё впитывала.

– И ещё. – Дима поставил чашку. – Ты мне как дочь теперь. А ты с Бравой... – он выдохнул. – Я вижу, как он на тебя смотрит. И мне это не нравится. Не потому что я против. А потому что знаю его. Он резкий. Девки для него – это как сигарета: взял, покурил – и выбросил. А ты – не для этого. Поняла?

Женя медленно подняла глаза. В её взгляде была и боль, и уважение.

– Может он может быть другим, – прошептала она.

Дима слабо усмехнулся.

– Может. Но только один раз в жизни. Если ты – именно та. Если нет – он тебя раздавит не потому, что хотел, а потому что по-другому не умеет. И я не хочу тебя потом собирать по кускам.

Она опустила взгляд и тихо ответила:

– Я сделала свой выбор, Дим. Осознанно.

Он кивнул и откинулся на стуле.

– Ладно. Тогда добро пожаловать в стаю. Но помни, красивая: волки не прощают ошибок. Даже внутри семьи.

Женя задумчиво смотрела в чашку, крутила ложку, словно в чае могла разглядеть ответ.

– Так... значит, я теперь тоже в группировке? – твёрдо спросила она, глядя ему прямо в глаза, без намёка на страх или сомнение.

Дима вскинул бровь и чуть хмыкнул. Взгляд его стал жёстким, но в голосе – тепло.

– Нет. Женщинам туда нельзя, – отрезал он. – Не потому что ты слабая. А потому что это не про тебя. Там грязь, кровь и чёрная жижа, которая сжирает душу. И если туда вляпаешься – уже не отмоешься. Ни водой, ни молитвами. Ты не для этого.

Женя посмотрела на него упрямо, будто хотела возразить, но Дима поднял руку, не

давая вставить ни слова.

– Слушай внимательно, Красивая. Ты – моя родня. А родня – это не просто «семья». Это за гранью. Это когда я на любой кипиш встаю за тебя грудью, даже если против меня встанут свои.

Он говорил просто, без пафоса – и от этого каждое его слово било в сердце, как колокол.

– Ты не будешь ни пахарем, ни бойцом, ни тем более в молодняке. Но ты будешь рядом со мной. Там, где я – там и ты. Правая рука. Мозг. Сердце. Хребет. Я – кулак, а ты – моя совесть. Тень за спиной. Глаз в тылу. Если я оступлюсь – ты должна быть той, кто удержит. Поняла?

Женя, не дыша, слушала. Медленно кивнула. Она не ожидала... не рассчитывала... но это было больше, чем она могла просить.

– Я не хочу, чтобы ты становилась одной из нас. Я хочу, чтобы ты была над этим. Чистой. Внутри. Но при этом – знала всё. Была в курсе. В теме. Защищена.

Он посмотрел в её глаза.

– Если кто-то поднимет на тебя руку – он не доживёт до следующего утра. Это понятно?

– Понятно, – выдохнула Женя. Голос дрожал, но в груди разгоралось странное тепло. Сила. Гордость. Страх и благодарность одновременно.

Дима кивнул.

– Тогда запомни: ты – Дегтярева. А это здесь это весит больше, чем ксива, больше, чем бабки.

– Я не подведу, Дим, – прошептала она.

Он снова посмотрел на неё. Улыбнулся. Усталой, искренней улыбкой.

– Вот и хорошо. Потому что ты теперь – часть всего этого. Не как боец. А как голос совести среди волков.

На кухне стояла тишина, нарушаемая лишь тихим шипением чайника на плите. Женя сидела напротив, зажав в руках кружку с уже остывшим чаем. Она долго смотрела на Диму, не зная, с чего начать, но потом всё же решилась:

– Скажи мне... кто тебя подрезал?

Дима медленно перевёл на неё взгляд. Он будто ждал этого вопроса.

– И почему ты ушёл из больницы ночью? – добавила она чуть тише, будто эти слова сами собой соскользнули с языка.

Он долго молчал. Взгляд его стал жёстким, словно затянулся дымкой воспоминаний. Потом встал, подошёл к подоконнику, достал из пачки сигарету и закурил, глядя в окно.

– Всё, что сейчас скажу... ты должна держать в голове. Потому что это уже не просто "разговор по душам". Это война. – Он повернулся. – И ты в ней. Как бы я ни пытался тебя уберечь.

Женя напряглась. Он говорил спокойно, но в голосе слышалась злость, внутренняя сталь.

– Подрезали меня шакалы. Теменские.

– Теменские? – Женя нахмурилась. – Это кто?

– Дикие. Из другого района. Единственные, кто может бодаться с Вкладышами. Бездушные. Их главарь – Темень. Тварь редкостная. Никаких понятий. Ни слова, ни чести. Ни семьи, ни пацанов. Только жажда власти и крови. Он... как волк с бешенством. Если вцепился – не отпустит.

Дима сделал глубокую затяжку. Дым вышел резко, будто вырвался гнев.

– Я начал подминать ХБК. Старый, вроде как ничейный комбинат – но он ключевой. На границе наших и их территорий. Кто возьмёт ХБК – тот контролирует город. И не просто контролирует – входит в круг тех, кто мутит настоящие дела. Связи. Бабки. Общак. Всё. Я пошёл на ход. Открыто. Через своих. Поделится идеей, собрал поддержку.

– А они?

– А они не стали говорить. Стали действовать. Сначала по мелочи. Вынесли ночной киоск, потом разнесли продуктовый ларёк на границе. Бабке старой руку сломали. Мы всё пытались решить мирно. Но потом...

Он замолчал, голос осел. Женя даже не дышала.

– ...Потом нашли девочку. Двенадцать лет. В лесополосе. Изнасилована. Всё... порвано. Рот, глаза – засыпаны песком. – Он сжал кулак так сильно, что побелели костяшки. – Это уже не бизнес. Это... зверство.

Женя закрыла рот рукой. Сердце стучало в ушах. Её вырвало бы, если бы не стальной взгляд Димы.

– Мы организовали встречу – авторскую. Нейтральную. В масле – только старшие. Темень играл в молчанку. Не подтвердил, но и не отверг. Глядел с усмешкой. Я сказал ему в лицо: ХБК – наш. И я не дам вам разгуливаться у нас на районе.

– А потом... они тебя подрезали? – шепотом спросила Женя.

– Да. Ночью. По спине, как шакалы. Трое. В переулке. В темноте. Чисто. – Он обнажил бок. – Удар точный. Но промахнулись. Повезло.

– А больница?

Он отвернулся к столу. Достал из ящика помятую записку. Протянул ей.

Женя развернула. Газетные буквы, кривые, неровные. Четыре строчки.

"Считай – подарок получил. Не путай берега. Сам подписался. Война так война."

У Жени заломило в груди. Пальцы сжались на бумаге.

– Поэтому я и ушёл ночью. Мне нужно было донести это до своих. Каглаю, Браве, Ворону. Всем старшим. Чтобы были наготове. Я – автор. Я отвечаю. Не имею права лежать в больничке, когда началась настоящая война.

– А теперь? Что будет? – Женя смотрела прямо в глаза. Без страха. Дима заглушил сигарету, подошёл ближе и положил руку ей на плечо.

– А теперь мы держим строй. Ты – со мной. Но держись ближе к краю, Жень. Этот мир не про эмоции. Тут каждое "люблю" может стоить жизни.

Она кивнула. И в этот момент тишина кухни стала громче любой бури.

На улицах уже стелилась вязкая, предгрозовая темнота.

А в Олимпе воздух был натянутый, как струна.

Пахло потом, сигаретами, сырой одеждой и напряжением. За длинным столом сидели Каглай, Буйвол, Брва и Ворон. Все – в молчании. В голове у каждого стучал один и тот же вопрос: что делать дальше? Каглай, как всегда, держался собранно. Глаза колючие, тяжёлые. Он был смотрящий, и знал цену молчанию.

– Надо быть честными, – наконец сказал он, сжав руки в замок. – Мы не в уличной драке. Это уже замес. Теменские не просто подрезали Дегтя. Они показали – будут давить насмерть.

– Мрази, – буркнул Буйвол, – и без тормозов. Девчонка двенадцать лет... Чистое зверьё.

– Они специально это делают, – Ворон говорил тихо, но каждое слово било, как пуля. – Запугивают. Прессуют. Показывают, что их ничего не держит.

Брва сидел в углу оперевшись рукой на подоконник, закусив губу, и в сотый раз перелистывал в голове каждый шаг Теменских. А ещё... в голове всё время всплывало её лицо.

Женя. Слезы. Глаза. И как она смотрела на него тогда, в дверях.

"Вот урод ты, Брава. Повёл себя как пацан мелкий, а теперь сиди, грызи себя."

Каглай ударил кулаком по столу. Все вздрогнули.— ХБК — наш шанс. Но он стал мишенью. Темень хочет взять район. Кто владеет ХБК, тот контролирует город. Он это знает, и он будет рвать, давить, пока не добьётся.

— Так что делаем? — хрипло спросил Буйвол.

— Ждём Дегтя, — ответил Каглай. — Завтра общий сбор. Всех. Даже скорлупа. Все должны знать, что начинается реальная рубка.

И тут дверь распахнулась.

В зал влетел пацан из скорлупы, лет одиннадцати, мокрый, с ссадиной на лбу.

— Каглай! ХБК горит! — прокричал он. — рынок, киоски, часть склада — всё в огне!

Люди бегут, менты не лезут!

— Это они, слышите? Это Темень поджёг! В зале воцарилась мёртвая тишина.

— Всё, — пробормотал Ворон. — Они пошли в ход.

Каглай вскочил, глаза полыхнули:

— Всех туда. Прямо сейчас. Но не суетой — по уму. Работать быстро, чётко.

И ты, — он повернулся к пацану, — мчись к Дегтю. Передай: "Война началась. Горит ХБК." Всё. Быстро!

— Понял! — кивнул мальчишка и вылетел, как ветер.

Брава встал, сжав кулаки. В груди горело. Женя, пожар, война — всё сплелось в один клубок. Он посмотрел на Каглая:

— Поехали. Сегодня без пощады.

Буйвол хмыкнул:

— Будет месиво.

Ворон спокойно натянул куртку:

— Значит, и нам пора стать зверьём. Но — с мозгами.

Все молча кивнули.

Вечер перестал быть просто вечером. Он стал началом конца.

Квартира Димы. Вечер. Женя сидела на табурете, обняв руками горячую кружку.

Внутри ещё всё клокотало после разговора: о Теменских, о войне, о нападении... И всё больше крепла мысль, что назад дороги нет.

Дима молча ходил по комнате, проверяя какие-то бумаги, делая пометки в потёртом блокноте, временами глядя в окно, как будто слышал, как что-то надвигается.

В дверь резко постучали. Один раз. Второй. Быстро, почти в ритм с сердцебиением.

Дима открыл.

На пороге стоял пацан из скорлупы, в драной куртке и с испуганными глазами. Щёки пылали от бега, волосы сбились в комки.

– Деготь! – прохрипел он, задыхаясь. – ХБК горит. Рынок весь. Склад тоже зацепило. Люди кричат, бегут... Весь район в дыму!

Мальчишка судорожно вытер нос рукавом.

Дима застыл на месте. Потом медленно отложил блокнот.

– Началось, значит... – глухо сказал он. – Вот и счёт открыт.

Женя подскочила со стула:

– Я еду с тобой.

– Нет. – не оборачиваясь, отрезал Дима, уже направляясь в комнату.

Он резко открыл шкаф, вытащил тёмную куртку, кинул в карман перчатки, ствол, прикрепил к поясу нож-финку.

– Почему?! – Женя пошла за ним. – Это тоже мой город, ты сам говорил! Я имею право знать, что происходит!

Он остановился, тяжело выдохнул, и только потом повернулся:

– Ты никуда не едешь. Поняла? Сейчас – не время для бравады. Ты не боец, а моя племянница. И я тебя под огонь не кину.

– Но я могу помочь... хотя бы рядом быть, – её голос дрожал. – Я не игрушка, Дим.

Он подошёл ближе, взял её за плечи, но сдержанно, жёстко:

– Я знаю, что ты не игрушка. Но ты и не солдат. Ты девочка, Женя. Умная, храбрая – но ты должна жить жизнью, а не вляпываться в грязь, которую я сам тащу.

– Кроме того... – он махнул в сторону стола, – ты школу и так сдвинула. Завтра — как штык. Усекла?

Женя смотрела на него, прикусывая губу. Сердце колотилось от обиды, тревоги, желания быть рядом.

– Поняла, – почти шепотом. Он мягко тронул её по голове.

– Не думай, что я не вижу, что ты растёшь не по дням. Но пока что... побудь девочкой. Пока я держу район – ты держи дом. Справедливо?

Она кивнула. Неохотно. Но знала – спорить бесполезно.

Дима резко двинулся к двери. Малец из скорлупы ждал, переминаясь с ноги на ногу.

– Пошли.

Перед тем как выйти, Дима обернулся:

– Закрой за мной дверь. И не открывай никому, кроме своих.

Женя осталась стоять у входа. Из коридора уже доносился отдалённый шум мотора — подъехали ребята.

Девушка медленно прикрыла дверь, опёрлась спиной, закрыла глаза. На сердце было щемяще пусто.

Но где-то в глубине – горело пламя. Её пламя. Она будет ждать. А завтра – в школу. Но мир уже никогда не будет прежним.

Глава 3.

На оттяжке.

В воздухе висел гарь. Сажа забивала лёгкие. Красные отблески полыхали на стенах старого склада и разбитых ларьках, словно сам ад открыл портал во двор промзоны. Сигнал разорвал ночь, будто сирена войны.

– Газу, блядь! Газу! – рявкнул Дима, поднимая с водительского сидения пыль, будто сам стал мотором машины. Он мчал, как на фронт. Щёки стягивало от злости, пальцы мёртвой хваткой вцепились в руль.

– Животные... Суки... На раен полезли... Подарок, говоришь?..

Пока они мчались, дорога была пустой. Ни одной ментовской тачки. Ни одного любопытного прохожего. Только холодный ветер и гул сирены где-то вдали.

Вкладыши подъехали ко входу ХБК почти одновременно. Дымы ещё клубились, но пламя уже догорало. Люди с ведрами, кто в куртках, кто в халатах, сустились у

киосков, таскали воду.

– Ебааать... – прошептал Буйвол, выходя из машины. – И всё это – просто... показать зубы?

– Нет, – тихо сказал Дима, выходя последним. – Это был первый удар.

Он шёл по периметру, не спеша, вглядываясь в каждый угол. Его взгляд был резкий, цепкий, цеплял детали: чёрные следы от бутылок с зажигательной смесью, сломанные деревянные ящики, закопчённую вывеску.

На полу рынка валялось пыльное плюшевое сердце – то ли чьё-то потерянное счастье, то ли символ того, как умирал мир.

– Из-под тишка. Как крысы. Как они и умеют, – процедил Каглай, подойдя к Диме.

– Ну вот скажи, – вступил Брова, – ты видел хоть одну рожу? Хоть одного их малолетку?

– Ни один не отсветился, не вышел. Подождли – и в норы.

– Не звери. – Ворон стоял, облокотившись на разбитую скамейку, сигарета тлела в уголке рта. – Мрази. Без чести. Без слов. Без понятий.

– Это уже война. – Деготь говорил ровно, но в каждом слове был нож. – И если думают, что мы отступим – они ошиблись адресом.

К ним подошёл распаренный, хриплый директор рынка – мужик в мешковатой рубашке, испачканной сажей.

– Дмитрий Викторович... Дим, ты ж знаешь, что это только с вашей помощью держится всё. Мы тут сами... ну, никак...

– Всё восстановим. – Деготь кивнул. – Стены, киоски, свет – встанет, как было. Недельки через две будет готово.

Мужик молча кивнул, еле сдерживая слёзы. Он знал, кому обязан порядком все эти года.

Менты не приехали. Ни одного. Ни маячка. Все знали: между Теменскими и Вкладышами – идёт замес, и встречать – себе дороже. В городе это называли “ночью молчания” – когда скорая не едет, пока не скажут, что можно.

Вкладыши отошли в сторону от рыдающих женщин, суetyщихся продавцов и едва живых от усталости мужчин.

– Надо собраться. Выпить. Подумать. Не суетиться. – предложил Каглай. – Голову надо держать холодной. Это не просто разборка. Это начало шахматной партии. А следующий ход – уже наш.

– Все остальные – по домам. – жёстко добавил Деготь. – Завтра – общий сбор. Кто не явится – пусть потом не жалуется, что остался за бортом.

– Понято, Деготь. – Брава кивнул. Его взгляд был всё таким же напряжённым. Он не отпускал с глаз зону пожара. Словно искал ответ – где, когда, как и кто это сделал.

– Ладно, мужики, – сказал Дима. – Поехали, Олимп ждёт. Будем думать.

Машины одна за другой тронулись с места.

В небе уже занималась заря. Город затаился. Но знал: тишина – временная. Впереди – буря.

Бетонный зал Олимпа пропах гарью, хотя пожар был в другом конце города. Усталость висела в воздухе, как тяжёлый смог.

Мужики сели кто куда – кто на подоконник, кто на старую скамью у стены, кто просто на ящик. У каждого в руках – пластиковый стакан с самодельным, мутным пойлом. По углам потрескивали сигареты.

Буйвол плюнул на пол, мотая головой:

– Вот суки. Я ж говорил, говорил, что они не остановятся. Вынесли девку, ХБК подпалили – что дальше? Мать их...

Каглай загудел, осев в кресло:

– Животные. И не боятся, что сдохнут под забором.

– Потому что думают, что нас качнуть можно. – Брава сказал это сдержанно, но в голосе хрустело напряжение— Думают, что мы только языками чешем.

Ворон молча курил, глядя в бетонный пол, а потом тихо сказал:

– Темень – не про разговоры. Он не любит предупреждать. Он действует.

– Значит, и мы – не будем предупреждать. – сказал Деготь, отхлебнув из стакана.

Его голос был сухой, как наждачка.

– Раз зашли на наш раён – значит, ищут ответа. Так получают.

Каглай вскинул бровь:

– Что думаешь?

Деготь встал, прошёлся по залу, будто собирая в воздухе мысли, потом повернулся к своим:

– У Теменских есть точка на их краю – автомойка, под крышей у Теменя. Там и сходки, и бабы, и всё их вонючее гнездо. Если вдарим – вдарим туда.

– На открытую? – Буйвол усмехнулся. – Это как в берлогу залезть с факелом.

– А мы не полезем. Мы её просто подожжём. – спокойно сказал Деготь. – Красиво. Без жертв. Но с намёком.

– Пусть знают, что мы знаем, где они живут.

– Пусть знают, что их берега – уже не их.

Ворон кивнул:

– Поджог за поджог. Глаз за глаз. Только не ларьки бабки Мани – а их личная хата.

Каглай добавил:

– Главное – тихо и быстро. Ни одного свидетеля. Только дым – и подпись.

– И какую подпись оставим? – спросил Брава, вглядываясь в Дегтя.

– Я сам напишу, – коротко ответил он.

На секунду зал притих. У Буйвола дрогнуло лицо:

– Ну всё, братцы... началось.

– Завтра ночью. – заключил Деготь. – Выберем двоих с руками и головой. Не скорлупа, молодняк брать надо. Всё по уму.

– А до завтра – тишина. Ни одного лишнего движения.

– Понято Дим. – отозвался Каглай.

– Понял, – кивнул Ворон.

– Я с вами. – сказал Брава, смотря в глаза Дегтю.

Дима чуть прищурился, как будто что-то считал по взгляду, но не стал говорить.

– Тогда так. Спим. Готовимся. И завтра начинаем отвечать.

Снаружи была ночь. А внутри – уже горело начало войны.

Олимп опустел. Остались только звуки скрипа тяжёлых дверей и гулкие шаги по бетонному полу. Каглай, Буйвол и Ворон уже покинули зал, один за другим растворившись в ночи. Пахло гарью, железом и пеплом – как после настоящей битвы.

Деготь стоял у выхода, закуривая. Брава, молча, натягивал куртку, взгляд его был упрямо опущен в пол.

– Ну чё, – Дима бросил окурок, раздавил его подошвой. – Поехали, подвезу.

Брава только кивнул. Молча они вышли на улицу, где фонарь, моргая, освещал заснеженный асфальт и капот машины. Ночь была душной и тяжёлой, как будто сама знала – завтра что-то треснет.

Путь домой был знаком, но сегодня он казался бесконечно узким, как горло бутылки перед взрывом.

Проехали пару кварталов. Тишина.

И тут:

– Слышь, Паша, – голос Димы сдержанно глухой. – Мы во что, играем?

– В смысле? – Паша чуть повернул голову, знал – щас будет.

– Я тебя спрашиваю, ты чё удумал? С Женей?

– Да ничего я не... – начал Паша, но тут Дима стукнул ладонью по рулю – резко.

– Не лечи меня, Паша! Не ври мне, понял?! Я всё вижу. Я нихрена не слепой! Красивая, блядь... Гляделки ваши! Как будто я дебил!

– А тебе что, завидно? – не сдержался Паша, сжал кулаки – Или ты хочешь, чтобы она всю жизнь одна сидела?

– Ты совсем ебнулся?! – Дима повернул к нему голову, глаза сверкнули— Она моя племянница! Моё всё! У неё мать и отец в гробу! А ты кто? Парень, который с девками на одну ночь и всё?! Ты хочешь ей сердце сломать, а потом просто свалить?

– Не хочу! – рявкнул Паша. – Да ты, мать твою, не понимаешь! Я сам охреневаю от всего! Я, блядь, живу улицей, ты это знаешь. У меня нет семьи. А потом она появилась. Она. И мне так, сука, страшно, Дим! Потому что если она уйдёт – меня не останется. Понял?!

– Тогда не делай говна, – Дима сбавил голос, но стал ещё опаснее – Не дави на неё. Не толкай. Она через многое прошла в последнее время.

– А ты думаешь, я не знаю боли? – Паша зло посмотрел в окно— Ты забыл, что я тоже знаю что такое потеря? Я каждую ночь бабю вижу, мать уже даже и не помню, только по фотографии... Я никогда ни к кому не привязывался... А тут, сука, с первого взгляда...

Машина въехала во двор, двигатель волги стих.

– Она девчонка, Паша, – жёстко сказал Дима. – Ей нужна стабильность, а не хаос. Не игра. Если любишь – жди. Не трогай. Не ломай.

– Ждать – это всё, что я сейчас умею, – прошептал Паша.

Дима стиснул зубы, но ничего не ответил. Просто вышел. Паша – за ним. Молча. Без слов.

У подъезда Дима остановился:

– Увижу, что она плачет из-за тебя – похороню. Не как врага. Как брата. Своими руками.

Паша кивнул

К квартирам они поднимались, молча. Тусклый свет лампы, стены с облупленной краской, запах старого бетона и сигарет. За спиной ночь, в ушах – недоговорённое.

Квартира Димы – слева, квартира Паши – напротив. Как будто судьба их специально так поселила. Напротив. Бок о бок. Две двери, две жизни. И что-то между ними — невидимое, но уже не пустое.

Дима остановился у своей двери, сжал ладонь на ключах, повернулся к Паше.

– Ладно... – выдохнул. – Живи.

– Да живу, куда деваться, – Паша усмехнулся, но в голосе пустота.

Они переглянулись. Взгляд. Как тост без рюмки. Как затяжка без дыма.

Дима кивнул, будто в последний раз перед боем:

– Помни, что сказал. Она – моя семья. А семью я не прощаю.

Паша медленно выдохнул:

– А я тебе, блядь, что, чужой?

– Пока не накосячил – нет, – резко, почти зло бросил Дима.

Пару секунд – тишина. Только лампа потрескивает. Паша чуть приподнял голову, устало провёл рукой по лицу.

– Знаешь, Дим... я её не выбирал. Оно само. Как будто кто-то наверху ткнул пальцем: «Вот. Твоя».

Дима смотрел внимательно. Взглядом – насквозь. Говорил тише:

– Спать давай. Завтра не легче.

Паша кивнул. Сделал шаг к своей двери. Рука легла на ручку.

Но перед тем как зайти, бросил через плечо:

– Если б я хотел просто поиграть – я бы с твоей племянницей даже не разговаривал. Но я не идиот, Дим. Я просто – впервые живой.

Дима ничего не ответил. Просто открыл дверь. Медленно вошёл в свою квартиру. И только скрип половиц выдал: он всё понял. И услышал.

Две двери захлопнулись почти одновременно. И только глухое эхо осталась висеть в подъезде, как невидимая клятва: "Не предай."

Дима прошёл в коридор, скинул куртку и устало прислонился к стене. Плечи ломило, будто по ним проехали танки. Мысли гудели, как старый мотор – перегретый, но не сломанный.

Он выдохнул. Глубоко, тяжело, будто каждый вдох давался с усилием.

– Всё, брат, ты дома... – пробормотал он себе под нос, машинально заглядывая в прихожую.

Прошёл на кухню, налил воды из-под крана. Пил долго. Маленькими глотками. Как будто смывал изнутри всё – и кровь, и гарь сгоревшего рынка, и тревогу за пацанов... и за неё.

Женя. Маленькая. Упертая. Гордая. С глазами – как у Саньки. Как он её держит в этой жизни – не понимает. Как она держится сама – ещё больше.

Он тихо приоткрыл дверь в её комнату. Свет из коридора вырвал кусочек тьмы и лег на край кровати.

Женя спала. Свернувшись клубочком, прижав ладонь к щеке. Одеяло было спущено на пол. Волосы растрёпаны, губы чуть приоткрыты. Видно, снилось что-то беспокойное — лоб немного нахмурен.

Дима подошёл ближе. Нагнулся. Осторожно, почти незаметно, накрыл её одеялом. Секунду постоял рядом. Руки сжались в кулаки.

– Прости, малышка, – тихо, едва слышно — Я хотел другой жизни для тебя. Тихой. Без этой вони, без боли, без крови. Но раз уж ты здесь... я не дам тебя в обиду. Ни одному ублюдку. Он выпрямился, ещё раз посмотрел на неё. И уже на выходе добавил, глядя куда-то в темноту – Только не разбейся, Жень. Ты мне, как сердце, которое вернулось. Только не разбейся...

Он вышел. Закрыв дверь без звука. Прошёл в свою комнату. Разделся на

автопилоте. Упал на кровать. Глянул в потолок. И в эту ночь уснул сразу. Без снов. Потому что всё, что было важно – уже спало за тонкой стенкой. И если завтра придёт война – он выйдет победителем. Потому что у него снова есть за кого.

Паша зашёл в свою. Тишина. Лицо – жёсткое. Но внутри – будто всё сжали плоскогубцами.

– Блядь... – выдохнул. Слово, как сгусток боли, сорвалось с уст.

Пинком сдёрнул кроссовки, куртку швырнул на пол. Прошёл на кухню. Включил свет. Неяркая лампа залила всё бледно-жёлтым, чужим, безжизненным. Взял кружку. Поставил на стол. Потом передумал. Сел на стул. Согнулся, упершись локтями в колени.

В голове всё крутилось. Как веретено: Женя. Её глаза. Её голос, когда она кричала на него. Когда он стоял у двери с бокалом, а она открыла – и улыбнулась. А за её спиной был Техник... Сердце сжалось. Пальцы врезались в колени. Не её вина. Не его вина. Но всё равно... больно. Как будто нож прошёлся по ребрам.

Мысли летели вразнос. А потом – вспышки. Пожар. Рынок. ХБК. Дым, беготня, люди с вёдрами. Война началась по-настоящему. Без соплей. И он знал – будет кровь. И не факт, что чужая. Потом встал. Прошёл в комнату.

На полке – старая фотка. Он, ещё малой. Отец, в кепке. Смотрят вдвоём в камеру. Серьёзные. Как будто уже тогда знали – жизнь не даст поблажек.

Паша взял снимок. Долго смотрел.

– Батя, – прошептал. – Вот скажи... Это оно? То самое? Или я, как лох, голову потерял?..

Он сел на диван. Откинулся назад. Снимок держал в руках, как что-то хрупкое. Сквозь щель в занавеске пробивался тусклый свет от фонаря с улицы. Он смотрел в него, пока не начал сливаться с ним. Перед тем как провалиться в сон, только одна мысль пульсировала в голове:

“Если её тронут – сгорю, но с собой утащу весь их поганый Темень”.

Будильник зазвенел резко, будто сирена.

Женя дёрнулась, с трудом открывая глаза. В комнате – полумрак, за окном серело. День только начинался, но внутри уже было беспокойно. Она села на кровати, на секунду прислушалась. Тишина. Такая, от которой першит в груди.

– Дим? – позвала тихо, в пустоту, будто он мог откликнуться из-за стены. Но никто не ответил.

Что-то холодное пробежало по позвоночнику. Неужели снова ушёл? Без слов. Без записки. Без ничего.

Она встала, накинула халат и босиком, осторожно ступая по линолеуму, приоткрыла дверь в соседнюю комнату. Дверь скрипнула. Женя замерла... И увидела. Он спал. Дима лежал, запрокинув одну руку за голову. На столике – смятая пачка сигарет и кружка с недопитым чаем.

На его лице – след усталости, но и что-то тихое, настоящее, как будто этот короткий сон был единственной передышкой за последние сутки.

Женя с облегчением выдохнула. Он дома, он жив, всё в порядке.

Она закрыла дверь и вернулась в свою комнату. Причесалась, натянула школьную форму, надела куртку.

На душе было тревожно – не от школы, а от всего, что происходит вокруг. Война. Поджог. Слова Димы. Слова Паши. Всё перемешалось в один бесконечный гул.

Она выскочила из подъезда, держа в руке рюкзак и яблоко. И тут...

– Ну наконец-то, а я уже думал соседи начнут думать, что я тут прописался.

Женя подняла голову. На скамейке, как всегда в своей куртке и с фирменной, чуть хулиганской ухмылкой, сидел Техник. Весёлый. Немного потрепанный, но всё тот же.

– Ты что тут делаешь? – спросила она, улыбаясь. – Засаду устроил?

– Вообще-то да. Засаду на одну вредную девчонку, которая собирается снова сбежать в школу, забыв про то, что в мире война и поджоги, – он театрально закатил глаза. — Я, между прочим, переживал.

– Переживал? – Женя приподняла бровь.

– Ну а что, вдруг ты опять решишь ломануться в Олимп с монтировкой и криком “Где мой дядя?!”

Они оба рассмеялись.

– Как нос? – спросила она, кивнув на него.

– Как у Кузьмича после трёх самогонок, – ответил Андрей, – кривой, но держится.

– Прости ещё раз...

– Ты не виновата, Жень. У вас там свои страсти. Я просто... ну, оказался в эпицентре. Так бывает. Главное – жив остался.

Они шли рядом. Улица просыпалась. Люди торопились на работу, кто-то продавал сигареты у ларька, где-то надрывался школьный звонок. Женя глубже вдохнула утренний воздух – пахло гарью.

– Страшно, да? – спросил Андрей, чуть тише.

– Да, – призналась она, – но я с вами.

– Тогда держись рядом с Дегтем и... – он на секунду замолчал, потом добавил: – и даже если у Бравы дурь в глазах, он тебя не бросит. Он, как бы это сказать... за своих в лепёшку. Только понять его – надо время.

Женя кивнула. Андрей, как всегда, всё знал и всё чувствовал, даже когда не показывал.

– Ну что, – он распахнул перед ней двери школы, – вперёд, в бой. Я слышал, что сегодня контрольная, так что это будет опаснее, чем разборка с Теменскими.

– Точно, – засмеялась Женя, – если что, прикроешь?

– Я как автомат Калашникова: гуду, но стреляю чётко.

Они вошли в школу. Смех, голоса, звонки. Мир будто на миг вернулся в обычное русло. Но Женя знала – это всего лишь тишина перед настоящей бурей.

Класс был всё тот же – выцветшие плакаты на стенах, карта мира с облупленными краями, доска, покрытая меловым крошечком. Учительница истории, Людмила Аркадьевна, монотонно рассказывала про какую-то древнюю битву, выводя даты на доске.

Женя сидела за третьей партой у окна, вполоборота к солнцу. Она смотрела сквозь мутное стекло – на школьный двор, где кто-то из младших классов играл в снежки.

Голова была тяжёлая, словно в ней клубился дым сгоревшего ХБК. Мир двигался как будто не в том ритме. Голоса одноклассников казались далекими, чужими. Все здесь жили "нормальной жизнью": кто-то переписывался на уроке, кто-то ел жвачку исподтишка, кто-то строил глазки. А у неё внутри гудел голос Димы: "Война началась, красивая". Женя моргнула. Её пальцы сами собой обвели в тетради слова: «ТЕМЕНЬ. ВОЙНА. ОЛИМП. ДЕГОТЬ. БРАВА...»

– Женя? – вдруг услышала она голос учительницы.

– А? – она вздрогнула. – Да?

– Повтори, пожалуйста, последнюю дату.

– Я... – Женя растерялась. – 1492?

Класс захихикал.

– Нет, это открытие Америки, – строго сказала Людмила Аркадьевна. – О чем мы сейчас говорили?

– Простите... – пробормотала Женя, снова опуская глаза в тетрадь.

– Мы говорили о Куликовской битве, – строго поправила та. – Ты здесь с нами вообще?

С задней парты раздался ехидный смешок:

– Она с вами, просто её дядя опять кого-то поджег – вот и в голове дым.

Женя замерла. Класс притих. Тот, кто это сказал – Толик, местный ротозей с желанием всегда выделиться, ментовской сын. Он не знал, с кем играет.

Женя встала, медленно повернулась, глаза её были льдом:

– Повтори, что ты сказал?

– Чего ты, я же пошутил, – начал отмазываться Толик. – У вас там в Олимпе, чё, с чувством юмора всё так плохо?

Но прежде, чем Женя успела что-то ему ответить, резко поднялся Техник. Он шагнул между Женей и Толиком, в его голосе не было ни капли шутки:

– Ты знаешь, кто такой Деготь, Толян?

– Ну, бандит ваш этот, чё...

– Он человек, который тебе бы зубы вставил золотые – в лужу. За слова. А я — вставлю обычные. Если будешь дальше языком чесать.

Класс замер. Учительница замерла. Толик опустил глаза.

– Ясно, – пробормотал он.

Андрей развернулся, взглянул на Женю. Она стояла, замирая от волнения – не от страха, а от гордости.

Учительница, кашлянув, поспешила вернуть внимание к доске.

– Так, на чём мы остановились... 1380 год...

Женя села. Руки слегка дрожали. Андрей сел рядом, шепнул, не глядя:

– Всё нормально. Не бери в голову. Просто завидуют, что у тебя есть, кому спину прикрыть.

Женя посмотрела на него. Её губы дрогнули в тени улыбки. Он подмигнул. Как всегда.

На перемене в коридоре было шумно, как в улье. Кто-то бегал по лестнице, кто-то кидал бумажные шарики. Но Женя стояла у окна – молча, будто вне этой суеты. За

стеклом – хрустящий морозный день. Земля покрыта снегом, дыхание людей в воздухе — как пар из трубы. Она облокотилась о подоконник, глядя вдаль. Глаза её были полны всего: тревоги, усталости, бесконечного внутреннего напряжения.

Подошёл Андрей. Встал рядом, тоже молча посмотрел в окно, потом кивнул:

– Красиво. Как будто мир делает вид, что он нормальный. А внутри – как будто всё наоборот.

Женя чуть усмехнулась уголками губ.

– У тебя философское настроение?

– У меня всегда оно такое, – отозвался он, подмигнув. – Особенно когда училка по химии задала двадцать задач, как будто мы с тобой в политех хотим.

Женя покачала головой, отстранилась от окна.

– Я не знаю, как можно сейчас вообще думать о химии...

Андрей посмотрел на неё чуть внимательнее.

– Тебе надо развеяться.

Женя молча смотрела в пол.

А он вдруг чуть наклонился и прошептал, заговорщически:

– Слышь, может... сдрыснем с последнего урока? У меня заначка осталась. Пирожки и какао. Пойдём на крышу.

– Ты серьёзно? – Женя удивлённо подняла на него глаза.

– Абсолютно, – кивнул он. – Я, между прочим, эксперт по школьным побегам. Только никому, а то очередь будет.

Женя замялась, но уголки губ дрогнули.

– Это ты меня развлекаешь или реально хочешь прогулять?

– Хочу тебе показать вид сверху. С крыши видно весь город. И «Олимп» в том числе. Может, станет спокойнее.

Женя ещё немного поколебалась, потом кивнула.

– Ладно. Только если пирожки свежие.

– А как же! – засиял он. – Я их сам у бабки взял перед школой.

Они засмеялись пригнувшись, будто в каком-то шпионском фильме, юркнули в конец коридора, туда, где старая дверь с табличкой "Выход на крышу – строго запрещён!" давно уже никого не останавливала.

Школьный день подошел к концу. Они шли по тихим улицам – вдоль домов, укутанных в снежную вуаль.

С крыш свисали длинные сосульки, фонари начинали загораться – день клонился к вечеру, и город постепенно переходил в тот час, когда суета сменяется тишиной.

Андрей шёл рядом, то отпуская вперёд, то снова догоняя. Он жевал пирожок, который чудом уцелел в его рюкзаке после «экспедиции» на крышу.

– Ну признайся, тебе понравилось, – кивнул он. – Вид же был шикарный?

– Очень, – кивнула Женья. – И воздух, и солнце, и снег на крыше... Как будто не школа, а жизнь.

– А я что говорил! Я в этом городе лучше всех крыши знаю. Был бы конкурс – я бы точно в тройку вошёл. Если не в двойку.

Женья рассмеялась. Она шла налегке – с тёплым румянцем на щеках, с чуть ожившими глазами. Они свернули во двор, знакомый до боли.

– Андрюш... – вдруг сказала она, чуть тише, чем обычно— А пойдём в «Олимп»?

Андрей резко притормозил, словно ему под ноги бросили кирпич.

– В Олимп?... – переспросил он, вскинув бровь. – Ты уверена?

Женья кивнула. Но не так уж твёрдо – больше как будто убеждала саму себя.

– Мне нужно туда. Надо... поговорить. Надо быть в курсе.

Андрей посмотрел на неё чуть сощурившись, потом, не отводя взгляда, спокойно спросил:

– А ты готова к тому, что там может быть он?

Женья отвела взгляд, губы её чуть дрогнули.

– Я не знаю... – честно ответила. – Мы ведь после той ночи ни слова друг другу...

Андрей кивнул.

– Ну тогда идём. Только если он снова полезет с кулаками – я в этот раз в морду дам не так вежливо.

Женя усмехнулась.

– Ты как мой телохранитель.

– Телохранитель, шутник и дилер школьных пирожков в одном флаконе, — подмигнул он.

И они направились к «Олимпу» – туда, где снова гудели тренировки, где кипело напряжение, где всё было по-взрослому. Где, возможно, её ждал разговор, которого она боялась. И ждала.

Металлическая дверь зала со скрипом отворилась, и Женя шагнула внутрь. Полумрак, запах резины, пота и свежевыкрашенных стен. Где-то на заднем плане гремела груша, кто-то спорил у ринга, кто-то тянулся в углу под «Кино – Последний герой». Внутри всё кипело – по-уличному живо, по-семейному шумно.

Её заметили сразу.

– Женёк! – крикнул кто-то из «скорлупы». – Салют!

– Вот это да, сама Женька! – откликнулся другой.

– Эй, держи её от груш подальше, а то унесёт всех с ноги, – пошутил третий, и послышались смешки.

Женя улыбалась – легко, по-настоящему. Она не чувствовала себя чужой. Здесь её уже знали, здесь были те, кто воевал плечом к плечу с Димой. Здесь она была частью чего-то большего.

Андрей куда-то слился – общался с молодняком у шведской стенки, кто-то передавал ему кассету «Modern Talking», и он ржал так, что зал гудел.

Женя разговаривала с пацаном лет семнадцати – высокий, русоволосый, с задорным лицом. Он пытался научить её правильному «угрожному» взгляду.

– Да не так ты смотришь, – смеялся он. – У тебя не «страшно», а «ой, прости» выходит. Давай ещё раз.

Женя прыснула со смеху, но в следующую секунду замерла. Кожей почувствовала. Как будто где-то в пространстве включился маяк. Она медленно обернулась, словно магнит тянул её взглядом.

Он. Паша. Стоял у стены, облокотившись на турник. В руках бутылка воды, мокрая футболка прилипла к плечам. Он не смеялся. Он даже не моргал. Смотрел. Просто смотрел. В глаза, в душу, насквозь.

Женя тоже не отводила взгляда, и не знала, что с этим делать. Столько слов было не сказано. Столько боли с той ночи. Тишина между ними будто гудела – почти физически, как натянутая струна. Вот-вот треснет.

Взгляд в взгляд. Дыхание в дыхание. Никто не говорил, но между ними будто что-то кричало.

И вдруг...

– Женья, – произнёс он. – Я Ворон.

– Приятно, – коротко кивнула она. – Я знаю, ты один из боевиков.

– Не пугайся этого слова, – чуть усмехнулся он. – Оно не про жестокость. А про то, кто идёт первым, когда горячо. Кто не отводит глаз, когда темно.

Женья прищурилась, с лёгкой усмешкой:

– А почему Ворон, а не Сова? Ведь совы – символ мудрости, не?

Он на секунду задумался, посмотрел куда-то мимо неё.

– Потому что сова – это книжная мудрость. А я... уличная. Потому что ворон всегда рядом. Даже когда ты не замечаешь. Потому что я не летаю – я падаю. Но падаю точно. И потому что, если я говорю – «не туда идёшь», – лучше послушай.

Женья замолчала. Почувствовала, как под кожей пробегает мурашка. Этот человек смотрел будто внутрь неё. Не на оболочку. На самую суть.

– Я наблюдал за тобой, – вдруг сказал он, спокойно. – С того момента, как тебя Деготь впервые сюда завёл. Ты – не отсюда, но у тебя внутри больше огня, чем у половины здешних. Только будь осторожна. Здесь огонь быстро превращается в пепел.

Женья сглотнула. Но ничего не сказала.

И тут Ворон легко, как бы вскользь, произнёс:

– Слушай, ты ж вроде с Бравой не знакома ещё?

Женья напряглась.

– Вроде как зн...

– Ну, давай подведу. Надо же познакомиться, раз ты теперь своя.

Она хотела отказаться, уже открыла рот – но Ворон мягко, но уверенно дотронулся до её локтя.

– Пойдём. Не бойся. Я рядом.

Они пошли через зал. Шум, хлопки, чьи-то переговоры – всё отдалилось, будто в вате. Женья чувствовала, как внутри всё сжимается. Брва стоял у стены, курил. Он увидел их – и замер.

– Браво, – сказал Ворон легко, – познакомься. Женя. Та самая.

Паша медленно выкинул окурок в урну, подошёл.

– Мы знакомы, – сказал он глухо.

Глаза не отпускали её. Ни на секунду.

– Ну и отлично, – сказал Ворон с хитрым прищуром, посмотрев на них обоих. Ведь он выполнил свою миссию.—Тогда я свободен.

Он растворился, оставив их вдвоём.

А между Женей и Пашей – повисла гулкая, тянущая тишина. Та самая, из которой вырастают либо поцелуи, либо взрывы.

Женя стояла перед ним. Лицо спокойное, но пальцы сжаты в кулак – будто наготове.

Паша смотрел прямо в неё – хмуро, напряжённо. Ни улыбки, ни грубости. Просто — сдержанность, на пределе.

– Ты чего здесь? – спросил он первым. Голос низкий, глухой.

– Олимп – не твой личный бункер, – ответила Женя. – Я пришла к Диме. Его нет.

– И решила задержаться, – фыркнул Паша, отвёл взгляд. – Опять по дружбе с Техником?

Женя мгновенно напряглась:

– Опять двадцать пять... Тебе не кажется, что ты слишком часто не туда копаешь?

– А тебе не кажется, что ты слишком быстро смеёшься рядом с ним?

– А тебе не кажется, что ты ведёшь себя как последний идиот? – вспыхнула она. — Мы даже не поговорили толком с той ночи. Ты просто ушёл. Никак. Ни слова. Ни объяснения.

– А ты сказала, что хочешь быть одна! – повысил голос Паша, шагнул ближе. – И была. С ним. С бутылкой. С песнями!

– Да это было вино, украденное у его бабки! – громче, будто прикрикнув сказала она. – Это был единственный человек, кто пришёл и просто посидел со мной, как с человеком! Не как с племянницей Дегтя!

– А я кто? – прошипел он. – По-твоему, я был с тобой как с кем?

Женя замолчала.

Паша тоже.

Между ними повисла натянутая, как струна, тишина.

Потом она тихо:

– Я не знаю. Иногда кажется, что ты меня видишь. А потом – будто не замечаешь вовсе. Ты то мягкий, то зверь.

Паша выдохнул резко, отводя взгляд.

– Я не умею по-другому, Женя. Я не вырос с цветами и сказками. У меня был район. У меня были разборки. У меня были стены вместо тепла. И когда ты появилась... я не понял, что со мной происходит. Это всё выжгло изнутри.

Она смотрела на него. В глазах – смесь гнева и боли.

– Так почему не сказал? Почему не вернулся тогда? Почему не постучал в дверь, когда стоял на лестнице?

Он вздрогнул:

– Ты знала?

– Да – выдохнула она. – Я не слепая и не глухая.

Он шагнул ближе. Совсем. И вдруг прошептал:

– Я просто боюсь тебя сломать. Ты не из нашего болота. Ты чистая. А я... Я всё ломаю, к чему прикасаюсь.

Женя подняла голову. Говорила тише, но сдержаннее:

– Не решай за меня, Паша. Я сама знаю – с кем быть и кого бояться.

Они стояли почти вплотную. Дыхание в дыхание. И только голос Ворона, прозвучавший вдалеке:

– Брава! Каглай зовёт! – спас их от той самой точки, от которой уже нет возврата.

Паша шагнул назад. Посмотрел на неё... глухо произнес:

– Береги себя, Женя.

Сразу после этого в зал уверенным шагом зашли Деготь, Каглай и Буйвол – хмурые, молчаливые, как три фигуры из чёрной шахматной партии. На улицах темнело, в воздухе висела тяжесть скорого удара.

Ворон и Брава уже направлялись к ним. За ними – Женя.

Паша краем глаза заметил, как она пошла следом, и будто инстинктивно хотел преградить путь, но не сделал этого – только напряг челюсть.

Дима, едва взглянув на неё, приподнял бровь:

– Ты-то что тут делаешь, а? – спросил без грубости, но жёстко.

Женя стояла уверенно, прямо, сдерживая дрожь только силой воли.

– А где же мне быть? Я – с вами. Это и мой дом теперь. Моё место – здесь. И, выдохнув, добавила: – Семью не бросают, помнишь?

На секунду Дима будто остоленел. Каглай криво усмехнулся, а Буйвол сдержанно хмыкнул. Дима покачал головой, но глаза у него смягчились:

– Ладно, только слушай внимательно и не лезь, куда не просят.

– Не вопрос, – коротко ответила Женя, вставая рядом.

Они все направились в дальнюю часть зала – за ринг, туда, где обычно «старшие» решали вопросы. Все обступили стол, на котором лежала примятая карта района. В углу черной ручкой было помечено: «мойка – логово Т.»

– Ну что, – Дима сразу начал с дела, – сгораем этой ночью.

– Поджог за поджог, – подтвердил Ворон, – глаз за глаз.

Брава разложил самодельный план автомойки – нарисованный от руки, с метками проезда, склада и заднего выхода.

– Значит, выезд один. Лобовая – широкая, но просматриваемая. Слева стена, сзади — гаражи, пустырь и железка. Охраны – пара укурков на лавке. Но если шум пойдёт — всполошатся быстро.

– Мы же не громко пойдём, – пробурчал Каглай. – С тыла. Через пустырь и гаражи. Кепа с Мешком пойдут, молодняк. Оба – как мыши. Обходят, льют, поджигают.

– Кто на отходе? – спросил Ворон. – Кто прикрывает?

– Я, ты и Буйвол. На оттяжке, по периметру, – быстро бросил Дима. – Без выстрелов. Тихо. Грязно, и в то же время чисто.

– Грязно-чисто, бля... – фыркнул Буйвол. – Как на похоронах по любви.

Женя всё это время молча вслушивалась. Она вдруг сделала шаг вперёд.

– Простите. Скажу – и уйду, если мешаю.

Все обернулись.

– Говори, – буркнул Каглай. – Раз пришла – докручивай.

– Вы сказали: «С тыла, с пустыря, через гаражи». И что пацаны зальют и подожгут. А если с той стороны забор? Или тупик? Если они специально мусор завалили там, чтоб никто не подлез?

Молчание.

– Я не знаю город. Но если бы хотела прятать точку, я бы мусор навалила сзади.

Чтобы только один путь был – лобовой. И тот – под глазами.

Брава приподнял бровь.

– Она дело говорит, – пробормотал он. – Я там был когда-то ... Действительно, у заднего хода могли завалить.

– И что ты предлагаешь? – нахмурился Дима.

– Проверьте с забросом. Пусть кто-то один пойдёт туда раньше, глянет. И если проход чистый – сигналист. Только после сигнала заходят Кепа с Мешком. Если вдруг прохода нет – скидывают, и всё отмена.

– Ну и как нам, девочка, узнать, что проход чист? – фыркнул Буйвол.

– Условный знак. Нууу на пример тряпка на заборе. Белая – всё чисто. Тёмная — отбой.

Повисла недолгая пауза.

– Шарит девка, – сказал Каглай и хмыкнул. – Пряма как с нами росла.

Дима ничего не сказал. Только смотрел.

– Не по возрасту голова, – тихо бросил Ворон.

– Это не голова, – ответил Дима. – Это нервы. И пусть пока бережёт их. Ты не едешь, – сказал он Жене. – Это – война. Не кино.

– Я и не прошу. Просто думаю, – спокойно ответила Женья.

Все снова повернулись к столу.

– Идёт, – подытожил Каглай. – План такой: Сначала – разведка заднего входа. На разведку пойдёт Техник. Быстрый, незаметный, толковый малый. Как подберётся — сразу сигнал. Сигнал по Женькиной идее. Белая – чисто, тёмная – отбой. Потом – заливка и поджог. На оттяжке – Деготь, Я, Буйвол, Брава и Ворон.

Письмо – ты сам, Деготь?

– Сам, – кивнул тот.

Он подошёл к стене, открыл старую военную сумку и вытащил аккуратно свернутый клочок бумаги.

– Уже написал.

Ночь опускалась тяжёлым покрывалом, когда Дима повернулся к Жене, глядя ей прямо в глаза:

– Слушай, тебе лучше сейчас идти домой, уже темнеет.

Женя кивнула, чуть вздохнула и, оборачиваясь, начала идти к выходу.

– Удачи вам, – тихо сказала она, не желая показывать свою тревогу.

На пороге она встретила Пашу. Его взгляд был напряжён, но в этот момент был чуть мягче.

– Ты тоже береги себя, – сказала Женя, тихо, но решительно.

Паша кивнул, не сказав ни слова в ответ, лишь провожал её взглядом.

Двери хлопнули за Жениной спиной. Она направилась домой, где уже ждала тишина и холод.

Тем временем в зале Олимпа все приготовились. Каглай первым прервал молчание:

– Всё по плану. Ночь – наша. Пора действовать.

Деготь, осмотрев всех, добавил:

– Держите глаза и уши открытыми. Ни малейшего шанса для ошибок.

Буйвол сурово кивнул:

– Сегодня покажем, кто тут хозяин.

Деготь сжал кулаки и решительно сказал:

– Вперёд.

Собравшись, группа вышла на улицу – готовая отдать ответку и напомнить Теменским: «Берега – уже не их».

Ночь была густая, как сажа. Город спал. Но в районе, где гнилые заборы и разбитые фонари, не спят те, кто делит улицы на свои и чужие.

У въезда на заброшенный пустырь стояли восемь человек, чёрными силуэтами против редких бликов фар.

– Всё, без лишних слов, – бросил Деготь, натягивая перчатки. – По плану.

Кивнули все, уже было решено.

– Техник, – позвал Каглай. – Ты вперёд.

Андрей шагнул из тени. Молодой, но не дрожал. Глаза уверенные, шаг – как у того, кто понимает, зачем здесь. Он обернулся к Дегтю.

– Если там чисто – белую тряпку на угол забора. Если завалено – чёрная. Уловил.

И исчез в темноте, растворившись между ржавых гаражей и голых кустов. Все замолчали. Только слышно было, как у кого-то в груди сжималась злость, как грохочет внутри всё невыговоренное.

Брава курил, нервно стуча пальцами по зажигалке. Ворон молча смотрел в пустоту.

Каглай раз за разом щёлкал пальцами, как метроном. Деготь – стоял, будто выточенный из бетона.

Прошло десять минут. Пятнадцать.

– Ну? – прошептал Буйвол. – Он чё, там заснул?

– Жди, – отрезал Каглай.

И тут Ворон шагнул ближе к забору, прищурился:

– Есть.

На острие покосившегося щита трепетала белая тряпка.

– Всё чисто, – выдохнул Брава. – Чётко сработал.

– Кепа, Мешок – пошли, – бросил Дима.

Два парня, стройные, в чёрных шапках, вынырнули из темноты с канистрами. Без слов, как тени, нырнули за забор – туда, где были ангараы автомойки.

Остальные стояли. Смотрели на небо, будто спрашивали у него прощения за то, что будет дальше. Но понимали прекрасно, что прощения увы не будет.

Через несколько минут в небе мелькнул тонкий огненный язычок. А следом – второй.

– Гори, тварь, – выдохнул Буйвол.

Здание вспыхнуло моментально. Пламя сорвалось, как голодный зверь, взлетело вверх, захватило крышу, вылилось из окон.

В этот момент из-за гаража вернулись Кепа и Мешок – запыхавшиеся, но довольные.

– Всё чётко, – выдохнул один. – Мы не запалились.

– Мы им прямо под брюхо кинули, – хмыкнул второй.

– Хороши, – кивнул Ворон.

Дима достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги, прошёл ближе и – на бетонной плите у ворот автомойки – аккуратно положил:

"Это только начало. Не путай берега."

– Чтобы знали, – бросил он.

– Сверху тишина? – спросил Ворон, напряжённо вслушиваясь в ночь.

Каглай вскинул подбородок:

– Ни одного звука. Значит, сработали – как надо.

– Ну всё, братва, – сказал Дима. – Ответку дали. Завтра всех собираем. Будем думать дальше. Это – только первый выстрел.

Они развернулись и пошли прочь от горящей точки. Без суеты. Без паники.

Дверной замок щёлкнул, как выстрел.

Женя вздрогнула – она стояла в кухне, в одной из своих олимпиек, босая, с кружкой в руках. В квартире было тепло и тихо, пахло домашним уютом, и тишина, как тёплое одеяло, только-только начала укутывать вечер.

Но дверь открылась. За ней слышались тяжёлые шаги, запах улицы и табака. Женя бросилась в коридор.

– Дим! – выдохнула она, налетая прямо на него. – Слава богу. С тобой всё нормально? Всё получилось?

Она сжала его в коротких объятиях, прижалась к груди, как будто этим могла удостовериться, что он – живой, настоящий, не ускользнувший в ночь.

– Всё нормально, – хрипло сказал Дима, погладив её по спине. – Всё по плану. Чисто.

Женя выдохнула и только сейчас подняла голову. В след за Димой в прихожую один за другим начали заходить остальные:

Каглай – с холодным взглядом и сигаретой в зубах, за ним Буйвол, морщась и матерясь под нос, будто бы от боли в спине; дальше – Ворон, как всегда молчаливый, и Брова, в чёрной куртке и с таким лицом, будто на улице шёл не дождь, а кислота.

Женя чуть замерла. Пашу она не ожидала увидеть. Сердце дрогнуло – в груди словно кто-то тихо повернул рычаг.

Но через секунду из-за плеча Ворона показался он – с озорной полуулыбкой, с вечно растрёпанными волосами, в кенгурушке с капюшоном: Андрей, её Техник.

– О господи, Андрюха! – воскликнула Женя, и в один прыжок подскочила к нему, обняв крепко, по-настоящему.

– Ну ни хрена себе встреча! – засмеялся он, подхватив её. – Ты чё, будто меня похоронила а теперь воскресила?

– Да я реально думала, что ты можешь остаться там... – выдохнула она, отпуская. – Я... я так рада, что ты живой.

– Да куда я денусь, – отмахнулся он. – Я ж как таракан: всё горит – а я вылез.

Паша стоял в прихожей и наблюдал. Глаза его сузились. Он молчал, но в пальцах хрустнула сигарета, которую он не успел закурить.

Ворон, проходя мимо, похлопал Пашу по плечу, как бы между делом, и глухо сказал:

– Брат, не начинай. Не здесь и не сейчас.

– Да я спокоен, – прошипел тот. – Просто наблюдаю. Можно?

– Наблюдай, – кивнул Ворон. – Только не кипятись. Ты ж не чайник.

Дима уже ушёл в комнату и бросил:

– Проходите, не стойте тут, как в очереди за керосином. Сейчас грею плов, чай, стаканы – всё как полагается. Дом, блядь, не пансионат, но всем место найдётся.

Они прошли в гостиную – тёплую, полутёмную. Стол, низкий, широкий, был уже частично накрыт: закуска, хлеб, бутылка коньяка, стопки.

Женя, всё ещё немного ошарашенная, стояла в стороне, оглядывая всю эту «банду». Ей всё казалось сном: только недавно придумывали план в Олимпе, потом одиночество в квартире... и вот они – вернулись. Все, целые, даже с шутками.

Паша сел за стол напротив Жени. Она бросила взгляд – и сразу отвела глаза. Чуть заметный румянец выступил на её щеках.

Андрей, как ни в чём не бывало, уселся рядом с ней.

– Ну чё, племяшка Дегтя, – сказал он, улыбаясь, – ты тут теперь как хозяйка? Может, чай сделаешь?

– А может, ты сделаешь, – фыркнула она, весело. – Я вообще-то гостя.

– Гостя? – рассмеялся Андрей. – Да тебя тут уже все за главную держат.

Паша снова сжал челюсть. Ворон, подлив себе в стопку, бросил через плечо:

– Паша, тормози. Ещё одна такая мина на лице – и стол треснет.

– Я что, сказал что-то? – буркнул Паша. – Я молчу. Я вообще за мир.

– За мир с войной в глазах, ага, – отозвался Каглай, наливая себе.

Так и начался этот вечер.

Со смехом, тостами, переглядами, напряжением – и чем-то таким, что оставалось не высказанным.

Женя и Андрей шутили, дурачились, говорили про школу, про двор. Андрей всё время держал лёгкость, чтобы не давать ей снова тонуть в мыслях.

А Паша – смотрел. Каждый её смех звучал в его голове, как царапина. Он не говорил.

Только пил. И ждал. И никто, кроме Ворона, не видел, как он рвётся внутри.

Вторая бутылка коньяка почти опустела. Смех стал глуше, речи – размазанней.

Андрей ушел домой минут сорок назад. Буйвол наливал себе уже без счёта и грации, хлопал стопки, как будто пытался что-то заглушить внутри.

– Ну чё, пацаны... мы – как пулемётная очередь, понял, а? – он шепелявил, криво улыбаясь, – бах-бах-бах – и пепел. А мы стоим.

– Всё, Игорь, хорош, – сказал Каглай, отобрав у него стопку. – С тебя хватит.

– Я стою! – возразил Буйвол, и почти сразу опёрся на край стола, пошатываясь. — Видишь, стою.

– Да ты щас столу объяснишь, как в Афгане под танк кидался, – буркнул Дима. — Поднимайся, брат, поехали.

– А Женя пусть скажет какое погоняло она себе хочет! – не унимался Буйвол, кивая в её сторону. – Её, между прочим, пацаны уважают! Правда, пацаны?

– Вставай, Игорь, – спокойно повторил Каглай, уже поднимая его с табурета. – Ты

завтра и не вспомнишь, что нёс.

– Да я шутил же... – пробормотал Буйвол, пока Каглай и Дима, подхватив его под руки, начали выводить в коридор.

Перед самым выходом Дима повернулся к Жене:

– Закроешь потом?

– Конечно, – кивнула она, немного удивлённо.

Ворон задержался. Он стоял у окна, молча, словно вслушивался в собственные мысли. Потом посмотрел на Пашу, сидящего напротив Жени – всё ещё с каменным лицом, напряжёнными пальцами.

– Ну че, я пойду, – сказал Ворон, как будто невзначай, – воздухом подышу.

Он задержал взгляд на Паше, коротко кивнул – мол, время твоё, брат, и вышел, прикрыв за собой дверь. И стало тихо. Совсем.

Когда за Вороном закрылась дверь, в квартире повисла густая тишина. Часы тикали чересчур громко. Женя встала у стола, поправляя скатерть, хотя всё уже было убрано. Просто чтобы занять руки. Паша – напротив. Молча. Смотрел. Давил этим взглядом, как прессом.

– Ну чё, повеселилась? – первым нарушил тишину. – Хорошо насмеялась, ага? С Андрюшей.

Женя вздрогнула, выпрямилась.

– Паша... – начала, но он не дал закончить.

– Не-не, мне правда интересно. Это у вас такой стиль? Он шутит – ты смеёшься. Он в бровь – ты в губы? Или как там?

– Ты с ума сошёл? – она шагнула к нему. – Ты чего несёшь?

– Я несу то, что видел, – зло прошипел он. – Видел, как ты на него смотришь. Сияешь вся. Как будто забываешь обо всех.

– Андрей – мой друг, ясно тебе? Просто друг! – выпалила Женя, лицо её покраснело от обиды и злости.

– А он в курсе, что он "просто друг"? – Паша засмеялся, коротко, с горечью. – Или ты ему тоже втираешь про "только дружим", пока смотришь, будто дышать им хочешь?

Женя стиснула кулаки.

– А ты, значит, идеальный, да? Я ничего не имею права чувствовать, зато ты... ты

можешь трахать кого угодно, и всё норм, да?

Он резко замолчал. Лицо побелело.

– Что ты сказала?

– Я знаю о тебе. Я не тупая, не слепая, и не глухая! И слышала то, что рассказывают о тебе и твоей любви к похождениям. Ты... ты легко привязываешь, Паша. А потом бросаешь. Как игрушку. Я не хочу быть следующей.

Он шагнул к ней. Встал почти вплотную. Глаза сверкали.

– Ты... ты дура. Просто глупая, упрямая дура, Жень.

Она дёрнулась от его слов, но он не остановился. Наоборот – сорвал тормоза.

– Я не святой, я не Дима, я не добрый. Но я, сука, дышать без тебя не могу! – он ударил кулаком по косяку. – Понимаешь?! У меня всё тут, – он ткнул пальцами в грудь, – всё выворачивает, как только ты смеёшься не со мной! Как только смотришь – не на меня!

Женя стояла, как вкопанная.

– Я и сам не знаю, как так. Мы же толком не говорили, не жили, не были... Но у меня будто... будто всё внутри переехало, когда ты появилась.

Он вдруг схватил её лицо в ладони – крепко, но нежно.

– И если ты думаешь, что я с тобой играю – то ты ничего, сука, обо мне не знаешь.

Она смотрела в его глаза. Он дышал тяжело. Плечи ходили ходуном.

– Я не знаю, что это. Но мне кажется... мне кажется, что это и есть оно. То самое. Понимаешь?

Женя медленно приложила руки к его ладоням, но не оттолкнула.

– Я тоже не знаю... – прошептала она. – Мне страшно.

Он чуть улыбнулся. Грубо, устало, искренне.

– А мне – нет. Страшно было до тебя. С тобой – я просто живу.

Между ними стало больше дыхания, жара от тел, пульс, взгляды, дрожь. Он хотел поцеловать её. Сдержался. Только прижал ко лбу.

– Не бойся меня, Жень. Я не исчезну. Ни завтра, ни через год. Ты – моя. Хоть и ещё не поняла.

Они стояли в полумраке, почти не двигаясь. В квартире царила тишина – как будто даже стены не решались прервать этот момент. Только дыхание. Только тепло от рук, от тел, от бешеного сердца, что билось в груди у обоих, будто знало – происходит что-то настоящее.

Женя уткнулась лбом в грудь Паши. Он крепко обнял её – так, как обнимают не тело, а душу. Не удерживал, а будто держал, чтобы не упала. Чтобы знала – он рядом, здесь, сейчас.

Внутри Жени что-то стало теплеть. Не просто так, как бывает от доброго слова, а глубоко, будто замёрзшую до костей жизнь начали отогревать изнутри. Она чувствовала, как Паша чуть дрожит. Он не был железным – он был живым. И в этом объятии вдруг не было ни улиц, ни прошлого, ни боли. Только они. И этот вечер.

– Я не хочу, чтобы это заканчивалось, – прошептала Женя, не отрываясь от него. — Мне так... хорошо. И легко. С тобой.

Паша молча поцеловал её в висок. Медленно. Сдержанно. Как будто клятву давал, а не прикосновение.

– Пошли прогуляемся, а? – вдруг предложил он. – Просто воздухом подышим. Без суеты. Без всех.

Женя подняла голову и кивнула. В глазах её горел тот самый огонёк, за который он и с ума сходил.

Но прежде чем они успели сделать и шаг, послышались звуки возле входной двери.

– Чёрт... – выдохнула Женя. Паша тоже выпрямился.

Дверь открылась – и в прихожую вошёл Дима. Без шапки, с сигаретой в пальцах, охмелевший, но с ясными глазами. Он остановился на пороге, и взгляд его сразу упал на стоящих в полумраке Пашу и Женю.

Молчание.

Дима чуть приподнял бровь, убрал сигарету.

– Брава... – проговорил он спокойно, но с тем самым железом в голосе, которое сбивает дыхание. – А кто тебе, интересно, разрешил руки распускать в моей квартире?

Тон был ровный, спокойный, но в нём чувствовалось что-то такое, от чего в груди становилось тесно.

Паша чуть напряг плечи.

– Дим... не так. Мы просто стояли. Поговорили, – пробормотал он, потом прямо, твёрже: – Всё по-честному.

– Ага, «по-честному» – это значит в моей квартире, с моей племянницей, после тостов и коньяка? – Дима медленно закрыл за собой дверь и шагнул ближе. – Ты чего, Брва, башню потерял?

Женя сразу шагнула вперёд, встала между ними.

– Хватит. Пожалуйста. Всё нормально. Он не делал ничего плохого. Это я... сама. Я не ребёнок, Дим.

– А ты не думаешь, что я в ответе за тебя? – жёстко, но не громко. – И даже не как за племянку, а как за последнего человека, кого у меня не забрали?

Паша выдохнул и шагнул вперёд, не повышая голоса, но чётко, прямо:

– Дим... я понимаю. И я тебя уважаю. Но будь уверен – я никогда не трону её, если не буду уверен, что она сама этого хочет. У тебя есть право мне не верить.

Молчание.

Дима глянул сначала на Пашу, потом на Женю. Медленно выдохнул и откинул голову к стене, потёр шею ладонью.

– Ну вы, сука, даёте... – буркнул он, и уже тише: – Вот только мне этого щас и не хватало.

– Мы хотим немного пройтись, – сказала Женя. – Дышать нечем. Голова забита. Можно?

Дима прищурился.

– А если не отпущу?

Паша ответил первым:

– Тогда я пойду один. Она останется – потому что ты для неё больше, чем кто-либо... чем я. Только, Дим, ей не клетка нужна. Она дома, здесь. А дома нельзя душить.

Дима усмехнулся – без веселья. Потом посмотрел на Женю.

– Ты ему веришь?

– Верю, – ответила она.

– Идёте вдвоём. Но без глупостей. Пятьдесят минут. Не больше. Брва, головой отвечаешь.

– Отвечаю, – сказала Женя, и глаза у неё блеснули.

– Брава я серьезно, если с ней что-то случится...

– Я сам себе не прощу. Не надо угроз. Я понял.

Молчание.

– Ладно. Идите уже. Пока я не передумал, – буркнул Дима, уходя на кухню. — Только чтоб потом не ныла, что зима и ноги отморозила. И чтоб по углам не шушукались. Я вас насквозь вижу.

Дверь кухни закрылась.

Женя посмотрела на Пашу. Он – на неё.

– Ну чё... гуляем? – усмехнулся он.

– Погнали – шепнула она в ответ и взяла его за руку.

Они вышли в ночь – зимнюю, тихую, с золотистыми пятнами света под редкими фонарями, и каждый их шаг звучал внутри, будто грохот большого выбора.

Мороз щипал щёки, снег под ногами тихо хрустел, как будто сам город боялся нарушить их тишину. Воздух был прозрачный, звенящий – тот самый, который бывает только зимой. От дыхания шёл пар, и каждый выдох был как облачко признания, ещё не сказанного.

Женя шагала рядом с Пашей, кутаясь в шарф, натянутый почти до самых глаз. Руки прятались в рукавах куртки, пальцы давно заledenели, но уходить домой не хотелось.

В груди было странное чувство – лёгкое, колкое, будто внутри всё дрожало от чего-то большого и ещё неосознанного.

Паша шёл молча, руки в карманах, взгляд вперёд. Иногда косился на неё, будто проверяя – рядом ли. Не исчезла ли.

– Ты всегда такой молчаливый? Или это только со мной? – спросила она, наконец, с лёгкой улыбкой.

– С тобой я... думаю, – коротко ответил он. – Чтобы не ляпнуть лишнего.

– Ну да, а то я такая страшная, что сразу накажу, – усмехнулась Женя.

Паша не ответил. Только выдохнул – и облачко пара взлетело в морозном воздухе.

– Ты красивая, – сказал он вдруг. – Когда смеёшься – вообще крышу сносит.

Женя сбилась с шага. Не от фразы – от того, как он это сказал. Не хвастливо, не нарочито. Просто. Словно правда.

– Знаешь, – начала она спустя минуту, голос стал чуть тише, – я... не сразу поняла, как сильно всё изменилось. Две недели назад у меня были родители. Дом. А потом — ничего. Тишина. Пустота. Только Дима. И ты. И вы все. А я даже не знаю, кто я теперь.

– Ты – та, кто держится, – сказал Паша. – Кто не сдалась.

– Я не держусь, – прошептала Женя. – Я разваливаюсь. Просто не вслух.

Они остановились у скамейки, почти под фонарём. Снег тихо ложился на их плечи.

– А ты... – спросила она. – Ты же вроде тоже без родителей?

Паша кивнул. Долго молчал. Потом сел, глядя вперёд.

– Мать умерла, когда мне два было. Я её только по фотографиям помню. Батя был всем. Не просто отцом. Богом. Учителем. Он меня в пацанские дела привёл. Он и Дима – с нуля всё собрали. Ты, наверное, уже знаешь Вкладыши были их идеей. Для них это была не просто улица – это была система.

Женя села рядом. Паша говорил медленно, глухо, как будто вспоминал и одновременно глотал внутри комков.

– Его грохнули, когда мне пятнадцать было. Не «война», не «разборки» – просто... сука, случай. Не тот поворот. С тех пор – всё. Только улица. Только они. Дима меня вытащил. Он и Ворон. А потом... всё пошло, как пошло.

Он повернулся к Жене. В глазах – не жалость, не просьба, не поза. Просто голая, обнажённая правда.

– Поэтому, когда ты говоришь, что не знаешь, кто ты... Я знаю, что это такое. Я это ел на завтрак. Восемь лет подряд.

Женя смотрела на него, и что-то внутри сместилось. Всё, что казалось крепким и ясным, – вдруг расплылось. Он был другим. Раненым, искренним, живым.

– Паша... – прошептала она.

Он чуть наклонился. Она не отстранилась. Наоборот – ближе.

– Я рядом, – сказал он. – Не просто в толпе. По-настоящему.

И тогда она поцеловала его. Медленно, как будто этот поцелуй был тем самым «да», которое копилось весь этот вечер. Его ладони коснулись её лица – аккуратно, будто боялся сломать.

И в этом поцелуе не было страсти. Было что-то гораздо сильнее – обоюдное «я с тобой». Среди снега, тишины и города, который наконец оставил их вдвоём.

Они шли медленно, почти бесцельно – не было маршрута, не было времени, был

только этот вечер. Снег мерцал под фонарями, лёгкий ветер перебрасывал хлопья с крыши на плечи, но они даже не замечали холода. Женя время от времени смеялась — звонко, она была счастлива. Паша молчал, слушал, смотрел. И не мог оторваться.

Он запоминал всё: как её ресницы собирают иней, как щёки алые от мороза, как волосы выбиваются из-под шапки и падают на лицо. Она будто светилась — теплом, жизнью, настоящестью. Он не перебивал. Только ловил взгляд — и в этом взгляде утопал. Женя вдруг остановилась.

— Мне уже, наверное, пора, — сказала она чуть неуверенно. — Завтра ж школа. Надо как-то не опоздать...

Паша усмехнулся, но взгляд у него стал чуть настороженный. Как будто в этот момент, на фоне улицы и их дыхания в морозе, что-то зазвенело между ними.

— Слушай, — сказала она, глядя в его глаза, — а мы... кто мы?

Он прищурился.

— В смысле?

— Ну... — она поправила ворот куртки, сбила снег с плеча, — это было... — она чуть улыбнулась, — ну, ты понял. Мы теперь вместе? Или это просто... момент?

Паша шагнул ближе. Его дыхание обдало её лицо.

— Женя, — сказал он, — я же сказал тебе, ты — моя. Поняла?

— Это утверждение или предупреждение?

— Это как закон. Без поправок и с печатью. Ты — моя. Я ни с кем не делюсь. Ни чувствами, ни тобой. Не было и не будет.

Она чуть отшатнулась назад, но не из страха — от силы, с которой он это сказал.

— А если я тоже не делюсь? — спросила она, глядя в упор.

— Тогда, значит, мы — чёткая пара. Без «если».

Они дошли до квартир. Женя достала ключ, но не спешила открывать дверь. Их тянуло друг к другу, будто каждый шаг назад был против природы.

Они снова поцеловались. Долго, жадно, как будто всё, что накопилось, нашло выход в этой точке. Его руки на её спине, её пальцы в его волосах. Они просто не могли оторваться. Снова и снова — словно мир сужался до одного дыхания на двоих.

Потом Паша, оторвавшись, коснулся её носом.

— Красивая...

– А ?

– Я завтра за тобой зайду. В школу подкину.

– На тачке?

– На крыльях.

– Тогда я точно не опоздаю, – прошептала она.

Он отступил на шаг, неохотно, будто его отрывали от чего-то нужного.

– Давай. Иди. А то Дёготь будет думать, что я тебя похитил.

– А ты и похитил, – улыбнулась Женя. – Только не тело – душу.

Паша смотрел, как она открывает дверь, как исчезает в темноте своей квартиры, и только тогда выдохнул – с улыбкой, с теплом, с чем-то новым внутри, что не похоже было ни на улицу, ни на ночь, ни на всё, что он знал до неё. И впервые за много лет – в этом городе, в этом холоде – ему было по-настоящему спокойно.

Он вошёл в квартиру тихо, почти неслышно, будто боялся спугнуть эхо того, что только что случилось. Захлопнул дверь, прислонился к ней спиной и замер.

Пустота вокруг вдруг зазвучала иначе – гулко, глухо, будто стены подслушивали его мысли. Он прикрыл глаза. Лицо горело. В груди – лёгкая дрожь, как у человека, едва выжившего в катастрофе, но нашедшего среди обломков... золото.

Её глаза стояли перед ним, как две зажжённые лампочки – яркие, живые, искренние.

Он прошёл на кухню. Свет зажигать не стал – только полоска фонаря с улицы легла на стол, рисуя бледную диагональ. Сел. Положил руки на стол. Прислушался к себе.

Сердце билось – неровно, но сильно. И каждый удар будто подтверждал: «Живая. Она рядом. Всё реально».

Он вдруг понял, что ему... страшно.

Страшно от того, насколько он оказался уязвимым. Слишком быстро. Слишком сильно. Без тормозов... Он, Паша Брава, который не дрогнул, когда хоронили его отца, не упал на колени когда терял друзей, – сейчас сидел в полумраке, с дрожащими руками.

Он провёл ладонью по лицу. Не улыбался. Не плакал. Просто... жил. Впервые – по-настоящему.

– Женя... – прошептал он в пустоту.

Это имя звучало у него в голове, как заклинание. Как спасение. Как... надежда, на

которую он уже махнул рукой, когда-то там, давно, под выстрелами, под предательством, под собственной жёсткостью.

Он встал. Прошёлся по комнате. Не мог усидеть.

Хотелось бежать. Хотелось орать. Хотелось всем, каждому, кричать: «Слышите? Она меня поцеловала! Добровольно! Без страха! Она смотрела на меня не как на бандюка. Не как на Вкладыша. А как на... человека. На меня – настоящего. Не на кличку, не на шрамы, не на подмятую подворотнями репутацию. А на меня. Парня, который любит, хоть и не умеет говорить об этом правильно».

Он остановился у окна. Курить не стал. Слишком чисто внутри, чтобы гасить это дымом.

Он вспомнил, как её пальцы сжались в его руке. Как она смотрела. Не боялась. Не сторонилась. И сказала – «не хочу, чтобы этот вечер заканчивался».

И он не хотел. Он, черт подери, был готов застыть в этом моменте. Навсегда. Просто стоять под фонарём, держать её ладони и слушать, как дышит её душа.

Он облокотился на подоконник, смотрел в темноту и прошептал,

– Только бы не спугнуть...

И вдруг, как вспышка боли, мысль – что он может всё испортить. Он. Своей темнотой. Своим прошлым. Своей репутацией. Своими грехами. Он зажмурился.

– Только бы не раздавить, – шепнул. – Только бы... не испортить.

Потом сел, откинулся на стуле, сцепил пальцы. И впервые за много лет – попросил в тишину, без слов:

«Дай мне шанс. Я всё сохраню. Я научусь быть мягким. Ради неё – стану лучше. Ради неё – вытащу себя из той тьмы. Только не забирай...»

Он заснул не сразу. Но когда уснул – на его лице впервые за долгие годы не было маски.

Был просто Паша. Парень, который влюбился.

Женя вошла в квартиру с тем самым лицом, на котором всё было написано – будто не шла, а летела. Щёки горели, губы были припухшими от поцелуев, в глазах – свет, настоящий, как на рассвете.

Она бесшумно сняла куртку, поставила сапожки в угол, стараясь не шуметь. Но на кухне еще горел свет, и сквозь тонкую щёлку двери тянуло табаком и чем-то крепким – растворимым кофе и усталостью.

Она заглянула – и сразу увидела Диму.

Он сидел за столом, полубоком к двери, склонившись над блокнотом. Его взгляд был сосредоточен, глубокая морщина на лбу, сигарета в пальцах дымилась тонко, ровно. На столе остывала чашка кофе, рядом лежали спички, скомканная бумага и маленький ножик, которым он, похоже, от скуки ковырял стол.

– Не спишь? – спросила она тихо.

– Ага, как же – ответил он не глядя, но голос его был тёплый. – Ну что, погуляли?

Женя прошла в кухню. Она села напротив него, кутаясь в свою олимпийку. Да. Гуляли, – кивнула. – Просто шли, говорили. Было... хорошо.

Дима бросил взгляд. Долгий, внимательный.

– Сразу видно, – сказал он. – Ты улыбаешься глазами. А так только влюблённые улыбаются. Остальные – ртом.

Женя немного смутилась, посмотрела в сторону. Молча. Но потом всё-таки сказала:

– Дим, я правда... Он не такой, каким его все видят. Он бывает грубым, да, но рядом с ним... спокойно. Он говорит – и я как будто... как будто начинаю верить, что всё будет хорошо.

Дима молчал. Потом снова затянулся и выдохнул в сторону.

– Я знал, что это произойдёт. Не сегодня – так завтра. Я видел, как он смотрел на тебя, ещё когда ты только приехала. Так не смотрят на просто девчонку.

– Я боялась. Боялась, что это просто игра, – призналась Женя. – Мне же все говорят, какие у него были... А я не такая. Я не хочу быть... одной из.

– Ты и не будешь, – жёстко сказал Дима. – Он знает, кого тронул. Я с ним уже поговорил. Но скажу одно – если хоть что-то будет не по правде... хоть один раз я увижу в твоих глазах слёзы – он не выйдет из Олимпа.

Женя усмехнулась, хоть и дрожала внутри.

– Спасибо. Но, Дим, я не хочу, чтобы вы... Ну, чтобы всё между вами испортилось из-за меня.

– Если между нами всё может испортиться из-за любви – значит, и не было ничего. А Пашу я люблю как брата. Но семью защищаю первой. Ты – семья. Это не обсуждается.

Женя подошла к нему, обняла сзади за плечи.

– Я так рада, что ты у меня есть.

– А я рад, что ты улыбаешься. – Он коснулся её руки. – Ну всё. Плешь прожужжала мне своим Бравой. Иди спать, принцесса улиц.

– А ты?

– Я ещё покурю. Запишу, что в голове крутится. А потом... да, тоже пойду.

– Спокойной ночи, Дим.

– Спокойной, Красивая.

Женя ушла, оставляя за собой аромат весны, любви и чего-то нового, только начинающегося. А Дима остался – с сигаретой, с затертым блокнотом и облегчением в груди. Он записал пару слов, криво усмехнулся и подумал, как странно всё меняется – но, может, иногда именно так и надо.

Автомойка ещё чадила гарью. По выжженной земле валялись обугленные тряпки, пластик скукожился, как мёртвая кожа. Кто-то сбоку поливал остатки стен шлангом — вода стекала в тёмную яму, будто кровь.

Теменские собрались почти в полном составе. Морды хмурые, кто-то тихо матерился сквозь зубы, кто-то смотрел на здание с видом, будто сейчас сам в него полезет, чтобы умереть за позор.

Темень стоял посреди двора, с сигаретой во рту и смятым клочком бумаги в руке.

Записка воняла гарью и чужой наглостью. Он читал её в десятый раз, пальцы дрожали не от страха – от злости.

"Это только начало. Не путай берега."

Он плюнул в землю и заорал так, что птицы взлетели с крыши:

– Ёбанный ты в рот, Деготь, блядь!!! Сука, ты охуел по полной, да?!

Скомкал бумагу, кинул под ноги, наступил и ещё раз пнул ботинком.

– Это чё блядь?! Это вы чё нахуй, войну мне объявили, уебаны? – он пнул по покосившейся урне, та отлетела в стену с грохотом. – На моей, блядь, территории! У меня, нахуй, под носом!! Да я вас всех в землю вкатаю, гниды, блядь!

Рядом стоял его правая рука – Джин. Тот молчал, только глядел на остатки здания, потом перевёл взгляд на Теменя:

– По ходу, это чёткая ответка, брат. Не просто так, а демонстрация.

– Да я вижу, сука, что демонстрация! – взревел Темень. – Только они думают, что я один из этих, что за базаром не слежу?! Хуй им в глотку!

Он закурил вторую, пальцы тряслись от ярости. И внезапно стал холоднее:

– Уйдём в тень. Недели на две. Пусть, блядь, радуются.

Он посмотрел в сторону ребят, сжав зубы до хруста.

– А потом... потом начнём по-тихому резать. Один за одним. Без шума.

Темень присел, взял записку обратно, расправил её, глянул на строчки. И тихо, почти ласково сказал:

– У Дегтя, слышал, племяшка появилась. Такая, говорят, смазливая, на соплях ещё, но с характером. Ходит за ним как тень.

Он встал, растягивая спину, повернулся ко всем.

– Сначала она. Я её найду, отловлю, поставлю на колени и разорву всё, что у неё есть внутри. Душу, блядь, уничтожу. А он пусть смотрит. Пусть, сука, сгорит изнутри.

Кто-то хмыкнул, кто-то переглянулся. Но спорить не решился никто.

– Организуйте наблюдение. Узнайте, где живёт, с кем ходит, когда одна. Всё по нитке.

Он оглянулся на выгоревшее здание:

– Мы-то не ларьки, сука. Мы – Теменские. И за такие подарочки – мы не прощаем.

Он сжал бумагу в кулак.

– Блядь, это только начало? Окей, я вам покажу, где конец.

И, разворачиваясь, бросил через плечо:

– Готовьте стволы. Мы идём по-живому.

Первые лучи солнца пробивались сквозь шторы, и комната Жени наполнялась мягким, золотистым светом. Будильник звякнул еле слышно – Женя уже проснулась за пару минут до него.

Она лежала, глядя в потолок, и не могла не улыбаться.

Потянулась в постели, прижала подушку к груди и подумала: «Если бы мама была жива... я бы рассказала ей всё. Вчерашний вечер. Улыбки. Глаза. Поцелуи. Паша».

Пауза.

«Интересно, приняли бы они его? Папа, мама... Паша ведь такой... не подарок. Но... он ведь мой», – эта мысль пронеслась внутри, тёплая, как чай с мёдом.

Женя вздохнула и села на кровати, зарывшись лицом в ладони, всё ещё улыбаясь. На душе было по-настоящему легко. Светло. Из-под двери тянуло запахом жареных яиц и чего-то травяного. Женя прищурилась: мята? чай?

Она выскочила из кровати, быстро натянула на себя халат, пошаркала в ванную, умылась, причесалась наспех. Взгляд в зеркало: растрёпанные волосы, румянец, счастливые глаза. Всё на месте.

Вышла из ванной – и на кухне застала знакомую сцену.

Дима, в трениках, в футболке, с выгоревшим логотипом, стоял у плиты, переворачивая яичницу на сковородке. На столе уже дымилась чашка мятного чая, рядом – ломтик хлеба. Он даже где-то достал её любимое варенье – клубничное.

– Ты чего так рано? – спросила Женя, прислоняясь к косяку.

– Потому что у тебя школа, если забыла, – буркнул он, не оборачиваясь. – И вообще, я всегда так делаю, просто ты раньше не замечала. Привыкай к сервису.

– Клубничное? – кивнула она на баночку.

– Специально. Сегодня у нас, я так понимаю, праздник сердца, да?

– Ну... что-то вроде, – усмехнулась Женя, садясь за стол.

– Гляжу, проснулась ты как-то подозрительно счастливой, – хмыкнул Дима. – Или тебе снилось, что ты Цоя своего встретила?

– Да при чём тут Цой! – рассмеялась она, кусая хлеб. – Просто... утро хорошее.

– Утро хорошее, когда нет похмелья. Всё остальное – бонус.

Женя хихикнула, закидывая ложку варенья в рот. И вдруг – звонок в дверь. Она чуть не подавилась:

– Это он.

– Я вангую, что да, – кивнул Дима, снимая сковородку с плиты. – Э, Брава не стесняйся-проходи коль без черных мыслей.

Паша вошёл. В чёрной куртке, с немного смущённой ухмылкой. Волосы чуть взъерошены, глаза – ясные, будто не спал, а летал всю ночь.

Женя подошла к нему, обняла – крепко, медленно, прижавшись. Он тоже обнял её, почти не дыша.

– Доброе утро, – прошептала она.

– Самое доброе, – ответил Паша. – Особенно после вчерашнего.

– Ну вы, голубки, это... – раздался голос Димы из кухни. Он выглянул, вытирая руки о полотенце. – Может, потискаетесь уже после школы, а? А сейчас давай, Брава, будь полезен: за руль и к знаниям ее. У нас девочка – умная. Учиться надо.

– Будет сделано, – кивнул Паша с лёгкой ухмылкой.

Женя, уже собираясь надеть куртку, остановилась:

– А ты, Дим, что будешь делать?

– Планы писать. И соседей слушать. А ещё – за вами наблюдать. Не забывайте, я в курсе всего.

– Не переживай, – улыбнулась Женя, целуя его в щёку. – Головой отвечаю.

– Вот только голова твоя мне дороже всего, – проворчал он, но улыбнулся в ответ.

Дверь за ними закрылась, оставив за порогом запах мятного чая и тишину кухни.

Утро было морозным, но лёгким. Таким, как будто сам воздух знал – день сегодня будет особенным.

Женя шла рядом с Пашей, держа его за руку, и в груди пульсировало нечто странное – смесь нежности, радости и лёгкого волнения. Они почти не говорили, просто шагали к машине, время от времени переглядываясь и улыбаясь так, будто знали — вот он, момент, ради которого стоило жить.

Паша открыл перед ней дверь, как настоящий джентльмен, и, когда она села, наклонился и сказал:

– Пристёгивайся. А то я тебя в охапке возить не готов, только в поцелуях.

Женя рассмеялась, хлопнув его по плечу:

– Едь уже, Паш.

Машина завелась с характерным гулом, и они выехали со двора. За окном мелькали дома, заснеженный асфальт блестел на утреннем солнце, как свежееотмытый металл. В салоне играло радио – как фон, на уровне шёпота. Их разговор был важнее.

– Во сколько заканчивается последний урок? – спросил Паша, не отрывая глаз от дороги.

– В пол третьего, – ответила она. – Но ты можешь не приезжать, я сама...

– Не-не, – перебил он. – Сказал заберу – значит заберу.

– Как приговор, – улыбнулась она. – Но приятный.

Когда подъехали к школе, Паша заглушил мотор, повернулся к ней и замер на секунду.

Потом медленно наклонился – их губы встретились в лёгком, но очень настоящем поцелуе. В нём было всё: и «хорошего дня», и «я буду скучать», и обещание увидеться позже.

– Ну, давай, учёная, – сказал он, чуть хрипло. – Пол третьего. Не вздумай сбежать с уроков.

– Обещаю, – улыбнулась Женя, открывая дверь.

Она вышла, махнула рукой и направилась к школе, будто шла не на уроки, а через тонкую грань между двумя мирами – привычным и новым.

Она прошла в здание, коридор с облупленными шкафчиками, запах мела и дешёвой краски – всё это вдруг показалось таким родным. И всё бы было просто и светло, если бы не одно «но».

Андрея не было.

Её взгляд сам искал его среди учеников, будто щупальца тревоги пробежались по спине. Ни у входа, ни на лестнице, ни у их привычного окна – нигде.

"Может, просто опоздал?.. Или... Вкладыши?" – мысль пронеслась холодной стрелой. Всё, что случилось в последние дни – поджог, взрывы, разговоры вполголоса – вдруг снова всплыло в голове. Ей стало не по себе.

Женя села на своё место в классе, глядя на пустой соседний стул, и впервые за всё утро улыбка исчезла с её лица. Радость сменилась беспокойством. «Что, если что-то случилось?..»

Сердце заныло, не громко – но настойчиво. Она вздохнула, уткнулась взглядом в тетрадь и попыталась отогнать мысли. Паша пообещал забрать. Значит, всё будет хорошо. Наверное

Уроки тянулись вязко, будто кто-то размазал время по стеклу.

Женя сидела у окна, глядя сквозь блеклый солнечный свет, который пятнами ложился на парты. Учитель что-то монотонно бормотал у доски – о математике, уравнениях или формулах, – но каждое слово разбивалось о стеклянную стену в голове, где её мысли жили отдельно от школьной суеты.

Андрея так и не пришёл. И Гвоздь тоже.

Гвоздь – такой же странный, как и его кличка. Сухощавый, вечно в чёрной одежде, с тяжёлым взглядом и точными фразами. Женя знала, что он – свой. Один из «вкладышей». Но дружбы между ними не было. Он всегда держался чуть в стороне, будто знал больше, чем говорил. Иногда они перекидывались словами, и всё.

Класс будто дышал отдельно от неё. Разговоры шли мимо. Тетрадь лежала открытой, но буквы в ней казались чужими.

Женя чувствовала спиной взгляды – те самые, полные молчаливого напряжения. Она уже привыкла. Кто-то просто избегал её. Кто-то, наоборот, шептался за спиной, думая, что она не слышит. Но она слышала. Всегда.

– Это та самая, у которой дядя – Деготь, – шептались девчонки в раздевалке.

– Ага, говорят, что у неё на районе даже мусора боятся во двор заходить.

Женя знала, что не вписывается. Она не была одной из них. И не станет. Новый мир. Новый район. Новые правила.

Школа была будто декорацией, фоновой декорацией к настоящей жизни, которая происходила вне этих стен.

Иногда ей хотелось стать как все. Просто сидеть на уроке, обсуждать у кого какие ногти, или как Виталик из параллельного купил себе кроссовки. Но это была не её история. Не её роль.

Она уткнулась в ладони, оперевшись локтями о парту. Усталость накатывала не от учебников – от пустоты.

Только Андрей мог разогнать её. Она посмотрела в окно — мимо школы проехала белая «девятка». Не та, конечно, но сердце дёрнулось "где вы все, парни?".

Женя вспомнила Пашу – как он сегодня смотрел на неё. Её губы дрогнули в лёгкой, почти незаметной улыбке. Зато он рядом. Он точно будет внизу. В машине. Ровно в полтретьего. И эта мысль – как якорь.

Как точка в будущем, к которой можно дотянуться, даже если весь день – это сплошное «ничего».

Следующим , был урок литературы. Женя сразу выпрямилась за партой – это был её самый любимый предмет. Ни математика, ни физика, ни даже история не могли сравниться с тем волнением, которое она чувствовала каждый раз, когда открывался томик Чехова или звучало знакомое: «Сегодня пишем сочинение».

Любовь к литературе передалась ей от мамы – ещё той, живой, тёплой, пахнувшей кофе и типографской бумагой. Они читали вслух по вечерам, обсуждали героев, спорили, смеялись. Эти моменты были как островки в бурном море – тихие, надёжные, родные.

В будущем Женя мечтала стать писателем. Не просто сочинять – написать настоящую книгу, ту, от которой у читателя защежит в груди, как у неё самой бывало от сильных строчек. Она часто думала о том, с чего начнёт: с образа, с фразы или просто с пустой

тетради.

Когда прозвенел звонок, в классе сразу стихло. И почти сразу в дверь вошли двое.

Первым – директор школы, Сергей Аркадьевич, в своём неизменном сером костюме и с привычно напряжённым лицом. За ним – молодая женщина, на вид лет двадцать с чем-то. Высокая, в простом платье и с длинной тёмной косой, перекинутой через плечо.

– Здравствуйте, ребята, – сказал директор. – Знакомьтесь. Это Тарковская Ирина Вадимовна, ваш новый учитель литературы.

Кто-то сдержанно хмыкнул, зашуршали тетради. Женя не сводила глаз с новой учительницы. Та стояла спокойно, немного напряжённо улыбаясь, словно тоже всё ещё привыкала к себе в этой роли.

Тарковская. Фамилия сразу отозвалась внутри. Женя ощутила, как будто в воздухе что-то сместилось. Было в этой женщине что-то литературное уже по самой внешности — тихая строгость, лёгкая утомлённость и будто взгляд, видящий глубже обычного. Женя поймала себя на мысли: вот бы она научила меня писать – по-настоящему...

– Ну что ж, – произнес директор. – Не смею мешать. Удачи, Ирина Вадимовна.

Он кивнул классу и вышел, прикрыв за собой дверь.

Учительница медленно подошла к столу, положила на него аккуратно сложенную тетрадь и простую чёрную папку. Помолчала. Взглядом обвела класс – спокойно, без наигранной строгости.

– Меня зовут Ирина Вадимовна.

Голос у неё был негромкий, но уверенный, как у человека, который больше привык быть услышанным, чем перекрикивать.

– Я не очень люблю слово "учить". Особенно, когда речь о литературе – она сделала небольшую паузу – Потому что хорошую литературу невозможно "выучить". Её можно только почувствовать.

В классе повисла тишина. Кто-то уставился в окно, кто-то продолжал рисовать в клеточку. Но Женя слушала. Каждое слово ложилось внутрь, как крупинка чего-то важного.

– Я хочу, чтобы на моих уроках вы не боялись. Ни текста, ни себя. Здесь можно будет спорить, не соглашаться, находить своё. Мы будем не только читать, но и писать. Я уверена, среди вас есть те, кому есть что сказать.

Женя почувствовала, как у неё внутри что-то дрогнуло. Будто кто-то тронул самую тонкую струну, которую никто не касался с тех пор, как не стало мамы.

– А теперь, – сказала Ирина Вадимовна, проходя вдоль парт, – я хочу, чтобы вы написали короткое сочинение. Тема: "Когда тишина говорит громче слов."

Класс на секунду завис.

– Это типа... про что? – протянул кто-то с задней парты.

– Про то, что для вас значит тишина, – спокойно ответила она. – И постарайтесь быть честными.

Женя уже держала ручку в руке. Лист в тетради оставался пустым не больше нескольких секунд.

«Тишина – это когда в комнате больше нет дыхания. Когда ты слышишь, как стучит собственное сердце. Когда некого позвать. Тишина – это то, что осталось после мамы...» – строчки выливались будто сами. Ей даже показалось, что в классе и правда стало тише, как будто все замерли в своих мыслях.

Она писала быстро, не глядя по сторонам. Где-то за окном скрипели санки, а у батареи в углу чуть потрескивал чугун. На подоконнике кто-то нарисовал пальцем на запотевшем стекле ёлку.

Зима дышала в окна – ровно, глубоко, будто напоминала: ещё две недели – и Новый год.

Когда прозвенел звонок, класс всколыхнулся. Тетради собирали неохотно – в такие моменты не хотелось вставать. Женя закрыла свою и аккуратно, отдала Ире Вадимовне и накинула куртку.

Выйдя на улицу, она мгновенно вдохнула мороз. Воздух был хрустящим, как первый укус яблока. Снег поскрипывал под ботинками. На ветках — инеем блестела тишина. Возле школы стоял знакомый силуэт, прислонившийся к машине.

Брава.

Капюшон, сигарета в пальцах, пар изо рта. Его девятка была припорошена снегом, но он не спешил счищать – просто ждал. Когда Женя подошла, он выкинул окурочек в снег и притянул её к себе. Обнял – сильно, молча. Поцеловал в висок. От него пахло табаком, холодом и чем-то тёплым, уличным – как из детства, когда заходишь с мороза в дом и пахнет дровами.

В школьном дворе кто-то прыснул, кто-то толкнул кого-то локтем. Все знали, кто такой Бравва. И все видели, с кем он сейчас. Некоторые завидовали, другие – просто смотрели. Старшеклассники курили за углом, но глаза были на них. У Браввы был свой статус: чертовски привлекательный, отстранённый, с каким-то особым взглядом.

– Поедем в Олимп? – спросил он, когда они сели в машину — Димон там. Говорит, надо кое-что обсудить.

Женя кивнула. Она чувствовала, что день ещё не закончился. И что за этим холодом —

что-то более острое, чем просто декабрь.

Снег скрипел под подошвами. Паша держал Женю за руку – крепко, как будто ей могло стать холодно. Они вдвоём поднялись по обледенелым ступеням, втиснулись в дверь, которая всегда открывалась с характерным стоном старой пружины.

Внутри было тепло и полутемно. Свет – жёлтый, мягкий, от старых ламп, а воздух — густой, плотный. Здесь почти не говорили зря, но все видели всё.

Когда они вошли, разговоры в комнате чуть притихли. Женя и Брава – за руку. Это заметили. Заметили все.

– Ага, – протянул из угла Ворон, криво усмехаясь, – вот и снегурочка с телохранителем.

– Щас бы ещё гирлянду на башку натянуть, – подхихикнул Буйвол, глядя на Пашу.

– Или тебе больше к лицу мешковина и топор?

– А тебе – молчание, – бросил Брава, не остановившись.

– Во, за язык дёрни – сразу поэт, – фыркнул Буйвол, – гляди, а то Женю у тебя украду, пока ты шуточки лупишь.

Женя скользнула взглядом по залу.

Каглай сидел у окна, как всегда, будто его не касалось. Ворон – с чашкой, всё также мрачно-добродушный. И Дима – у стола, с сигаретой в пальцах, медленно тлеющей, как фитиль.

– Прошли, – сказал он, не поднимая головы. – Не базар, а разговор.

Брава кивнул. Женя кивнула тоже, но молча, отпустив его руку, села сбоку. Она знала: это не та сцена, где можно быть "девочкой при". Она – внутри, но не мешает.

Дима затушил сигарету. Пауза повисла, как перед выстрелом.

– Есть что по Темени?

– Тихо всё, – сказал Каглай, не оборачиваясь от окна. – Как в танке. Ни слов, ни шагов, ни тени. Будто и не было ни пожара, ни шума. Тишь такая, будто кто-то уехал в отпуск, и свет забыл выключить.

– Тихо – это плохо, – сказал Дима. Голос был сухим, низким. – Это не его стиль.

– Думаешь, затаился? – спросил Ворон, отставляя чашку.

– Не думаю. Знаю. Темень не из тех, кто уходит. Он как лёд под снегом – молчит, пока не хрустнешь.

Женя уловила, как у Бравы дернулся скуловой нерв. Он держался спокойно, но с напряжением, как пружина под свитером.

– Надо быть осторожными, – продолжил Дима. – Всё это далеко не к добру. Темень не простит. У него своя математика – злая, без остатка. Он не любит терять.

– Что делаем? – коротко спросил Брава.

– Скорлупу заслать. Пусть копает, снюхивается, слухи собирает. Спокойно, без дыма. Пусть даже про нас спрашивает, для отвода глаз. Главное – разнюхать, что он готовит и когда.

Дима затянулся – дым пошёл вверх, тонкий и прямой.

– А мы пока сидим, держим форму, не суетимся.. Если пойдёт – встретим. Но первыми не рыпаемся. Не сейчас.

– А если к праздникам что-то выкинет? – спросил Ворон.

– Тем более не суетимся, – жёстко ответил Деготь. – На Новый год – тишина. Подарки после.

Наступила короткая пауза. Было слышно, как за окном кто-то бросил петарду — хлопок, эхо, и снова тишина.

Женя смотрела на Диму. В его лице не было ни паники, ни злости. Только холодный расчёт. Он чувствовал, что буря где-то рядом, но не дрожал. Он был сам бурей.

Потом он посмотрел на неё – коротко, внимательно, с каким-то особым теплом.

– Ты нормально? – спросил он.

Женя кивнула.

– Да.

Дима затушил сигарету, придавил окурочек в пепельнице. Казалось бы – разговор закончен. Но он не встал. Посмотрел в окно, где за стеклом медленно и тихо валил снег, и вдруг сказал спокойно, но отчётливо:

– А ещё. Слушайте внимательно.

Ворон поднял глаза, Буйвол оперся на колено, Брава бросил взгляд из-под капюшона. Даже Каглай отлепился от окна.

– Начали восстанавливать ХБК. И рынок – он обвёл всех взглядом – После пожара — тихо, но идут. Материалы – те же. Люди – знакомые. Кто-то возвращается, кто-то новые.

Пауза.

– Это не просто стройка. Это – ход.

– Проверено? – спросил Каглай.

– Уже. Мои видели. Неофициально. Без бумаг. Как будто по-тихому отдают тем, кто должен был сгореть.

– Что, снова хотят туда вернуться? – буркнул Буйвол.

– Не просто вернуться, – отрезал Дима. – Закрепиться.

Он выпрямился, положил руки на стол, и голос стал твёрже.

– Следить. Все. За каждым кирпичом. Если там таскают доски – кто таскает, откуда, кто платит. Если бригада – кто в ней, откуда, кого знают. Если грузовик подъехал — кто за рулём, с кем говорит, сколько минут стоит.

– Может, людей своих подкинуть? – предложил Ворон.

– Подкинем. Но не сразу. Сначала наблюдаем, без паники. Он посмотрел на Браву.

– Брава, наши пусть погуляют рядом. Пацаны пусть "случайно" ходят мимо, попрошайничают, чистят стёкла, собирают бутылки. Но глаза, чтоб были острые.

Брава молча кивнул.

– другая часть – пусть нюхает, с другой стороны. Кто арендует, кто интересуется, кто там мимо пролетел на шестерке с чужими номерами.

– Если это всё Темень мутит... – начал Ворон.

– Не "если", – прервал его Дима. – Он. Он не уходит в лоб. Он залазит сбоку. Подбирается, чтоб не почувствовали. Поэтому и начал с пепла. Чтобы сказать:

"Смотрите, я всё равно здесь."

Дима выдохнул. Посмотрел по кругу.

– Всё, разошлись. И не теряться.

Он кивнул.

– И... пусть никто не расслабляется. Пока снег не растает – мы в режиме ожидания.

На улице уже почти стемнело, снег мелкой крупой ложился на капоты машин, стекал по лобовым стеклам, срывался с крыш тонкой ледяной бахромой. Было начало

седьмого, воздух – плотный, морозный, с привкусом табака и выхлопов.

Олимп жил своей жизнью. Тяжёлые двери закрывались и открывались, кто-то матерился на крыльце, кто-то в коридоре гонял чай. Шумно, тесно, тепло от батарей и перегретого воздуха, пахло дешёвыми духами и зимними куртками, насквозь пропахшими улицей.

В холле Женя стояла, обмотав шарф по самые уши. Щёки ещё алели от мороза. Она вертела головой, выглядывая одного человека. Но нужного лица всё не было.

– Ты кого высматриваешь? – услышала сзади знакомый голос.

– Андрея, – честно сказала она, оборачиваясь к Паше. – Он что, не пришёл?

Паша ухмыльнулся, руки в куртке.

– Ну да, конечно... Не пришёл. Наверное, морозы сильные – дружба заморозилась, – язвительно сказал он.

Женя закатила глаза, но с улыбкой:

– Господи, Паша, ты дурак.

– Ага. И ревнивый, между прочим, – фыркнул он. – Просто ты так его ждёшь, что у меня, по ходу, скоро рога вырастут.

– Ой, не начинай, – рассмеялась Женя и легонько толкнула его плечом.

Паша поднял руку, крикнул куда-то в сторону лестницы:

– Гвоздь! Эй, ты, шатающийся, где Техник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.